

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ: ПОИСК ИСТИНЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ФИЛОСОФИИ для практических занятий и самостоятельной работы студентов

ЧАСТЬ 2

БАРНАУЛ 2004

Философия: поиск истины. Учебное пособие по философии для практических занятий и самостоятельной работы студентов. Часть 2 /Составитель – Васильев С. Ф. / Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. –

Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. - 253 с.

Данное пособие предназначено для подготовки к практическим занятиям и самостоятельной работы студентов в рамках базового курса философии. Оно представляет собой собрание философских текстов и заданий к ним.

Материал поможет лучше понять специфику философских проблем и способы работы философов над их решением.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.....	2
3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ.....	21
4. АКСИОЛОГИЯ.....	39
5. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ.....	52
6. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ.....	72
7. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ.....	80

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель данного пособия – помочь студентам в освоении базового курса философии. По каждой теме представлены философские тексты, отражающие значимые точки зрения известных мыслителей по какой-либо проблеме и задания к ним. Поэтому каждый учащийся может самостоятельно определить, в чем суть проблемы, какие основные позиции по ней существуют, каким образом эти позиции аргументируются. Это позволяет выработать самостоятельные и обоснованные философские убеждения. Отчасти же это собрание текстов представляет собой дополнение к лекционному курсу. В первую очередь это относится к тестовым заданиям. При выполнении этих заданий необходимо *объяснять* правильность вашего решения. В тестовых заданиях собраны элементы различной сложности. Некоторые из них трудно однозначно отнести к той или другой категории. Если встречается такой случай, то надо осознать эту трудность и постараться как можно более конкретно сформулировать ее.

Подбор текстов преследует цель расширения сознания учащихся за счет приобщения к тысячелетнему опыту размышления великих философов о мире и человеке. Тексты даны в достаточном для понимания контексте, хотя прочтение некоторых сначала может вызвать некоторые трудности. Философские тексты надо читать внимательно, вчитываясь и перечитывая. Работа с текстами позволит получить навык понимания позиций других людей, определения степени ее обоснованности, умения выделять зерно истины из казалось бы далекой от действительного понимания предмета точки зрения на него.

Некоторые тексты призваны помочь осознать связь абстрактных философских проблем с конкретной жизнью. Другие тексты способствуют пониманию взаимосвязи различных разделов философского знания. В квадратных скобках – [ ] даны необходимые пояснения к тексту или к некоторым его терминам.

Пособие предназначено для стимуляции самостоятельной мыслительной деятельности учащегося. Поэтому его изучение предполагает известное умственное напряжение. Но без этого нет подлинного развития, подлинного движения вперед. Как говорили древние: через тернии к звездам!

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

№1. Какие типы отношения человека к природе выделяет Д. Андреев? Какое отношение человека к природе, по Вашему мнению, характерно для начала XXI века? Обоснуйте Ваш ответ.

Даниил Андреев «Роза мира». Казалось бы, отношение людей к природе бесконечно разнообразно, индивидуально, а иногда и внутренне антиномично. Но если проследить эволюцию этого отношения во всеобщей истории культуры от изобретения письменности до наших дней, можно обнаружить несколько типов его, лучше сказать - фаз. Я позволю себе здесь весьма упрощенно, в самых общих чертах, наметить три-четыре очень важные фазы так, как они мне представляются...

Наиболее ранняя фаза характеризуется тем, что космос кажется крайне миниатюрным, а Земля - единственным обитаемым миром. Зато этот мир, кроме нашей физической среды, обладает рядом других слоев, тоже материальных, но их материальность - другой природы и других свойств, чем наша... все эти слои, равно как и наш, лишены развития. Они сотворены раз и навсегда и обитаемы добрыми и злыми существами. Для этих существ человек центр их интересов и, так сказать, яблоко раздора. Сам же человек не осознает Природу как нечто вне его лежащее и не противопоставляет себя ей. Отдельные проявления Природы возбуждают, конечно, те или иные чувства - страх, удовольствие, благоговение, но Природа как целое, по-видимому, почти не воспринимается или воспринимается в чисто эстетическом плане, да и то лишь отдельными людьми, высоко одаренными художественным чувством. Поэтому редко можно найти среди памятников искусства этих эпох лирику природы и еще реже - пейзажную живопись. К этой фазе относятся, в основном, культуры древности, а также некоторые более поздние культурные формы Востока. В религиозном отношении для первой фазы характерен политеизм.

Для второй фазы типичны те монотеистические системы, которые или игнорируют Природу, не проявляя к ней интереса, или враждебны ей. Рост личности приводит к представлению, что человек может совершенствоваться. Природа же не подает признаков развития, она косна и статична, она неморальна и неразумна, она во власти демонических сил, и та часть человеческого существа, которая единственна Природе, требует либо порабощения ее духом, либо поработает его сама. Это - фаза природоборческая. Ее прошли и христианские, и буддийские, и индуистские народы; на ней остановилось (пока совпадало со своей национальной религией) еврейство. Последнее однако, равно как и народы ислама, не столько стремилось к борьбе с Природой, сколько проходило мимо нее. Семитическое чувство Природы вообще отличалось скудостью. Давно уже отмечено, как бедны были этим чувством авторы библейских книг и Корана сравнительно с теми, кто создавал великие эпопеи Эллады и, особенно, Индии Семиты отдавали Природе неизбежную дань, осуждая религиозной санкцией воспроизведение рода, но в своей духовной философии и искусстве стремились игнорировать ее с многозначительной последовательностью. Они сделали у себя фактически невозможной скульптуру и портретную живопись, потому что боялись обожествить человека и ненавидели обоготворение стихии. Как и другие элементы семитизма, эта природоборческая тенденция перешла с христианством в Европу, подавила природные культы германского и славянского язычества и господствовала до конца средних веков. Но и Востоку пришлось пройти через эту фазу, хотя и окрасив ее по-своему. Аскетичность крайних проявлений брахманизма, борьба буддизма за высвобождение человеческого Я из-под власти Природы - все это слишком общеизвестно, чтобы на нем останавливаться. Таким образом, если в первой фазе Природа как целое почти не осознавалась, а поэтизировалась и боготворилась в отдельных своих проявлениях, то во второй она была осознана как начало враждебное, покорное демоническим силам.

Третья фаза связана с эрой господства науки и с оскудением мира религиозных чувств. Унаследовав от христианства природоборческое начало, человек третьей фазы освобождает его от религиозного смысла, отказывается от

преодоления природных элементов в собственном существе и обосновывает к природе строго утилитарный подход. Природа есть объект разумного (научного) исследования, - во-первых; она есть сонмище бездушных сил, которое надо покорить на потребу человека, - во-вторых. Физический кругозор неизмеримо расширяется; знание структуры и законов нашего слоя достигает головокружительной глубины; в этом - ценность третьей фазы. Но напрасно толкуют о любви к природе естествоиспытателей. Интеллектуальную любовь можно испытывать только к продукции интеллекта: можно умом любить идею, мысль, теорию, научную дисциплину. Так можно любить физиологию, микробиологию, даже паразитологию, но не лимфу, не бактерии и не блох. Любовь к природе может быть явлением физиологического порядка, может быть явлением порядка эстетического, наконец - порядка этического и религиозного. Явлением только одного порядка она не может быть: интеллектуального. Если отдельные специалисты-естественники и любят природу, то это чувство не имеет никакой связи ни с их специальностью, ни вообще с научной методикой познания Природы: это чувство или физиологического, или эстетического порядка.

Однако наибольшего противопоставления себя Природе цивилизованное (по крайней мере, западное) человечество достигло не в XX веке, как это могло бы показаться, но в XVII, XVIII и начале XIX века. Никогда моды не были так искусственны, как во времена пудренных париков. Никогда близлежащие к человеку участки Природы не уродовались так рассудочно и противоестественно, как в эпоху Версальского парка. Аристократа времен Людовиков так же немисливо вообразить берущим солнечную ванну или гуляющим босиком, как нельзя представить себе спартанку времен греко-персидских войн - в корсете и в ботинках на высоких каблуках. Во всем этом проявлялось отношение к Природе, генетически коренившееся в христианском аскетизме, но в ходе развития заменившее духовный снобизм - снобизмом цивилизации, религиозную гордыню - гордыней рассудка, а ко всему, печатью рассудочности не отмеченному, не испытывавшее ничего, кроме насмешливого презрения.

Философия Руссо знаменует собою поворотный пункт. Но должно было протечь полтора столетия, мир должен был вступить в эпоху городов-гигантов, чтобы тоска по Природе стала понятна человеческому большинству. Поэты Озерной школы в Англии, Гете и романтики в Германии, Пушкин и в особенности Лермонтов в России любили Природу высокой эстетической, а некоторые и пантеистической любовью. Возникла Барбизонская школа живописи, и к концу XIX века эстетическая любовь завоевала незыблемое право на бытие в культуре; в XX веке развилась и любовь физиологическая. Зрительное созерцание Природы стало уже недостаточным: появилась потребность ощущать стихии осязательно и моторно, всей поверхностью тела и движением мускулов. Этой потребности отвечали отчасти туризм и спорт; и, наконец, в 1-й половине нашего столетия пляж, с его физиологическим растворением человека в солнечном свете, тепле, воде, игре, плотно и прочно вошел в повседневную жизнь. Тот самый пляж, который во времена Ронсара или Ватто показался бы непристойной выходкой сумасшедших, а в средние века был бы приравнен к шабашам ведьм на Лысой горе и, пожалуй, к черной мессе. Если вообразить Торквемаду, внезапно перенесенного в качестве зрителя на пляж в Остенде или в Ялте, вряд ли можно усомниться в том, что мысль о немедленном аутодафе из тысяч этих бесстыдных еретиков сразу возникла бы в голове этого охранителя душ человеческих.

Может быть, ничто так наглядно не иллюстрирует уменьшение пропасти между человеком и стихиями за последний век, как эволюция одежды. Пальто и головные уборы, неотступно сопровождавшие «образованного» человека даже в летний полдень, стали употребляться лишь в меру климатической необходимости. 50 лет назад казалось неприличным выйти из дому без перчаток; теперь ими пользуются только в холода. Вместо сюртуков и крахмальных манишек, в которых бонтонно прели наши деды даже при тридцатиградусной жаре, жизнь стала завоевываться безрукавками с открытым воротом. Ноги, изнывавшие в высоких ботинках, почувствовали прелесть тапочек и босоножек. Женщины освободились от кошмара корсетов, летом вошли в обиход укороченные снизу и открытые сверху платья, а платья длинные уцелели только в качестве вечерних туалетов. Дети, чьи прадеды в соответствующем возрасте чинно расхаживали даже в июле в гимназических куртках и с фуражкой на голове, бегают босиком, в одних трусах, до черноты зацелованные солнцем. Человек мирового города, отдалившийся от Природы на такое расстояние, как еще никогда, затосковал об ее «жарких объятиях» и возвращается к ней, еще почти бессознательно, инстинктивной телесной любовью, но в накопленном историческом опыте своей души неся семена нового, совершеннейшего отношения к Природе. Такова четвертая фаза.

Итак, четыре фазы: языческая, аскетическая, научно-утилитарная и инстинктивно-физиологическая....

Но это развитие еще не привело к осознанию того, что возможно и необходимо, сохраняя старые оттенки любви к природе, за исключением, конечно, аморально-утилитарного отношения к ней, безмерно обогатить это отношение смыслом этическим и религиозным...

№2. Какова основная мысль данного текста? Насколько она, по Вашему мнению, правильна? Обоснуйте свою позицию. Какой концепции отношения человека к природе придерживается М. Монтень – древнего мира, средних веков или нового времени?

Мишель Монтень «Опыты. Апология Раймонда Сабундского». Рассмотрим же человека, взятого самого по себе, без всякой посторонней помощи, вооруженного лишь своими человеческими средствами и лишенного божественной милости и знания, составляющих в действительности всю его славу, его силу, основу его существа. Посмотрим, чего он стоит со всем этим великолепным, но чисто человеческим вооружением. Пусть он покажет мне с помощью своего разума, на чем покоятся те огромные преимущества над остальными созданиями, которые он приписывает себе. Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, - что все это сотворено и существует столько веков только для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах даже управлять собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею! На чем основано

то превосходство, которое он себе приписывает, полагая, что в этом великом мироздании только он один способен распознать его красоту и устройство, что только он один может воздавать хвалу его творцу и отдавать себе отчет в возникновении и распорядке вселенной? Кто дал ему эту привилегию? Пусть он покажет нам грамоты, которыми на него возложены эти сложные и великие обязанности.

Даны ли они только одним мудрецам? Относятся ли они только к немногим людям? Или безумцы и злодеи также стоят того, чтобы они, худшие существа вселенной, пользовались таким предпочтением перед всеми остальными? Можно ли этому поверить? *Quorum igitur causa quis dixerit effectum esse mundum? Eorum scilicet animantium quae ratione utuntur. Hi sunt dii et homines, quibus profecto nihil est melius* [Итак, кто скажет, для кого же создан мир? Для тех, следовательно, одушевленных существ, которые одарены разумом, то есть для богов и для людей, ибо нет ничего лучше их (лат.)]. Нет слов, чтобы достаточно осмеять это бесстыдное приравнение людей к богам. Есть ли в этом жалком существе хоть что-нибудь достойное такого преимущества?...

Самомнение - наша прирожденная и естественная болезнь. Человек самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное. Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и нечистот мира, он прикован к худшей, самой тленной и испорченной части вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания, наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего из трех видов, и, однако же, он мнит себя стоящим выше луны и попирающим небо, По суетности того же воображения он равняет себя с богом, приписывает себе божественные способности, отличает и выделяет себя из множества других созданий, преуменьшает возможности животных, своих собратьев и сотоварищей, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему заблагорассудится. Как он может познать усилием своего разума внутренние и скрытые движения животных? На основании какого сопоставления их с нами он приписывает им глупость?

Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею! Платон в своем изображении золотого века Сатурна относит к важнейшим преимуществам человека тех времен его общение с животными, изучая и поучаясь у которых, он знал подлинные качества и особенности каждого из них; благодаря этому он совершенствовал свой разум и свою проницательность, и в результате жизнь его была во много раз счастливее нашей. Нужно ли лучшее доказательство глупости обычных человеческих суждений о животных? Этот выдающийся автор полагал, что ту телесную форму, которую дала им природа, она в большинстве случаев назначила лишь для того, чтобы люди по ней могли предсказывать будущее, чем в его время и пользовались.

Тот недостаток, который препятствует общению животных с нами, - почему это не в такой же мере и наш недостаток, как их? Трудно сказать, кто виноват в том, что люди и животные не понимают друг друга, ибо ведь мы не понимаем их так же, как и они нас. На этом основании они так же вправе считать нас животными, как мы их. Нет ничего особенно удивительного в том, что мы не понимаем их: ведь точно так же мы не понимаем басков и троглодитов. Однако некоторые люди хвастались тем, что понимают их, например Аполлоний Тианский, Меламп, Тиресий, Фалес и другие. И если есть народы, которые, как утверждают географы, выбирают себе в цари собаку, то они должны уметь истолковывать ее лай и движения. Нужно признать равенство между нами и животными: у нас есть некоторое понимание их движений и чувств, и примерно в такой же степени животные понимают нас. Они ласкаются к нам, угрожают нам, требуют от нас; то же самое проделываем и мы с ними. В то же время известно, что и между самими животными существует глубокое общение и полное взаимопонимание, причем не только между животными одного и того же вида, но и различных видов...

Итак, возвращаясь к прерванной нити изложения, я утверждаю, что нет никаких оснований считать, будто те действия, которые мы совершаем по своему выбору и умению, животные делают по естественной склонности и по принуждению. На основании сходства действий мы должны заключить о сходстве способностей и признать, что животные обладают таким же разумом, что и мы, действуя одинаковым с нами образом. Почему мы предполагаем в животных природное принуждение, мы, не испытывающие ничего подобного? Тем более что почетнее быть вынужденным действовать по естественной и неизбежной необходимости - и это ближе к божеству, - чем действовать по своей воле - случайной и безрассудной; да и гораздо спокойнее предоставлять бразды нашего поведения не нам, а природе. Из нашего тщеславного высокомерия мы предпочитаем приписывать наши способности не щедрости природы, а нашим собственным усилиям и, думая этим превознести и возвеличить себя, наделяем животных природными дарами, отказывая им в благоприобретенных. И я считаю это большой глупостью, ибо, на мой взгляд, качества, присущие мне от рождения, следует ценить ничуть не меньше, чем те, которые я собрал по крохам и выклянчил у обучения. Мы не в силах придумать человеку лучшую похвалу, чем сказав, что он одарен от бога и от природы.

№3. Насколько обоснован главный вывод текста? Можно ли предотвратить такой исход?

Валентин Пономаренко «Проблема 2033 или Джонушка, Иоганушка да Иванушка дурачки». За последние 40 лет потеряна примерно треть пахотных земель вследствие урбанизации, строительства дорог, эрозии, засоления и заболачивания почвы... Если деградация пашни будет и далее происходить со скоростью 12 млн. га в год, то через 42 года рассчитывать на достаточное количество еды смогут только 2 млрд. человек...

Итак: 12% суши занято под сельскохозяйственные культуры; 24% отведено для пастбища; еще 31% покрыто лесами. Остальные 33% или слишком холодны, или засушливы, или приходится на такие крутые склоны, что не могут быть использованы в сельском хозяйстве...

Среднемировое производство зерновых с 1950 г. по 2000 г. уменьшилось в 2 раза. Тенденция и темп сохраняются теми же. Сегодня только 2 страны из 183 являются крупными экспортерами зерновых...

Во всем мире деградации подвержено 15% пахотных угодий. Порочный круг, вызванный ростом населения и уменьшением земельных ресурсов, все более сужается. Дополнительное ускорение порядка 10-20% придаст явление парникового эффекта и нарушение озонового слоя...

Существование человечества частично зависит от его здравого смысла и полностью - от тонкого слоя плодородной почвы (в среднем примерно 30 см.). Прирост населения происходит со скоростью около 120 000 человек в день, а обеспечение энергией всех видов в расчете на каждого живущего через несколько лет начнет уменьшаться. Если не изменится демографическая обстановка, голод будет неизбежен...

В развивающихся странах загрязнено примерно 95% воды. В США в 37% озер вода непригодна для купания из-за различных видов загрязнения...

Сегодня 2 млрд. людей в 80 странах мира живут в условиях ограниченного обеспечения питьевой водой. В 9 странах потребление воды превышает скорость ее возобновления.

За прошедшие 150 лет количество питьевой воды на человека уменьшилось в 4 раза...

За 150 лет человечество успело израсходовать 65% мировых запасов нефти. Ежедневно в мире расходуется нефти почти в 5 раз больше, чем удастся найти ее в новых месторождениях.

Нефть Персидского залива, вероятнее всего, последний большой резерв этого вида топлива. После 2005-2010 г. предполагается необратимый спад мировой добычи нефти. Наличие пика производства определяется «энергетической стоимостью» добычи. Если на поиск и извлечение топлива затрачивается столько же энергии, сколько ее содержит добытое горючее, дальнейший процесс теряет смысл...

В настоящее время «полезным» стало практически все, что входит в таблицу Менделеева... Все это изымается у природы и практически немедленно превращается в бесполезные отходы, которые, в свою очередь, становятся вредными: они не только отнимают место у сельскохозяйственных угодий, но и отравляют почву, грунтовые и поверхностные воды, а также воздух...

Известно, что тяжелые металлы (простейшие яды) никогда не распадутся, и любой контейнер или цистерна когда-нибудь разрушится, однако нет никаких признаков того, что безумие производства уменьшается. Элементарные яды, урановые руды и другие источники смерти для всего живого, которые были в естественном состоянии рассеяны и не представляли опасности, усилиями «человека мыслящего» сосредоточены в малых объемах и превратились в реальную угрозу жизни...

Первый всесторонний анализ развития технической цивилизации был выполнен членами Римского клуба, авторитетами в различных областях науки, техники и экономики. В своем итоговом труде «Пределы роста» в 1972 г. они представили результаты моделирования тенденций, прямо и косвенно связанных с неконтролируемым использованием ресурсов Земли. Основные выводы состояли в том, что, при существующих в то время темпах развития, невозобновляемые ресурсы исчерпаются примерно через 100 лет, после чего наступят необратимые процессы распада всемирной экономической системы, и что попытки любых частных решений проблемы не могут быть успешными. Второй причиной гибели системы могут быть нарушения в экосистеме Земли. Итог будет одним и тем же, независимо от того, какие условия выполняются раньше: истощение ресурсов или уничтожение среды обитания. За прошедшие 30 лет прогнозы Римского клуба не были опровергнуты, за исключением одного: авторы исследования ошиблись в своих оценках темпов расходования ресурсов. В действительности, по уточненным данным, процесс развала наступит на 30-40 лет раньше, чем предполагалось.

Приведены сроки исчерпания с учетом обнаружения новых месторождений.

Алюминий 55(лет), Хром 154, Уголь 150, Кобальт 148, Медь 48, Золото 29, Железо 173, Свинец 64, Марганец 94, Ртуть 41, Молибден 65, Природный газ 49, Никель 96, Нефть 50, Платина 85, Серебро 42, Олово 61, Вольфрам 72, Цинк 50...

Пещерная психология человека в сочетании с современной технической мощью привела к тому, что в сознании людей утвердилось «ростомания». Рост валового национального продукта считается эквивалентом роста жизненного уровня. Очень трудно пробивает дорогу понимание того, что «больше» вовсе не обязательно означает «лучше». Мы полагаем, что нам нужно больше товаров, больше производительности, больше науки и техники, и больше работать для достижения этого. В то же время мы уже производим больше, чем нужно для нормальной жизни, и мы работаем намного больше, чем это необходимо.

В действительности маниакальное стремление к увеличению продукции означает просто более быстрое использование всех доступных ресурсов и, одновременно, разрушение жизни на Земле, подстегиваемое конкуренцией свободного рынка. Оно производит сплошную вырубку лесов; та же «сплошная вырубка» происходит в морях, океанах, реках, озерах и при добыче полезных ископаемых. Сообщество людей ведет себя как эпидемия. Оно не остановится, пока не уничтожит себя или не исчерпает запасы топлива, используемые для уничтожения экосферы. Если, по каким-либо причинам, человечество не сумеет остановить рост населения и не прекратит излишнее потребление ресурсов, эти тенденции будут остановлены природой.

К сожалению, предвидению своих поступков люди практически не уделяют никакого внимания. Человек, что бы он ни делал, почти никогда не знает, что именно он делает, во всяком случае, не знает до конца. Как следствие, всякая цивилизация включает и то, к чему общество стремилось, и то, чего никто не замыслил. Дело здесь не только в лени или нежелании. Сложность мира превосходит нашу способность к уяснению причинно-следственных связей. Фактически мы грубо вмешиваемся в работу сложнейшего механизма, практически ничего не зная о его устройстве. Вполне естественно, что если достаточно долго портить машину, она сломается...

Итак:

- всем достижениям технической цивилизации мы обязаны природным источникам энергии и нашему умению ее извлекать и применять;

- запасы основных источников энергии (нефть, газ, уголь) конечны; срок их исчерпания - несколько десятилетий;

- площадь пашни, лугов и лесов, которые обеспечивают нам пропитание, конечна; более того, в результате нашей деятельности она сокращается, а продуктивность земли уменьшается;

- Земля у нас одна, и нам некуда переселяться;
- в скором будущем населению предстоит энергетический и, практически вслед за ним, буквальный голод, если численность населения не будет соответствовать возможности Земли обеспечивать урожаи и численность скота, согласованные с численностью населения;
- жизненно важные ресурсы распределены на Земле очень неравномерно;
- потребление ресурсов далеко не всегда согласовано с их наличием в каждой стране мира;
- мировая экономика характерна разделением труда и, следовательно, страны весьма взаимозависимы;
- технический прогресс, подобно огромному смерчу, втянул в свою воронку и сконцентрировал в городах значительную часть населения; например, в городах США живет 97-98% населения страны, в других развитых государствах несколько меньше;
- средние и, тем более, крупные города не могут существовать без потребления органического топлива и электроэнергии;
- машиностроение, химические производства, транспортные системы, научные и исследовательские центры, органы государственного управления - существенная принадлежность именно крупных городов...

Глобальный энергетический кризис вызовет цепную реакцию разрушения. В первую очередь погибнет то, что возникло последним: космическая промышленность, информационные технологии. Многократное подорожание топлива остановит вначале частный, а затем муниципальный транспорт. Сотни миллионов автомобилей превратятся в бесполезный хлам. Резко сократится, а затем и прекратится движение международного транспорта всех видов: морской, железнодорожный, автомобильный, речной, воздушный. Последние резервы будут выделены, как и во время Второй мировой войны, в распоряжение военных и полиции.

Распадутся союзы государств и почти все современные государства. В прошлое будет уходить международная торговля, деловые и туристические поездки, перевозка колоссального количества грузов. Остановится горнодобывающая и металлургические отрасли; прекратится выплавка и обработка металлов; закроются машиностроительные заводы и огромное количество смежных с ними производств; возникнет невиданная до того безработица, которая, в отличие от прежних времен, охватит также все уровни государственной иерархии.

Начнется массовая гибель больших городов: люди вынуждены будут уходить на землю, возвращаться к незнакомому, непривычному и тяжелому труду на земле. Миграция, как внутренняя, так и внешняя, охватит весь мир: национальные и государственные границы потеряют смысл, - их некому, да и невозможно будет охранять и защищать. Это будет поистине великое перемещение народов из бедных стран в более богатые, последнее в истории человечества.

Нарушатся системы связи, - как международные, так и национальные. Потеря информации о происходящем еще больше усилит хаос, беспорядки и неизбежные при этом волны насилия.

Компьютерные информационные, управляющие и технологические, а также военные системы блокируют функционирование всего, что связано с использованием вычислительной техники. В наибольшей степени это отразится на странах, передовых в техническом и технологическом отношении.

Не исключено возникновение аварийных ситуаций на заводах, производствах и установках, представляющих собой источники опасности для всего живого на земле: химические заводы, атомные и гидроэлектростанции, плотины, исследовательские центры в области микробиологии, химии, военного производства. Будет потерян контроль над устройствами захоронения отходов атомной промышленности и над складами как обычного оружия, так оружия массового уничтожения всех видов.

Право сильного, которое трансформировалось в свод законов, где обычно работало право богатого, снова проявится в своем ничем не прикрытом виде...

Логика подсказывает, что решение глобального кризиса может быть найдено только в коренном изменении системы, созданной людьми, и в изменении природы самих людей. И то, и другое не реально. Остается только назвать все своими именами и ждать.

В конце концов, все это - всего лишь вопрос времени...

Все когда-нибудь заканчивается. Скоро придется проститься с технической цивилизацией, ее преимуществами и недостатками, уютом и неустроенностью, высокими достижениями технологий и непрерывным производством отходов, вершинами гуманизма и безднами жестокости, взлетами мысли и глупостями, а также с очень многим другим.

У людей был шанс построить уютный дом на Земле. Он был использован по-варварски. Другого шанса не будет.

№4. Какие меры предлагают авторы текстов для решения глобальных проблем? Насколько они эффективны, по Вашему мнению?

В. Хёсле «Философия и экология». В плеонаксии, т. е. в желании иметь все больше и больше, нам вновь надо научиться видеть не преимущество, а, подобно древним, ту черту характера, которая непреодолимо изобличает человеческие низость и вульгарность. Нам снова нужно научиться говорить: «Хватит», - делая ограничения более строгими. Нам нужны аскетические идеалы... Состояние современных обществ особенно ярко характеризуется тем, что подобные идеалы ныне совершенно исчезли. К примеру, в США роскошь стала выражением самосознания определенной формы христианства (ибо роскошь против коммунизма, а Бог ненавидит коммунизм). Итак, определенная степень аскезы должна быть познана как условие собственной свободы: не является свободным человек, который нуждается во многом - то ли ради хорошего самочувствия, то ли ради признания тех других людей, от которых зависит его чувство самооценки. Критерием свободы скорее служит свобода от потребностей. Возрождение стоических идеалов, пожалуй, остается последним шансом человечества...

Новая же цель гласит: «Создание экологического общества», но не «экономический рост любой ценой». Человек, пускай даже и пренебрегающий личными интересами, но посвятивший свое усердие, свои знания, свою мудрость достижению второй - во всемирно-историческом смысле устаревшей - цели, не может претендовать на объективную моральность. Более того, и его субъективная моральность может быть оспорена: ведь в обществе растут сомнения относительно данной цели, а он, этот человек, даже не приводит серьезных аргументов против возникающих сомнений... Мудрость сегодня не может ограничиться стремлением к гармонии с абсолютным принципом бытия и со своим ближним - она должна включать в себя и гармонию с природой, порождая при всем том сдержанную рассудительность, способность к отречению. Благоразумие встречается только там, где даются в радиусе охвата рациональные оценки последствий деятельности, опосредованной современной техникой, и, что еще важнее, деятельности институтов, к которым мы принадлежим. Справедливость не распространяется только на членов собственной культуры, напротив, она должна постоянно расширяться в пространстве и времени. Наши исторические предшественники, т. е. природа, архаические культуры, суть объекты справедливости наравне с грядущими поколениями. Наконец, храбрость будет проверяться по преимуществу не на войне (хотя жертва собственной жизнью в борьбе с несправедливостью и насилием, разумеется, остается нравственным требованием); храбрость, как правило, найдет свое выражение в гражданском мужестве благодаря которому будут отвергнуты ставшие сомнительными ценности и придет освобождение от диктата потребления. И все же подлинная этическая проблема в экологическую эпоху вовсе не ограничивается обоснованием новых норм. Почти все согласны с тем, что мы обязаны сохранить нашу планету обитаемой ради будущих поколений, и даже относительно ценностного характера природы можно было бы достичь консенсуса. Гораздо труднее заставить людей поступать соответствующим образом.

Эрих Фромм «Иметь или быть?» Месарович и Пестель (авторы двух докладов, представленных Римским клубом) говорят о необходимости «нового мирового сознания... новой этики при использовании материальных ресурсов... нового отношения к природе, основанного не на покорении природы, а на гармонии... ощущения тождества с будущими поколениями людей... Впервые за всю историю существования человека на земле от него требуют не делать то, что он может делать; от него требуют ограничить экономическое и технологическое развитие или по крайней мере изменить направление этого развития; все будущие поколения людей на земле требуют от него поделиться своим богатством с теми, у кого ничего нет, поделиться не из соображений милосердия, а в силу необходимости. От человека требуется сконцентрировать усилия на органичном развитии мировой системы. И может ли человек, будучи в здравом рассудке, сказать на это «нет»?» Они приходят к выводу, что без этих коренных изменений в человеке «*Homo sapiens* приговорен»...

Если людям суждено когда-нибудь стать свободными и покончить с подстегивающим промышленное производство патологическим потреблением, то для этого необходимо произвести радикальные изменения в экономической системе: *мы должны положить конец нынешнему положению, когда существование здоровой экономики возможно только ценой нездоровья людей.* Наша задача - создать здоровую экономику для здоровых людей. *Первым решающим шагом в этом направлении должна стать переориентация производства на «здоровое потребление».* Традиционная формула «производство ради потребления вместо производства ради прибыли» здесь не достаточна, потому что она не уточняет, какое именно потребление имеется в виду - здоровое или патологическое. Именно здесь и возникает самый трудный практический вопрос: Кто должен определять, какие потребности являются здоровыми, а какие нездоровыми? Можно быть совершенно уверенным по крайней мере в одном: не может быть и речи о том, чтобы принуждать граждан потреблять то, что с точки зрения государства является самым лучшим - даже если это действительно самое лучшее. Бюрократический контроль, который насильно блокировал бы потребление, лишь усилил бы у людей жажду потребления. Здоровое потребление может иметь место только в том случае, когда все увеличивающееся число людей захотят изменить структуру потребления и свой стиль жизни. А это возможно только при условии, если предложить людям иной тип потребления, более привлекательный, чем тот, к которому они привыкли. Это не может произойти за один день, посредством законодательного акта, для этого нужен постепенный процесс просвещения, и здесь важную роль должно сыграть правительство. Функция государства - установить нормы здорового потребления вместо потребления патологического и индифферентного...

Люди поймут, что потребление часто порождает пассивность, что потребность в быстрой смене впечатлений и новизне, удовлетворяемая только консьюмеризмом [безудержным потребительством], является отражением нашего внутреннего беспокойства, бегством от самого себя; что погоня за все новыми и новыми занятиями или вещами - это всего лишь средство самозащиты, страх оказаться наедине с самим собой или с другим человеком.

Правительство может значительно облегчить этот процесс просвещения, субсидируя производство желательных товаров и услуг до тех пор, пока оно не станет приносить прибыль. Эти усилия правительства должны сопровождаться широкой просветительской кампанией за здоровое потребление. Следует ожидать, что *согласованные действия, направленные на стимулирование здоровых потребностей, смогут, по всей вероятности, изменить характер потребления.* Если к тому же отказаться от применяемых в настоящее время в рекламе промышленных товаров методов «промывания мозгов», - а это важное условие - то не столь уж невероятно ожидать, что эти усилия окажутся не менее эффективными, чем индустриальная пропаганда.

Типичным возражением против всей программы избирательного потребления (и производства) по принципу «что способствует благоденствию?» является следующее: в условиях экономики свободного рынка потребители получают именно то, что они хотят, и, следовательно, нет никакой необходимости в «избирательном» производстве. Этот аргумент основывается на посылке, что потребители хотят того, что они считают хорошим для себя; это, конечно, абсолютно неверно (а в случае наркотиков или, скажем, хотя бы сигарет никто таким аргументом не стал бы пользоваться). Этот аргумент совершенно игнорирует тот важный факт, что желания потребителей формируются производителем. И несмотря на существование конкурирующих фирм, общее воздействие рекламы направлено на стимулирова-

ние жажды потребления. Все фирмы помогают друг другу в этом посредством рекламы; у покупателя остается лишь сомнительная привилегия выбора между несколькими конкурирующими марками товаров...

Здоровое потребление возможно только в том случае, если мы сможем самым решительным образом обуздать право акционеров и менеджеров крупных предприятий определять характер своей продукции на основании одной лишь прибыльности и интересов расширения производства....

С введением гарантированного годового дохода исчезли бы многие пороки, присущие современному капиталистическому и коммунистическому обществам.

Суть этой идеи заключается в том, чтобы предоставить всем людям независимо от того, работают они или нет, неоспоримое право на пищу и кров. Они будут получать не более, но и не менее того, что совершенно необходимо для существования человека. Такое право представляется сейчас чем-то новым, хотя уже с давних пор проповедовалось христианской церковью и претворялось в жизнь во множестве «примитивных» племен *безусловное право людей на жизнь независимо от того, выполняют они свой «долг перед обществом» или нет.* Именно это право мы гарантируем домашним животным, но не распространяем на своих ближних.

Будь такой закон претворен в жизнь, это чрезвычайно расширило бы царство личной свободы; никого, кто был бы экономически зависим от другого человека (например, от отца, мужа, хозяина), уже нельзя было бы заставить под угрозой голода; талантливые люди, желающие изменить свою жизнь, могли бы сделать это, если бы готовы были пойти на некоторые жертвы и в течение какого-то времени пожить в относительной бедности. Современные государства всеобщего благоденствия почти что восприняли этот принцип - «почти что» означает «не на самом деле», не по-настоящему. Бюрократия все еще «управляет» людьми, все еще подвергает их контролю и унижениям. Однако при гарантированном доходе сам факт, что любому человеку требуется скромное жилье и минимум пищи, не нуждался бы в «доказательстве». Таким образом, отпала бы необходимость в бюрократическом аппарате, осуществляющем руководство программой социального обеспечения с присущими ему убытками и оскорблением человеческого достоинства. Гарантированный годовой доход обеспечил бы реальную свободу и независимость. Поэтому он несовместим с любой системой, основанной на эксплуатации и контроле, особенно с различными формами диктатуры...

Учитывая стоимость содержания огромного современного бюрократического аппарата, занимающегося вопросами социального обеспечения, стоимость лечения больных, особенно психосоматическими заболеваниями, стоимость борьбы с преступностью и наркоманией (которые являются зачастую формами протеста против насилия и скуки), вполне вероятно, что стоимость содержания любого индивида, пожелавшего иметь гарантированный годовой доход, оказалась бы меньше того, во что обходится наша современная система социального обеспечения. Тем, кто убежден, что «люди по своей природе ленивы», эта идея покажется неосуществимой и опасной. Однако расхожее представление о природной ленивости людей на самом деле не имеет никаких оснований; эта формула служит рационализацией сопротивления, с которым сталкивается попытка отказаться от власти над беспомощными.

Пропасть между богатыми и бедными странами должна быть уничтожена.

Нет сомнений в том, что существование и дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными странами приведет к катастрофе. Бедные страны уже не воспринимают экономическую эксплуатацию их индустриальным миром как дар божий... Повышение цен на нефть было началом - и символом - требований колониальных народов положить конец существующей системе, которая обрекает их продавать сырье по низким ценам, а покупать промышленные товары по высоким. Точно так же война во Вьетнаме была символическим началом конца политического и военного господства Запада над колониальными народами.

Что же произойдет, если не будут предприняты решительные шаги, чтобы уничтожить эту пропасть? Либо какие-нибудь эпидемии распространятся столь широко, что проникнут в оплот общества белых, либо голод доведет население нищих стран до такого отчаяния, что они - возможно, не без помощи некоторых сочувствующих им людей в индустриальном мире - прибегнут к насилию и даже применению ядерного или биологического оружия, что вызовет хаос в лагере белых. Эту катастрофу можно предотвратить только в том случае, если будут устранены условия, порождающие голод и болезни, а для этого жизненно необходима помощь высокоразвитых стран. Оказание такой помощи не должно основываться на заинтересованности богатых стран в получении прибыли и каких-либо политических преимуществ; не следует также переносить экономические и политические принципы капитализма в страны Азии и Африки. Очевидно, что определять наиболее эффективные пути оказания такой экономической помощи - дело специалистов в области экономики. Однако выполнить эту задачу могут только те, кого можно назвать настоящими специалистами, у кого, помимо блестящего интеллекта, есть еще и горячее человеческое сердце, побуждающее их заниматься поисками оптимального решения проблемы.

№5. Что такое биосфера и каковы закономерности ее развития? Случайно ли возник человек на Земле? Что такое ноосфера, в чем выражается ее наступление? С какими социальными идеалами связана ноосфера?

Владимир Иванович Вернадский «Несколько слов о ноосфере».

В гуще, в интенсивности и в сложности современной жизни человек практически забывает, что он сам и все человечество, от которого он не может быть отделен, неразрывно связаны с биосферой - с определенной частью планеты, на которой они живут. Они геологически закономерно связаны с ее материально-энергетической структурой.

В общежитии обычно говорят о человеке как о свободно живущем и передвигающемся на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю. До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы - той земной оболочкой, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться. В действительности ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится.

Все эти организмы неразрывно и непрерывно связаны - прежде всего питанием и дыханием - с окружающей их материально-энергетической средой. Вне ее в природных условиях они существовать не могут...

Понятие «биосферы», т.е. «области жизни», введено было в биологию Ламарком (1744-1829) в Париже в начале XIX в., а в геологию Э. Зюссом (1831-1914) в Вене в конце того же века. В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как планетное явление космического характера...

Живое вещество по весу составляет ничтожную часть планеты. По-видимому, это наблюдается в течение всего геологического времени, т.е. геологически вечно. Оно сосредоточено в тонкой, более или менее сплошной, пленке на поверхности суши в тропосфере - в лесах и в полях - и проникает весь Океан. Количество его исчисляется долями, не превышающими десятых долей процента биосферы по весу, порядка, близкого к 0,25%. На суше оно идет не в сплошных скоплениях на глубину в среднем, вероятно, меньше 3 км. Вне биосферы его нет. В ходе геологического времени оно закономерно изменяется морфологически. История живого вещества в ходе времени выражается в медленном изменении форм жизни, форм живых организмов, генетически между собой непрерывно связанных, от одного поколения к другому, без перерыва...

Эволюционный процесс присущ только живому веществу. В косном веществе нашей планеты нет его проявлений. Те же самые минералы и горные породы образовывались в криптозойской эре, какие образуются и теперь. Исключением являются биокосные природные тела, всегда связанные так или иначе с живым веществом. Изменение морфологического строения живого вещества, наблюдаемое в процессе эволюции, в ходе геологического времени, неизбежно приводит к изменению его химического состава...

Если количество живого вещества теряется перед косной и биокосной массами биосферы, то биогенные породы (т.е. созданные живым веществом) составляют огромную часть ее массы, идут далеко за пределы биосферы. Учитывая явления метаморфизма, они превращаются, теряя всякие следы жизни, в гранитную оболочку, выходят из биосферы...

Младшие современники Ч. Дарвина - Д. Д. Дана (1813-1895) и Д. Ле Конт (1823-1901) - два крупнейших североамериканских геолога (а Дана к тому же минералог и биолог) - выявили еще до 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении. Это явление было названо Дана цефализацией, а Ле Контом - психозойской эрой...

Дана указал, что в ходе геологического времени, говоря современным языком, т.е. на протяжении двух миллиардов лет по крайней мере, а наверное много больше, наблюдается (скачками) усовершенствование - рост - центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дана, и от моллюсков (головноногих) и кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией. Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед.

В XX в. впервые в истории Земли человек узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земли, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым. Нет ни одного клочка Земли, где бы человек не мог прожить, если бы это было ему нужно. Наше пребывание в 1937-1938 гг. на плавающих льдах Северного полюса это ярко доказало. И одновременно с этим, благодаря мощной технике и успехам научного мышления, благодаря радио и телевидению, человек может мгновенно говорить в любой точке нашей планеты с кем угодно. Перелеты и перевозки достигли скорости нескольких сотен километров в час, и на этом они еще не остановились. Все это результат цефализации Дана (1856), роста человеческого мозга и направляемого им его труда. В ярком образе экономист Л. Брентано иллюстрировал планетную значимость этого явления. Он подсчитал, что, если бы каждому человеку дать один квадратный метр и поставить всех людей рядом, они не заняли бы даже всей площади маленького Боденского озера на границе Баварии и Швейцарии. Остальная поверхность Земли осталась бы пустой от человека. Таким образом, все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом...

Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей - Homo sapiens и его геологических предков Sinanthropus и др., потомство которых для белых, красных, желтых и черных рас - любым образом среди них всех - развивается безостановочно в бесчисленных поколениях. Это закон природы. Все расы между собой скрещиваются и дают плодovitое потомство...

Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс - всех и каждого - и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [сфера разума].

В 1922-1923 гг. на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы биогеохимические явления. Часть этих лекций была напечатана в моей книге «Очерки геохимии». Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Е. Леруа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчеркивал при этом, что он пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом Тейяром де Шарденом, работающим теперь в Китае.

Ноосфера [сфера разума] есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету...

Здесь перед нами встала новая загадка. Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен...

Эмпирические результаты такого «непонятного» процесса мы видим кругом нас на каждом шагу. Минералогическая редкость - самородное железо - вырабатывается теперь в миллиардах тонн. Никогда не существовавший на нашей планете самородный алюминий производится теперь в любых количествах. То же самое имеет место по отношению к почти бесчисленному множеству вновь создаваемых на нашей планете искусственных химических соединений (биогенных культурных минералов). Масса таких искусственных минералов непрерывно возрастает. Все стратегическое сырье относится сюда. Лик планеты - биосфера - химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды. В результате роста человеческой культуры в XX в. все более резко стали меняться (химически и биологически) прибрежные моря и части Океана.

Человек должен теперь принимать все больше и больше меры к тому, чтобы сохранить для будущих поколений никому не принадлежащие морские богатства. Сверх того, человеком создаются новые виды и расы животных и растений. В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти из предела своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет.

В настоящее время мы не можем не считаться с тем, что в переживаемой нами великой исторической трагедии мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере. Историк и государственный деятель только подходят к охвату явлений природы с этой точки зрения. Ноосфера - последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории - состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах.

Приведу несколько примеров. Пятьсот миллионов лет тому назад, в кембрийской геологической эре, впервые в биосфере появились богатые кальцием скелетные образования животных, а растений - больше двух миллиардов лет тому назад. Это кальциевая функция живого вещества, ныне мощно развитая, была одной из важнейших эволюционных стадий геологического изменения биосферы. Не менее важное изменение биосферы произошло 70-110 млн. лет тому назад, во время меловой системы и особенно третичной. В эту эпоху впервые создались в биосфере наши зеленые леса, всем нам родные и близкие. Это другая большая эволюционная стадия, аналогичная ноосфере. Вероятно, в этих лесах эволюционным путем появился человек около 15-20 млн. лет тому назад.

Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее - в новый стихийный геологический процесс - в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим.

№6. Определите, какой текст соответствует натуралистической, биосоциальной, идеалистической, религиозно-мистической теории человека. Обоснуйте ваш выбор.

А) Блез Паскаль «Мысли». Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо он сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает. Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом – основа нравственности.

Б) Николай Александрович Бердяев «Самопознание». Человечность присуща Второй ипостаси Святой Троицы, в этом реальное зерно догмата. Человек есть существо метафизическое. Этого моего убеждения не может пошатнуть низость эмпирического человека. Мне свойствен пафос человечности. Хотя я убежден и убеждаюсь все более и более, что человеку мало свойственна человечность. Я теперь часто повторяю: «Бог человеческ, человек же бесчеловечен». Вера в человека, в человечность есть вера в Бога, и она не требует иллюзий относительно человека... Я говорил о внутренней диалектике гуманизма, в которой гуманизм переходит в антигуманизм. Утверждение самодостаточности человека оборачивается отрицанием человека, ведет к разложению начала чисто человеческого на начало, притязующее стоять выше человеческого («сверхчеловек»), и на начало, бесспорно стоящее ниже человеческого. Вместо Богочеловечества утверждается Бого-звериность.

В) Николай Федорович Федоров «Философия общего дела». Существа, к земле обращенные, к покрывающим ее растениям и к населяющим ее другим существам, имеют целью исключительно пожирание (размножение есть только увековечение пожирания); вертикальное же положение есть выражение отвращения к пожиранию, стремление стать выше области истребления. Ибо что такое вертикальное положение? Не есть ли оно уже восстание человека против природы, обращение взора от земли к небу? В этом восстании выразилось, с одной стороны, ощущение недостаточности природных чувств для сохранения жизни, сознание необходимости самостоятельности для поддержания существования, ибо употребление самого простейшего орудия заставляет человека уже подняться, встать. А с другой стороны, вертикальное положение было выражением непокорности природе и покорности и обращения к Тому, Кто выше ее. Здесь начало того чувства, из которого произошла идея Бога, как сказали бы философы. Или же, не делая никакого предположения, можно сказать, что существо, совершившее первый акт самостоятельности, верило, что оно исполнило заповедь, веление Существа, безусловно самостоятельного, самобытного...

Человек относительно животных то же, что бедняк, нищий относительно богатых, то же, что прокладывающий себе путь трудом к имеющим за собою все уже по одному рождению... Лишив человека естественного вооружения (которое у животных есть результат пожирания, передаваемый рождением), природа оставила его беззащитным. Под-

нявшись, человек стал выше животных страстей, он мог видеть борьбу, рассматривать ее и по причине своей незащищенности должен был возненавидеть ее; но вместе с тем он не мог оставить поля борьбы, не мог ни убежать, ни улететь. Хотя существо, способное признать, чувствовать в борьбе зло (смерть), и вступало в борьбу, тем не менее протест против борьбы есть факт человеческой природы (христианство, буддизм, вегетарианизм и т. п.).

Г) Тадеуш М. Ярошевский «Размышления о человеке». Итак, человеческие индивиды – это не только природные, биологические существа, представители наиболее развитого среди приматов вида *homo sapiens*. Они являются социальными индивидами, обладающими «второй природой», которая есть продукт длительного процесса общественной жизнедеятельности людей, аккумуляции объективированного наследия всего человечества. Продолжая рассуждения об этой «второй природе» человека, следует указать на такие ее четыре аспекта:

1. Целесообразная деятельность, рассчитанная на удовлетворение потребностей, то есть материальное производство...

2. Социальная деятельность, связанная с тем, что люди не могут производить в одиночку и, преобразуя природу, они вступают в определенные общественные отношения. Взаимодействуя, люди вынуждены поддерживать между собой связи, поэтому они вырабатывают различные приемы и системы сохранения и передачи своего опыта, и прежде всего языка, способов воспитания новых поколений, вступающих в производство (отсюда в человеческом обществе механизмы обучения во все большей степени замещают механизмы инстинктивной регуляции действий, а результаты обучения передаются из поколения в поколение). Это означает, что каждый индивид может унаследовать опыт предшественников, а не только пользоваться собственным опытом. 3. Интеллект, в основе которого лежит развитие практической деятельности, производственных отношений и языка. Следовательно, люди имеют психическую, духовную жизнь, которая обогащается одновременно с постепенным высвобождением человека из природы и одновременно с ее очеловечиванием. 4. Человеческая деятельность, носящая общественно-исторический характер и объективирующаяся в межличностных отношениях, которая активно влияет на формирование личной жизни индивидов и благодаря которой они тем самым участвуют в жизни человечества.

Д) Владимир Павлович Эфроимсон «Генетика этики и эстетики». Казалось бы, естественный отбор должен быть целиком направлен на развитие хищнических инстинктов, инстинктов господства, суперсекса, территориальности. Но специфика эволюционного развития человечества, в значительной мере из-за все удлинявшегося периода беспомощности младенцев и детей, такова, что естественный отбор был в очень большой мере направлен на развитие биологических основ самоотверженности, альтруизма, коллективизма и жертвенности. Эгоизм очень способствует выживанию индивида. Однако продолжение рода требовало от наших предков непрерывной героической заботы о потомстве и об охране его. Группа, стая, род, орда, не обладавшие биологическими основами мощных инстинктов и экстраполяционных рефлексов коллективной защиты потомства и группы, обрекались на гибель особой формой естественного отбора – групповым естественным отбором... шел групповой отбор на бесчисленные формы альтруизма, направленные на развитие коллективизма и множества других, индивидуально невыгодных, но полезных обществу форм поведения, диктуемых совестью.

№7. Какая теория сущности человека (натуралистическая, идеалистическая, биосоциальная, религиозно-мистическая) лучше объясняет данные особенности человека? Обоснуйте Вашу позицию. Какие еще свойства человека заслуживают помещения в данный перечень?

1. У животных нет идей. Идея всегда представляет собой продукт мысленной абстракции, выход за пределы пространственно-временных реальных проявлений, сообщающий идее универсальность.. Все их [животных] действия всегда тесно связаны с пространственно-временным фактором. Решение бывает найдено лишь тогда, когда несколько необходимых в качестве инструментов предметов попадают в одно поле зрения... Решение достигается за счет многочисленных слепых и несогласованных попыток, чередующихся со случайными успехами.

2. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой... Человек живет отныне не только в физическом, но и символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума... Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека.

3. У животных нет настоящего языка. Так называемый «язык животных» всегда полностью субъективен; он выражает различные состояния чувств, но не обозначает и не описывает объекты... Через язык происходит освобождение человека от окружающей среды, которая неумолимо сковывает животное.

5. Человек развивается, животное – нет. За пятнадцать миллионов лет, прошедших с появления на Земле антропидов, они не продвинулись вперед ни на шаг, не сделали даже пустячного изобретения, не предприняли ни малейшей попытки улучшить условия жизни. Пытаясь познать себя, человек может отделиться не только от вещей, но и от самого себя. Из всех окружающих нас существ только человек способен осознать свои действия.

6. Самоуглубление – существенный признак, отличающий человека от животного. Животное знакомится с внешним миром, но не может стать объектом своего познания.

7. Органы животного строжайшим образом соответствуют характерным условиям и требованиям его жизни. Органам человека, напротив, совершенно чужда специализация. Это доказывает, что даже в телосложении человека выражена его свободная сущность. Человек с самого начала предназначался быть существом духовным.

9. Человек, в отличие от животного не может выжить в одиночестве. Он не так силен, его ноги не так быстры, его зубы не так крепки, слух не так тонок, зрение не так остро, как у некоторых животных. Очевидно, он может существовать лишь в очень благоприятных условиях, которые и были предоставлены общественной жизнью. Более того, люди связаны друг с другом не только внешне, когда «я» находится вне других, а другие – вне «я»; все люди связаны

и внутренне. Нашему образу жизни мы учимся у других. Итак, начало и продолжение жизни для человека является чем-то социальным, чем-то таким, что должно осуществляться в связи с другими. Поэтому Адлер считает чувство, которое он называет «чувством общности», первоначальным стремлением каждого человека. Человек не только стремится узнать других, но и хочет, чтобы другие его узнали.

10. То, что человек есть существо дисциплины и что он ... создает культуру, отличает его от любого животного и одновременно его определяет... Нет животных живущих предусмотрительным деятельным изменением стихийной природы, нет животных, имеющих нравственность и самодисциплину.

11. Если еще раз остановиться на сравнении с животным, то человек окажется в этой перспективе «недостаточным существом», как это усмотрел уже Гердер. Это означает не только отсутствие волосяного покрова и естественной защиты от непогоды, вообще органов защиты от враждебной природы, будь то броня или специализированные возможности бегства, не только отсутствие органов нападения и естественного оружия, не только ограниченность остроты чувств, каждое из которых далеко уступает специалистам по соответствующему чувству среди животных, - это означает еще и опасный для жизни недостаток подлинных инстинктов, т. е. прирожденных эффективных фигур движения, настроенных на схемы-возбудители... Все это означает общий «эмбриональный» облик, включая удивительно длинный период роста и развития и связанную с ним потребность в защите. В естественных стихийных условиях человек, если его рассматривать с точки зрения оснащенности органами только как потенцию биологического существования, был бы уже давно истреблен, живя на земле среди самых ловких пугливых животных и самых опасных хищников.

12. Основной способ поведения, который в конечном счете отличает человека от животного, заключается в том, что человек способен обратиться к другому существу во имя этого сущего вне мотивации, продиктованной выгодой. Мы можем, например, задаваться научными вопросами совершенно «незаинтересованно», т. е. лишь для того, чтобы исследуемый объект «вынести на обсуждение», выяснить, что он представляет собой по своей сущности, как себя ведет... Так, например, мы совершенно бескорыстно радуемся Это есть доброжелательность в самом широком смысле слова, сочувствие жизни другого, при виде хорошо развивающегося растения, животного и особенно человеческого существа... Мы назвали основную особенность поведения человека объективностью, однако это выражение не является исчерпывающим. Здесь можно употребить еще выражение «сочувственное поведение»... Человек способен бороться за какое-либо дело или за другого человека, подвергая себя опасности или рискуя собственной жизнью.

13. И чтобы почувствовать все величие нашего предназначения, давайте подумаем, что заключено в великом да-
ре *разума и свободы*, сколь многим рисковала природа, доверив эти свои дары такому хрупкому и многосоставному существу, как человек. Животное - не более чем раб, придавленный к земле, хотя иной раз он и поднимает свою голову вверх и, вытягивая шею, томится по свободе. Душа животного еще не созрела, для того чтобы воспринять разум, она покорна инстинктам и нужде, а оставаясь покорной, лишь готовится к тому, чтобы в отдаленном будущем самостоятельно пользоваться своими чувствами и следовать собственным своим наклонностям. А человек - первый *вольнотпущенник* творения; он ходит выпрямившись. В нем - весы, на них взвешивает он добро и зло, истину и ложь; он может искать, он может выбирать... У него право выбирать, даже выбирать и все самое скверное; и он повелевает себе, даже обрекая себя на все самое низкое, по своему выбору.

№8. Какова точка зрения Мэн-цзы на природу человека? С какой позицией он спорит? Какова точка зрения Сюнь-цзы? В чем его расхождение с Мэн-цзы? Кто из них, по Вашему мнению, прав и почему?

«Мэн-цзы». Гао-цзы сказал: «Природа [человека] подобна бурлящему потоку воды: откроешь [ему путь] на восток - потечет на восток, откроешь [ему путь] на запад - потечет на запад. Природа человека не разделяется на добрую и недобрую, подобно тому как вода в своем [течении] не различает востока и запада».

Мэн-цзы ответил: «Вода действительно не различает востока и запада. Но разве она не различает, где верх и где низ? Стремление природы человека к добру подобно стремлению воды течь вниз. Среди людей нет таких, которые бы не стремились к добру, [так же как] нет такой воды, которая не стремилась бы [течь] вниз. Если ударять по воде и приводить ее в движение, можно заставить ее подняться выше лба. Если же устроить преграду и приводить ее в движение, то можно заставить ее подняться на гору. Но разве это зависит от природы воды? Сила привела к этому. Человека можно побудить делать недоброе, его природа подобна [природе воды]»...

Гун Ду-цзы сказал: «Гао-цзы говорит, что «природа [человека] является недоброй и доброй». Некоторые говорят, что «природа [человека] может быть доброй, [но] может быть и недоброй». Поэтому при Вэнь-ване и У-ване народ любил доброе, а при Ю-ване и Ли-ване народ любил жестокое. Другие утверждают: «Природа одних добра, а природа других недобра». Поэтому при таком государе, как Яо, был Сян. При таком отце, как Гу-соу, был Шунь, у такого сына старшего брата, как Чжоу, когда он являлся правителем, были Вэй-цзы Ци и сын вана Би Гань. Ныне [Вы] говорите, что природа [человека] добра, в таком случае все они неправы?»

Мэн-цзы ответил: «Если [природа человека] повинуетя [естественным проявлениям] чувств, то она может быть доброй. Вот что [я имею в виду], говоря, что природа человека добра. Если человек делает недоброе, то в этом нет вины его природных качеств. У всех людей есть чувство сострадания, есть чувство стыда и негодования, есть чувство уважения и почитания, есть чувство правды и неправды. Чувство сострадания - это [основа] человеколюбия. Чувство стыда и негодования - это [основа] справедливости. Чувство уважения и почитания - это [основа] ритуала. Чувство правды и неправды - это [основа] познания. Человеколюбие, справедливость, ритуал и [способность к] познанию не извне вливаются в нас, а всегда присущи нам, только мы не думаем о них. Поэтому и говорится: «Когда добиваешься, получаешь их. Когда пренебрегаешь ими, теряешь их». [В проявлении чувств люди] отличаются друг от друга в два раза, в пять раз и в бесчисленное число раз, поэтому [они] не могут полностью использовать свои природные качества». В «Ши цзин» сказано: «Небо породило людей, дало им различные вещи и законы [отношений между ними]. Люди

владеют врожденным принципом постоянства, любят прекрасную доблесть души». Кун-цзы сказал: «Тот, кто создал эти стихи, знал дао!» Раз есть вещи, то должны быть и законы отношений между ними. Раз люди владеют врожденным принципом постоянства, они любят эту прекрасную доблесть души».

Мэн-цзы сказал: «В урожайные годы большинство молодых людей бывают добрыми, а в голодные годы - злыми. Такое различие происходит не от тех природных качеств, которые дало им небо, а потому что [голод] вынудил их сердца погрузиться [во зло]. Возьмем для примера ячмень. Посеем его и пробороним. Если земля одна и та же и время посева также одно и то же, то быстро появляются всходы и в соответствующее время все созревает. И если [урожай] будет различен - это [зависит] от плодородия почвы, от количества влаги и от затраченного труда. Поэтому все однородные [вещи] подобны друг другу. Почему же только в отношении человека [мы] сомневаемся в этом? Совершенномудрый и мы - одно и то же. Поэтому Лун-цзы сказал: «Когда [кто-либо], не зная [размера] ноги, делает башмаки, я знаю, что он не сделает лукошко». [Все] башмаки похожи друг на друга, так как ноги [людей] Поднебесной одинаковы [по форме]. Возьмем отношение рта к вкусу. Все рты имеют одинаковые вкусовые ощущения. И-я раньше постиг вкусовые ощущения наших ртов. Если предположить, что отношение рта к вкусу у людей различно, подобно тому как собаки и лошади не однородны с нами, то в таком случае почему [люди] Поднебесной в своих вкусовых ощущениях следуют вкусу И-я? В отношении вкусов в Поднебесной следуют за И-я - это означает, что все рты в Поднебесной похожи друг на друга. Точно так же и со слухом. Что касается звуков, то все в Поднебесной стремятся [услышать музыку] мастера Куана. Это означает, что все уши в Поднебесной похожи друг на друга. Точно так же и с глазами. В Поднебесной не было [ни одного], кто бы не признавал Цзы-ду красивым. Те же, кто не признавал красоты Цзы-ду, были безглазыми. Поэтому [я] говорю: «Рты [людей] имеют одинаковые вкусовые ощущения; уши [людей] обладают одинаковым слухом, глаза [людей] одинаково воспринимают красоту. И разве сердца [людей] не имеют [ничего] общего? Что же общего имеют они? Это душевные качества и справедливость».

«Сюнь-цзы» Человек по своей природе зол, его добродетельность порождается [практической] деятельностью! Ныне человек рождается с инстинктивным желанием наживы; когда он следует этому желанию, то в результате появляется стремление оспаривать и грабить, исчезает желание уступать. Человек рождается завистливым и злобным; когда он следует этим качествам, то в результате рождаются жестокость и вероломство, исчезают верность и искренность. Человек рождается с ушами и глазами, его влекут звуки и красота; когда он следует этим желаниям, рождается распущенность, исчезают нравственность и культурность. Таким образом, из природы человека и его стремления удовлетворить свои чувства рождается желание оспаривать и грабить, совершать то, что идет вразрез с его долгом, нарушаются все принципы, что ведет к беспорядку. Поэтому необходимо воздействие на человека с помощью воспитания и закона, нужно заставить его соблюдать нормы ритуала и выполнять свой долг, только тогда у человека появится уступчивость и он станет культурным, что приведет к порядку. Если с этой точки зрения рассматривать природу человека, тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Поэтому, так же как кривой кусок дерева нуждается в зажиме для выпрямления, причем его нужно подогреть и выправить, и только после этого он сможет стать прямым; так же как тупой кусок металла нуждается в ковке и точке и только после этого сможет стать острым, так и человек, который по своей природе зол, нуждается в воспитании и законах и только после этого сможет встать на правильный путь; на него необходимо воздействие норм ритуала и чувства долга, только тогда он сможет соблюдать законы.

№9. Определите, какой текст русского и французского философов XX века ближе к теории Марсилио Фичино, а какой – Пико делла Мирандола.

Павел Александрович Флоренский «У водоразделов мысли». С какой стороны ни подходим мы к вопросу о соотношении Человека и его Среды, мы всегда усматриваем, что, насилуя Среду, Человек насилует себя и, принося в жертву своей корысти Природу, приносит себя самого в жертву стихиям, движимым его страстями. Это необходимо, ибо Человек и Природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек - малый мир, микрокосм. Среда - большой мир, макрокосм. Так говорится обычно. Но ничто не мешает нам сказать и наоборот, называя Человека - макрокосмом, а Природу - микрокосмом; если и он, и она бесконечны, то человек, как часть природы, может быть равномошен со своим целым, и то, же должно сказать о природе, как части человека...

Человек есть бесконечность. Но не формальный признак бесконечности человек и мир могут почитаться взаимноотражающими друг друга; между человеком и средою есть действительное подобие, часть части, сторона стороне, разрез разрезу. В Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных, - кажем временно, размерах, но разрозненно, не нашлось бы у Среды. Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его. Эта мысль о Человеке, как микрокосме, бесчисленное множество раз встречается во всевозможных памятниках религии, народной поэзии, в естественнонаучных и философских воззрениях древности. Она же - один из основных мотивов поэзии всех стран и народов, и, во всяком случае, коренная предпосылка лирики...

«Яджнавалкия, -спрашивает мудрого Яджнавалкию (Jajnavalkia), другой мудрец Джараткарава-Атабхата, - когда человек умирает, то его голос уходит в огонь, его дыхание - в ветер, его глаза - к солнцу, его мысль - к луне, его ухо - к странам света, его тело - в землю, его Я - в эфир, волосы его тела - в растения, волосы его головы - в деревья, в водах находят прибежище его кровь и его семя, - де же тогда сам человек?» Так каждая сторона человеческого существа приурочивается индийскою мудростью к той или другой стороне в бытии мира.

Мир, как большой Человек, - то представление одно из самых распространенных мифологем человечества во все времена. К каким бы народам мы ни обратились: индонезийцам, готтентотам, бушменам и другим племенам вне русла культуры общей, или к наиболее одаренным представителям этой культуры, всегда и везде находим мы одно и то же уравнение мира и человека. Таково же, в частности, и представление орфических гимнов. Зевс есть все, - пелось в одном из гимнов, - и далее перечислялось, что именно:

«Ибо все это заключается в великом теле Зевса.

Главою его и прекрасным лицом является для взора

Блистательное небо, с которого свешиваются отовсюду

Прекраснейшие золотые волосы светящихся звезд;

А с двух сторон - два золотые воловьих рога;

Восток и Запад, - пути богов небесных;

Они же его суть солнце и противоположная солнцу луна...»

Жан-Поль Сартр «Экзистенциализм — это гуманизм». Когда мы представляем себе бога-творца, то этот бог по большей части уподобляется своего рода ремесленнику высшего порядка. Какое бы учение мы ни взяли - будь то учение Декарта или Лейбница, - везде предполагается, что воля в большей или меньшей степени следует за разумом или, по крайней мере, ему сопутствует и что бог, когда творит, отлично себе представляет, что именно он творит. Таким образом, понятие «человек» в божественном разуме аналогично понятию «нож» в разуме ремесленника. И бог творит человека, сообразуясь с техникой и замыслом, точно так же, как ремесленник изготавливает нож в соответствии с его определением и техникой производства. Так же и индивид реализует какое-то понятие, содержащееся в божественном разуме. Атеистический экзистенциализм, представителем которого являюсь я, более последователен. Он учит, что если даже бога нет, то есть по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность. Что это означает: «существование предшествует сущности»? Это означает, что человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется.

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек - существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек - это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного выбора, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование.

№10. Определите, какие рассуждения и отрывки можно отнести к проявлениям гуманизма, а какие — к проявлениям антигуманизма. Обоснуйте ваш ответ.

1. Честерфилд «Письма к сыну». Каждому человеку совершенно необходимо уметь нравиться, но искусством этим овладеть нелегко... Относись к другим так, как тебе хотелось бы, чтобы они относились к тебе, - вот самый верный способ нравиться людям, какой я только знаю. Внимательно подмечай, какие черты тебе нравятся в людях, и очень может быть, что то же самое в тебе понравится другим. Если тебе приятно, когда люди внимательны и чутки к твоему настроению, вкусам и слабостям, можешь быть уверен, что внимательность и чуткость, которые ты в подобных же случаях выкажешь другим, будут им также приятны... Прежде всего избавься от привычки говорить о себе и не вздумай занимать своих собеседников собственными волнениями или какими-либо личными делами; как они ни интересны тебе, всем остальным слушать о них утомительно и скучно. Кроме того, надо уметь молчать вообще обо всем, что имеет значение лишь для тебя одного....

Существуют также небольшие знаки внимания, чрезвычайно приятные людям и заметным образом воздействующие на ту степень гордости и самолюбия, которые неотделимы от человеческой природы. Эти знаки внимания - верное свидетельство нашей предупредительности и нашего уважения к тем, кому мы их оказываем.

2. Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра». Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек.

Самые заботливые вопрошают: «Как сохраниться человеку?» Заратустра же спрашивает, единственный и пер- вый: «Как превзойти человека?» К сверхчеловеку лежит сердце мое, он для меня первое и единственное, - а не человек: не ближний, не самый бедный, не самый страждущий, не самый лучший...

«Человек зол» - говорили мне в утешение все мудрецы. Ах, если бы это и сегодня было еще правдой! Ибо зло есть лучшая сила человека. «Человек должен становиться все лучше и злее» - так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека.

3. Виссарион Григорьевич Белинский. Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...

И настанет время - я горячо верю этому, настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть; когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувств, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви; когда не будет мужей и жен, а будут любовники и любовницы, и, когда любовница придет к любовнику и скажет: «я люблю другого», любовник ответит: «я не могу быть счастлив без тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай к тому, кого ты любишь», и не примет ее жертвы, если по великодушию она захочет остаться с ним, но, подобно богу, скажет ей: «хочу милости, а не жертвы...». Женщина не будет рабой общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища - условного понятия. Не будет богатых, не будет бедных; ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос даст свою власть отцу, а отец-разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею...

К тому же, воспитание всегда делает нас или выше или ниже нашей природы, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается через *социальность*. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов.

4. «Новый Завет. Притча о добром самаритянине». На это Иисус сказал: «Один человек шел из Иерусалима в Иерихон и попал в руки разбойникам, которые сорвали с него одежду, избили и ушли, оставив его полумертвого лежать на земле. Случайно той дорогой проходил один священник. Увидев избитого, он ушел прочь, и не остановился, чтобы помочь ему. Пришел на то место также и левит и, увидев избитого, обошел его, не остановившись, чтобы помочь ему. Но некий самаритянин, находившийся в пути, проходил мимо и, увидев этого человека, сжалился над ним. Подойдя к нему, он перевязал ему раны, омыл их оливковым маслом и вином и, посадив на своего осла, привез его на постоянный двор и позаботился о нем. На следующий день он вынул два динария, дал их хозяину постоянного двора и сказал: «Позаботься об этом человеке. И если истратишь на него денег сверх этого, то дам тебе, когда вернусь».

Кто из этих троих, по-твоему, был ближний тому, кто попался в руки к разбойникам?» Законник сказал: «тот, кто сжалился над ним». И сказал ему Иисус: «Иди и поступай так же».

5. Карл Маркс «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Политическая экономия, эта наука о *богатстве*, есть в то же время наука о самоотречении... Ее основной тезис - самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты *сберегаешь*, тем *больше* становится твоё сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, - твой *капитал*. Чем ничтожнее твоё *бытие*, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твоё *имущество*, тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Вся ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде *денег* и *богатства*...

Таким образом, все страсти и всякая деятельность должны потонуть в *жажде наживы*... Все, что у тебя есть, ты должен пускать в *продажу*, т. е. извлекать из этого пользу. Если я задам политэконому вопрос: повинуюсь ли я экономическим законам, когда я извлекаю деньги из продажи своего тела для удовлетворения чужой похоти (фабричные рабочие во Франции называют проституцию своих жен и дочерей добавочным рабочим часом, и это буквально так и есть), и разве я не действую в духе политической экономии, когда я продаю своего друга марокканцам (а непосредственная продажа людей, в виде торговли рекрутами и т. д. имеет место во всех культурных странах), - то политэконом мне отвечает: ты не поступаешь вразрез с моими законами; но посмотри, что скажут тетушка Мораль и тетушка Религия; моя *экономическая* мораль и моя *экономическая* религия не имеют ничего возразить против твоего образа действий, но... - Но кому же мне больше верить - политической экономии или морали? Мораль политической экономии - это *нажива*, труд и бережливость, трезвость, но политическая экономия обещает мне удовлетворить мои потребности. - Политическая экономия морали - это обладание, богатство такими вещами, как чистая совесть, добродетель и т. д.; но как я могу быть добродетельным, если я вообще не существую? Как я могу иметь чистую совесть, если я ничего не знаю?

6. Александр Иванович Герцен «С того берега». Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное - глупо, а верить в земные утопии - умно? Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим. Вера в будущее за гробом дала столько силы мученикам первых веков; но ведь такая же вера поддерживала и мучеников революции; те и другие гордо и весело несли голову на плаху, потому что у них была непреложная вера в успех их идей, в торжество христианства, в торжество республики. Те и другие ошиблись - ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли после них и увидели это. Я не отрицаю ни величие, ни пользу веры; это великое начало движения, развития, страсти в истории, но вера в душе людской - или частный факт, или эпидемия. Натянуть ее нельзя, особенно тому, кто допустил разбор и недоверчивое сомнение, кто пытал жизнь и, задерживая дыхание, с любовью останавливался на всяких трупоразъятиях, кто заглянул, может быть больше, нежели нужно, за кулисы; дело сделано, поверить вновь нельзя. Можно ли, например, меня уверить, что после смерти дух человека жив, когда так легко понять нелепость этого разделения тела и духа; можно ли меня уверить, что завтра или через год водворится социальное братство, когда я вижу, что народы понимают братство, как Каин и Авель?

7. Блез Паскаль «Мысли». Величие человека так несомненно, что подтверждается даже его ничтожеством. Ибо ничтожеством мы именуем в человеке то, что в животных считается естеством, тем самым подтверждая, что если теперь его натура мало чем отличается от животной, то некогда, пока он не пал, она была непорочна...

Человеческую натуру можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели, и тогда человек возвышен и ни с чем не сравним, или исходя из обычных свойств, как рассматривают лошадь или собаку, исходя из их обычных свойств – способности к бегу, et animum ascendit [стремления отогнать (лат.)], - и тогда человек низок и отвратителен. Вот два пути, которые привели к стольким разногласиям и философским спорам. Поэтому одни оспаривают других, утверждая: «Человек не рожден для этой цели, ибо все его поступки ей противоречат», - а те, в свою очередь, твердят: «Эти низменные поступки лишь удаляют его от конечной цели»...

Пусть же человек знает, чего он стоит. Пусть любит себя, ибо он способен к добру, но не становится из-за этого снисходителен к низости, заложенной в его натуре...

Величие человека тем и велико, что он сознает свое ничтожество. Дерево своего ничтожества не сознает....

Ничтожество человека лишь подтверждает его величие: он ничтожен, как вельможа, как низложенный король...

Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками.

8. Джаннотто Манетти «Речь о достоинстве человека». Итак, с самого начала Бог, видимо, посчитал это столь достойное и выдающееся свое творение настолько ценным, что сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим...

Если считается столь замечательной и великой красота мира, то каким обликом, какой красотой и изяществом должен быть наделен человек, исключительно ради которого и был, без сомнения, создан самый красивый и самый украшенный мир! А что сказать о тонком и остром уме этого столь прекрасного и изящного человека? Право же, этот ум столь могуч и замечателен, что благодаря выдающейся и исключительной остроте человеческого разума после первоначального и еще не законченного творения мира, видимо, нами было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства все [остальное]...

Из всего сказанного нами выше и подтвержденного более чем достаточно следует прямо и безусловно, что человек является самым богатым и самым могущественным, поскольку он может пользоваться по собственной воле всем, что было создано, и по собственной воле господствовать надо всем и повелевать....

Поскольку велики, непоколебимы и восхитительны сила, разум и могущество человека, ради которого, как мы показали, был создан и сам мир и все, что в нем есть, то равным образом прямой, неизменный и единственный долг человека состоит, думается нам, в том, чтобы иметь и быть в состоянии руководить и управлять миром, созданным ради человека, и в особенности всем тем, что мы видим находящимся на земле. И человек никоим образом не смог бы осуществить это в совершенстве и вообще выполнить без действия и познания. Следовательно, мы с полным правом можем сказать, что обязанность действовать и познавать и составляет собственный долг человека...

9. Маркиз де Сад «Любомудрие в будуаре». Если бессмертие существ для природы невозможно, стало быть, их разрушение – один из ее законов... Ну так не мешайте природе, вам же говорят. Без сомнения, надо предоставить ей действовать, и это именно ее побуждениям следует человек, когда он совершает человекоубийство; это подсказывает ему природа; и человек, убивающий себе подобного, является для природы тем же, что чума или голод, равно насылаемые ее рукой, которая пользуется всеми средствами, чтобы поскорее получить в результате разрушения исходный материал, совершенно необходимый для ее трудов... Наконец, не является ли убийство преступлением против общества? Кому бы пришлось в голову такое по здравом рассуждении? Ах! что за важность этому многомиллионному обществу – будет в нем одним членом больше или меньше?

10. Омар Хайям. Мы – цель и вершина всей Вселенной,

Мы – наилучшая краса юдоли бренной;

Коль мирозданья круг есть некое кольцо,

В нем, без сомнения, мы – камень драгоценный.

11. Мальтус. Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор.

11. В чем различие между индивидуализмом и персонализмом? Как надо относиться к другой личности?

Эмманюэль Мунье «Персонализм». Индивидуализм - это система нравственных идей и установок, чувств, мыслей, которые управляют человеком, пребывающим в состоянии изоляции и самозащиты. Таковы были идеология и структуры, господствовавшие в западном буржуазном обществе в XVIII - XIX веках. Это - абстрактный человек, лишенный привязанностей и естественного окружения, сам себе бог; его свобода и действия его бесцельны, у него нет чувства меры, он недоверчив и расчетлив в отношениях с людьми. Общественные институты поддерживают этот дух эгоизма. Таков режим, установившийся в агонизирующей цивилизации, самой ущербной из всех, какие знала история. Индивидуализм - это антипод персонализма и его злейший враг...

Коммуникация как первичный опыт. Итак, первая забота индивидуализма в том, чтобы сосредоточить индивида на самом себе; первая же забота персонализма - рассредоточить его, чтобы открыть перед ним перспективы личностного существования.

Такие перспективы намечаются довольно рано. Первое движение человеческого существа в раннем детстве - это движение к «другому»: ребенок в возрасте от шести месяцев до года выходит из вегетативной фазы развития и начинает открывать себя в «другом», понимать себя, реагируя на поведение «другого». И только позже, к трем годам, его захлестывает первая волна эгоцентризма. Когда мы размышляем о конкретной личности, мы находимся под впечатле-

нием ее внешнего облика. Она пребывает перед нами в качестве объекта. Однако человеческое тело еще способно и видеть, оно - и глаз, направленный в мир, и я сам, о чем часто забывают. Благодаря внутреннему опыту личность предстает устремленной к миру и к другим людям, сливающейся с ними в едином порыве к универсальному. Другие личности никак не ограничивают ее, они - залог ее бытия и развития. Личность существует только в своем устремлении к «другому», познает себя только через «другого» и обретает себя только в «другом». Первичный опыт личности - это опыт «другой» личности. Ты, а в нем и Мы предшествуют Я или, по меньшей мере, всегда сопровождают Я. В природе, которой мы в известной мере подчинены, два разных объекта не могут занимать одновременно одно и то же место в пространстве. Личность благодаря движению, полагающему ее как бытие, выставляет себя вовне, *ex-pose*. Таким образом, она по сути своей коммуникабельна, она одна предопределена как бытие. Именно из этого и надо исходить. Как философия, нацеленная исключительно на мышление, никогда не найдет пути к бытию, так и философия, исследующая одно лишь человеческое Я, не найдет дороги к «другому». Когда коммуникация ослабляет свою напряженность или принимает извращенные формы, я теряю свое глубинное Я. Ведь известно, что все душевные расстройства связаны с потерей контактов с «другими», здесь *alter* («другой») становится *alienus* («чуждым»), и я оказываюсь чуждым самому себе, отчужденным от себя. Можно даже сказать, что я существую в той мере, в какой я существую для «другого», и в конечном итоге существовать - значит любить.

Такова изначальная истина персонализма. Вот почему цивилизацию, к которой он стремится, можно назвать *персоналистской* и *общностной*. Вопреки твердолобым индивидуализму и идеализму персонализм утверждает, что субъект не занимается самоедством и что мы владем лишь тем, что отдаем другим, или тем, чему посвящаем всю свою жизнь; и нам не достичь спасения в одиночку - ни в социальном плане, ни в плане духовном. Итак, первейшее дело личности заключается в том, чтобы совместно с другими строить общество личностей, где обычаи и образ жизни, общественные структуры и установления соответствовали бы требованиям личностного существования. Такое общество и лежащую в его основе нравственность мы только еще предвидим, причем в самых общих чертах. Общество личностей основывается на ряде оригинальных деяний, подобны которым еще не было во всей Вселенной.

1. *Выйти за собственные пределы.* Личность есть существование, способно отсоединиться от самого себя, отказаться от самого себя, рассекретить себя чтобы открыться «другому». Согласно персоналистской (особенно христианской) традиции, в личностной жизни главенствует аскеза, отказ от себя: освободить других и весь мир может лишь тот, кто сам освободился. Древние мыслители обличали самолюбие - то, что мы сегодня называем эгоцентризмом, нарциссизмом, индивидуализмом.

2. *Понимать.* Надо не ограничиваться собственной точкой зрения и уметь принять позицию «другого». Это не значит искать себя в «другом», тебе подобном, не значит это и постигать «другого» вообще (заметим, что наука психология настойчиво игнорирует «другого»). Это значит соединять наши отличные друг от друга позиции в ни с чем не сравнимом согласии.

Приспосабливаться ко всем, не теряя собственного Я, - это вовсе не то же, что все понимать, никого не любя; раствориться в «другом» - вовсе не значит «понять другого».

3. *Взять на себя ответственность* за судьбу «другого», разделить с ним его огорчения и радости, его заботы - словом, «заболеть» им.

4. *Отдавать.* Живительная сила личностного порыва заключена не в материальных притязаниях (мелкобуржуазный индивидуализм), не в устремленности к смерти (экзистенциализм), а в бескорыстном великодушии, иными словами, в щедрой и безвозмездной самоотдаче. Экономика личности не строится на расчете и компенсации, это - экономика дарения. Великодушие, даже если оно не получает отклика, топчет лед недоверия и разрывает круг одиночества: оно расшатывает инстинкты, ставит под сомнение выгоду и расчет - словом, переворачивает все вверх дном. Оно сглаживает острые углы несогласия в казалась бы безвыходном положении, предлагая «другому» достойные его внимания ценности. Отсюда понятна очистительная сила прощения и доверия. Великодушие терпит поражение только перед лицом ненависти, которая кажется более загадочной, чем расчетливость, и является прямой противоположностью бескорыстия.

5. *Быть верным.* Жизнь - это нескончаемое приключение, которое длится от рождения до смерти. Преданность, любовь и дружба совершенны, если только они постоянны. Постоянство не имеет ничего общего ни с устойчивостью, ни с единообразием, свойственным материальным объектам или логическим обобщениям, оно - непрекращающееся излучение. Личностная верность имеет творческий характер. Такова диалектика личностного общения, которая умножает и укрепляет бытие каждого, вступающего в него.

№12. В чем заключается сущность и ложь эгоизма, и смысл любви, согласно Вл. Соловьеву? Прав ли он?

Владимир Соловьев «Смысл любви». Преимущество человека перед прочими существами природы - способность познавать и осуществлять истину - не есть только родовая, но и индивидуальная: *каждый* человек способен познавать и осуществлять истину, каждый может стать живым отражением абсолютного целого, сознательным и самостоятельным органом всемирной жизни... Человеческая же индивидуальность именно потому, что она может вмещать в себе истину, не упраздняется ею, а сохраняется и усиливается в ее торжестве.

Но для того чтобы индивидуальное существо нашло в истине - всеединстве - свое оправдание и утверждение, недостаточно с его стороны одного сознания истины - оно должно быть в истине, а первоначально и непосредственно индивидуальный человек, как и животное, не есть в истине: он находит себя как обособленную частицу всемирного целого, и это свое частичное бытие он утверждает в эгоизме как целое для себя, хочет быть всем в отдельности от всего - вне истины. Эгоизм как реальное основное начало индивидуальной жизни всю ее проникает и направляет, все в ней конкретно определяет, а потому его никак не может перевесить и упразднить одно теоретическое сознание истины...

Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью. Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность. Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, т. е. свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его. В мире животных вследствие отсутствия у них собственного разумного сознания истина, реализующаяся в любви, не находя в них внутренней точки опоры для своего действия, может действовать лишь прямо, как внешняя для них роковая сила, завладевающая ими как слепыми орудиями для чуждых им мировых целей; здесь любовь является как одностороннее торжество общего, родового над индивидуальным, поскольку у животных их индивидуальность совпадает с эгоизмом в непосредственности частичного бытия, а потому и гибнет вместе с ним.

Смысл человеческой любви вообще есть *оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма*.

Ложь и зло эгоизма состоят вовсе не в том, что этот человек слишком высоко себя ценит, придает себе безусловное значение и бесконечное достоинство: в этом он прав, потому что всякий человеческий субъект как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо могущее в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину, - всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое и слишком высоко оценить себя не может (по евангельскому слову: что даст человек в обмен за душу свою?). Непризнание за собою этого безусловного значения равносильно отречению от человеческого достоинства; это есть основное заблуждение и начало всякого неверия: он так малодушен, что даже в самого себя верить не в силах, - как может он поверить во что-нибудь другое? Основная ложь и зло эгоизма не в этом абсолютном самосознании и самооценке субъекта, а в том, что, приписывая себе по справедливости безусловное значение, он несправедливо отказывает другим в этом значении; признавая себя центром жизни, каков он к есть в самом деле, он других относит к окружности своего бытия, оставляет за ними только внешнюю и относительную ценность.

Разумеется, в отвлеченном, теоретическом сознании всякий человек, не помешавшийся в рассудке, всегда допускает полную равноправность других с собою; но в сознании жизненном, в своем внутреннем чувстве и на деле, он утверждает бесконечную разницу, совершенную несоизмеримость между собою и другими: он сам по себе есть все, они сами по себе - ничто. Между тем именно при таком исключительном самоутверждении человек и не может быть в самом деле тем, чем он себя утверждает. То безусловное значение, та абсолютность, которую он вообще справедливо за собою признает, но несправедливо отнимает у других, имеет сама по себе лишь потенциальный характер - это только возможность, требующая своего осуществления. Бог *есть* все, т. е. обладает в одном абсолютном акте всем положительным содержанием, всею полнотою бытия. Человек (вообще и всякий индивидуальный человек в частности), будучи фактически только *этим*, а не *другим*, может *становиться* всем, лишь снимая в своем сознании и жизни ту внутреннюю грань, которая отделяет его от другого. «Этот» может быть «все» только *вместе с другими*, лишь вместе с другими может он осуществить свое безусловное значение - стать нераздельною и незаменимою частью всеединого целого, самостоятельным живым и своеобразным органом абсолютной жизни. Истинная индивидуальность есть некоторый определенный образ всеединства, некоторый определенный способ восприятия и усвоения себе всего другого. Утверждая себя вне всего другого, человек тем самым лишает смысла свое собственное существование, отнимает у себя истинное содержание жизни и превращает свою индивидуальность в пустую форму. Таким образом, эгоизм никак не есть самосознание и самоутверждение индивидуальности, а напротив - самоотрицание и гибель...

Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне, подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом любовь половая. Ложь и зло эгоизма состоят в исключительном признании безусловного значения за собою и в отрицании его у других; рассудок показывает нам, что это неосновательно и несправедливо, а любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признать для себя безусловное значение другого. Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической личности, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом.

№13. В чем парадоксальность утверждений Э. Фромма? Насколько они обоснованы?

Эрих Фромм «Человек для себя». «Не будь себялюбцем», - вот сентенция, внедрявшаяся в сознание миллионов детей поколение за поколением. Смысл ее смутен. Большинство людей сказали бы, что это значит не быть эгоистичным, не считающимся с другими, невнимательным к другим. В действительности же, эта сентенция обычно означает нечто большее. Не быть себялюбивым значит не делать то, что хочешь, отказаться от своих желаний во имя желаний авторитета ... Помимо своего явного значения, она еще означает «не люби себя», «не будь собой», а подчини себя чему-то более важному, чем ты сам, внешней силе или ее интериоризации - «долгу»...

Нужно повторить, что данная картина в известном смысле односторонняя. Ибо наряду с учением, что не следует быть себялюбивым, в современном обществе пропагандируется и противоположное учение: помни о своей выгоде, действуй так, как лучше для тебя; поступая так, ты к тому же приносишь величайшую пользу всем другим. Фактически, идея, что эгоизм - это основа всеобщего благополучия, оказалась тем принципом, на котором построено общество

конкуренции. Странно, что два таких, казалось бы, противоречивых принципа могут уживаться в одной культуре; однако, на деле это так. Одно из следствий такого противоречивого положения - дезориентация индивида. Метание между двумя этими догмами серьезно вредит процессу интеграции личности. Эта дезориентация является одним из главных источников душевного разлада и беспомощности современного человека...

Тождественно ли его себялюбие его любви к себе или оно обусловлено именно отсутствием любви к себе?

Прежде чем приступить к рассмотрению психологического аспекта себялюбия и любви к себе, следует указать на логическую ошибку в утверждении, что любовь к другим и любовь к себе взаимоисключимы. Если добродетельно - любить ближнего как человеческое существо, то добродетельной, а не порочной должна быть и моя любовь к самому себе, раз я тоже человеческое существо. Нет такого понятия человека, которое не включало бы и меня. Учение, требующее такого исключения, доказывает свою внутреннюю противоречивость. Идея, выраженная в библейской заповеди «люби ближнего как самого себя», подразумевает, что уважение к своей собственной целостности и уникальности, любовь к себе и понимание своего Я неотделимы от уважения, любви и понимания другого человека. Любовь к моему Я нераздельно связана с любовью ко всякому другому Я.

Мы подошли теперь к исходным психологическим предпосылкам, на которых строятся наши выводы. В общем виде эти предпосылки таковы: не только другие люди, но и мы сами являемся «объектами» наших чувств и установок. Установки по отношению к другим и по отношению к себе не только не противоположны, но коренным образом взаимообусловлены. Относительно обсуждаемой проблемы это означает следующее: любовь к другим и любовь к себе не альтернативны. Напротив, установка на любовь к себе обнаруживается у всех, кто способен любить других. Любовь, в принципе, неделима в том, что касается связи между «объектами» и моим Я. Подлинная любовь - это проявление плодотворности и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Это не «аффект», не увлеченность, а активное содействие росту и счастью любимого человека, коренящееся в собственной способности любить.

Любить - значит проявлять собственную силу любви, любить кого-то - это актуализация и сосредоточение этой силы на одном человеке. Неверно, как представляет это идея романтической любви, что в мире существует лишь один человек, которого можно любить, и величайшая удача всей жизни - найти этого единственного человека. Неверно, что если такой человек найдется, то любовь к нему (или к ней) требует отказа от любви к другим людям. Любовь, испытываемая только к одному человеку, самим своим фактом доказывает, что это не любовь, а симбиотический союз. Утверждающая сила любви в том, что в любимом человеке мы видим воплощение истинно человеческих качеств. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку, как таковому. То, что Уильям Джемс называет «разделением труда», когда человек любит свою семью, а остальных воспринимает как «чужих», - это признак глубинной неспособности любить. Любовь к людям - не абстракция, как часто полагают, следующая за любовью к отдельному человеку, а предпосылка такой индивидуальной любви, хотя она и достигается любовью к отдельным индивидам. Из этого следует, что мое Я, в принципе, должно быть таким же объектом моей любви, как и Я другого человека. Утверждение моей собственной жизни, счастья, развития, свободы коренится в моей способности любить, т. е. в заботе, уважении, ответственности и знании. Если человек способен к плодотворной любви, он любит также и себя, если он может любить только других, он вообще неспособен любить.

Признавая, что любовь к себе и к другим в принципе взаимосвязаны, как мы объясним себялюбие, которое очевидно исключает какой-либо искренний интерес к другим людям? Себялюбивый человек интересуется только собой, желает всего только для себя, чувствует удовольствие не в том, чтоб отдавать, а только в том, чтоб брать. Внешний мир воспринимается только с точки зрения того, что от него можно получить; у себялюбца нет интереса к нуждам других людей и уважения к их достоинству и целостности. Он может видеть лишь себя; он оценивает все и вся с точки зрения полезности ему; он вообще неспособен любить. Не доказывает ли это, что интерес к другим и интерес к себе составляют неизбежную альтернативу? Это было бы так, если бы себялюбие и любовь к себе были тождественны. Но такое допущение и является тем самым заблуждением, которое привело к стольким ошибочным выводам относительно нашей проблемы. Себялюбие и любовь к себе не только не тождественны, но и прямо противоположны. Себялюбец любит себя не слишком сильно, а слишком слабо; а в действительности, он ненавидит себя. Это отсутствие любви к себе и заботы о себе, которое составляет лишь одно из проявлений отсутствия плодотворности, делает его опустошенным и фрустрированным. Он по необходимости несчастен и тревожно сосредоточен на том, чтоб урвать от жизни те удовольствия, которые он сам же себе мешает получить. Кажется, что он слишком заботится о себе, но в действительности он лишь делает безуспешные попытки скрыть и компенсировать отсутствие заботы о своем реальном «я». Фрейд признает, что себялюбивый человек - нарциссизм, раз он отказывается в любви другим людям и обращает ее на самого себя. Верно, что себялюбивые люди неспособны любить других, но они неспособны любить и самих себя...

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

№1. Определите, какие высказывания принадлежат индивидуалисту, а какие – коллективисту. Обоснуйте Ваш ответ.

1. Маргарет Тэтчер. Нет такой вещи как общество. Существуют отдельные мужчины и женщины и существуют семьи.

2. Николай Александрович Бердяев. Нация не есть эмпирическое явление того или иного отрывка исторического времени. Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса. Нация не есть живущее поколение, не есть и сумма всех поколений. Нация не есть слагаемое, она есть нечто изна-

чальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения современные. Нация имеет онтологическое ядро. Национальное бытие побеждает время.

3. Карл Поппер. «Поведение» и «действия» таких коллективов, как государства или социальные группы, должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей.

4. Макс Штирнер. Наши общества и государства *существуют* без того, чтобы их *создавали*, они объединены без нашего объединения, они предустановлены и существуют, имеют свое особое независимое *существование* и представляют по отношению к эгоистам, нерушимое, нерасторжимое сущее...

Государство существует и без моего содействия: я рождаюсь и воспитываюсь в нем, исполняю возложенные им обязательства и должен «читать» его. Оно берет меня под свое «милостивое покровительство», и я живу его «милостью». Таким образом, самостоятельное бытие государства утверждает мою несамостоятельность; его «самобытность», его организм требуют, чтобы моя натура не развивалась свободно, а перекраивалась по его мерке. Для того, чтобы могло самобытно развиваться, оно подрезает меня ножницами «культуры», оно дает мне воспитание и образование, соответствующее лишь его целям, а не моим, и оно поучает меня, например, уважать законы, воздерживаться от покушения на государственную (то есть частную) собственность, почитать божественную и земную верховность и т.д., словом - оно учит меня, как оставаться *ненаказанным*, «жертвовать» своим своеобразием ради «святыни» (свято самое разнообразное, например, собственность, жизнь других и т.д.). В этом и состоит тот вид культуры и образования, который государство в состоянии мне дать; оно воспитывает меня, как «пригодное орудие», вырабатывает из меня «пригодного члена общества».

Так должно поступать всякое государство - демократическое, абсолютное или конституционное. И оно должно поступать именно так до тех пор, пока мы будем пребывать во власти того ложного представления, что государство - некое я, в качестве которого оно и именует себя «моральным, мистическим или государственным лицом». Эту львиную личину «я» и должен я, как реальное я, сорвать с возгордившегося осла.

5. Эмиль Дюркгейм. Говорят, что общество - ничто вне составляющих его индивидов; они составляют все реальное, что в нем есть. Как же наука об обществах может отличаться от науки об индивидах, т. е. от психологии?

Если рассуждать подобным образом, то можно с таким же успехом доказывать, что биология - это лишь раздел физики и химии, так как живая клетка состоит исключительно из атомов углерода, азота и т. д., которые изучают физико-химические науки. Но это значит забывать, что целое очень часто обладает свойствами, весьма отличными от тех, которыми обладают составляющие его части. Хотя в клетке имеются только минеральные вещества, последние, комбинируясь определенным образом, порождают свойства, которых у них нет, когда они так не скомбинированы, и которые характерны для жизни (способности питаться и размножаться); они образуют, стало быть, благодаря факту их синтеза, реальность совершенно нового рода, реальность жизни, которая составляет объект биологии. Точно так же и индивидуальные сознания, ассоциируясь устойчивым образом, порождают, благодаря сложившимся между ними отношениями, новую жизнь, весьма отличную от той, которая была бы, если бы они оставались изолированными друг от друга; это социальная жизнь. Религиозные институты и верования, политические, юридические, моральные, экономические институты - словом, все, что образует цивилизацию, не существовало бы, если бы не было общества.

В самом деле, цивилизация предполагает сотрудничество не только всех членов одного и того же общества, но и всех обществ, которые находятся в контакте между собой. Кроме того, она возможна только в том случае, если результаты, достигнутые одним поколением, передаются следующему поколению, так чтобы они могли приобщаться к тем результатам, которых достигло последнее. Но для этого нужно, чтобы следующие друг за другом поколения, по мере того как они достигают зрелого возраста, не отделялись друг от друга, а оставались в тесном контакте, т. е. ассоциировались постоянным образом. Отсюда обширная совокупность явлений, существующих только потому, что существуют человеческие ассоциации; и эти явления изменяются сообразно тому, каковы эти ассоциации, каким образом они организованы. Находя свое непосредственное объяснение в природе не индивидов, а обществ, эти явления образуют, стало быть, предмет новой науки, отличной от индивидуальной психологии, хотя и связанной с последней; это социология.

6. Герберт Спенсер. Мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие; ибо хотя оно и складывается из отдельных единиц, однако же постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного сходства в группировке этих единиц в пределах занимаемой каждым обществом местности указывает на известную конкретность составляемого ими агрегата. И именно эта черта и доставляет нам нашу идею об обществе...

Постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого существа.

7. Александр Зиновьев. Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками вопреки некоему здравому смыслу и некоей природе человека, как полагают некоторые противники коммунизма, а как раз наоборот - он есть естественное явление в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде из большего числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя и т.п., - вырастает из того, что я называю человеческой коммунальностью. Выдуманными и изобретенными являются как раз те средства защиты от коммунальности, из которых вырастает цивилизация, т.е. право, мораль, гласность, религия, гуманизм и прочие средства, в какой-то мере защищающие человека от прочих людей и от власти их объединений. Человек же, как мы его понимаем, произнося это слово с большой буквы и несколько высокопарно, есть существо, искусственно выведенное в рамках цивилизации из той двуногой коммунальной твари, о которой я говорил выше. Цивилизация вообще вырастает из сопротивления коммунальности, стремления умерить ее (коммунальности) буйство, заключить ее в определенные рамки. Цивилизация в основе своей есть прежде всего самозащита человека от самого себя. И лишь потом это есть бытовой комфорт, который имеет и другие основания. Если коммунальность можно представить себе как движение по течению потока истории, то

цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще нагляднее коммунальность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию - как карабкание вверх. Цивилизация есть усилие, коммунальность есть движение по линии наименьшего сопротивления. Коммунизм есть буйство стихийных сил природы, цивилизация - разумное их ограничение...

Суть коммунальности была известна некоторым мыслителям прошлого еще много веков тому назад. Она довольно точно выражается формулой «человек человеку - волк», которую впоследствии стали приписывать лишь буржуазному обществу. Суть коммунальности состоит в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде, которая воспринимается ими как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае - как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы. Борьба всех против всех обрывает основу жизни людей в этом аспекте истории...

Простейший коммунальный (социальный) индивид есть отдельный человек. Он обладает телом и органом управления своим телом, который позволяет предвидеть ближайшие и жизненно важные последствия некоторого множества своих поступков и поступков других людей, затрагивающих его. Основной его принцип: не действовать во вред себе, препятствовать другим индивидам действовать во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям существования. Этот принцип возник в результате биологической эволюции человека. Но в коммунальную жизнь человек включается именно как продукт прошлой эволюции, т.е. с этим фундаментальным принципом. Он не в силах отменить его. Он способен преодолеть его, только подчиняясь ему.

Будучи обращен на коммунальную среду, упомянутый принцип принимает такой вид: индивид стремится сохранить и укрепить (улучшить) свою социальную позицию, во всяком случае - препятствовать ее ухудшению...

В условиях коммунальной среды, когда индивид достаточно надежно защищен от общей среды коллектива, главным врагом индивида становится другой индивид, от которого зависит реализация фундаментального принципа каждого из них. Причем общественная жизнь не только не ослабляет этот принцип, но многократно усиливает его, создавая для людей бесчисленные соблазны и искушения.

Возможны ли отклонения от этого принципа? Конечно. Назову основные пути для этого. Первый путь - уклонения от самой коммунальной среды, например - уединение, довольствование самыми мизерными благами. Ситуация при этом подобна тому, какая имеет место в случае с законами падения: можно вообще не подниматься на высоту, с которой можно упасть. Другой путь - расширение сферы общественной деятельности, например - освоение новой территории, создание новых учреждений. Третий путь - действие другого рода отношений людей (например - семейных, дружеских, любовных), которые парализуют или затемяют действие коммунальных сил. Четвертый путь - сложная опосредованность отношений людей, когда человек помогает другим людям укреплять их позиции, поскольку это (по его расчетам) укрепляет его собственные. Пятый путь - объединения людей для совместного укрепления своих позиций. К тому же не все, что делает человек в своих интересах, плохо для окружающих. А если и плохо, то не всем. Многим это выгодно. Отмечу, далее, ошибки в расчетах людей и непредвиденные последствия их поступков. Наконец, в обществе появляются люди, которые делают своей эгоистической целью благо других людей, - они самоутверждаются за счет этого. Есть и другие источники отклонения, среди коих играют роль и типические психические заблуждения людей.

8. Антуан де Сент-Экзюпери. Моя духовная культура основана на культе Человека в отдельной личности. Веками она стремилась показать Человека, подобно тому как она учила бы видеть собор в гряде камней. Она проповедовала Человека, который превосходит отдельную личность...

Потому что Человек моей духовной культуры не определяется отдельными людьми. Напротив, люди определяются им. В нем, как и в любой Сущности, есть нечто такое, чего не могут объяснить составляющие ее элементы. Собор есть нечто совсем иное, нежели просто нагромождение камней. Собор - это геометрия и архитектура. Не камни определяют собор, а, напротив, собор обогащает камни своим особым смыслом. Его камни облагорожены тем, что они - камни собора. Самые разнообразные камни служат его единству. Даже уродливые каменные чудовища и те участвуют в общем гимне собора.

Но мало-помалу я забыл мою истину. Я стал считать, что Человек есть сумма людей. Подобно тому как Камень есть сумма камней. Я отождествил собор с простым нагромождением камней, и мало-помалу наследие моей духовной культуры исчезло. Нужно восстановить Человека...

Моя духовная культура стремилась положить в основу человеческих отношений культ Человека, стоящего выше отдельной личности, чтобы поведение каждого по отношению к самому себе и другим не было слепым подчинением законам муравейника, а стало свободным проявлением любви...

Моя духовная культура, наследуя Богу, сделала каждого ответственным за всех людей и всех людей - ответственным за каждого. Личность должна жертвовать собой ради спасения коллектива, но дело тут не в элементарной арифметике. Все дело в уважении к Человеку через личность. Да, величие моей духовной культуры в том, что сто шахтеров будут рисковать жизнью ради спасения одного засыпанного в шахте товарища. Ибо они спасают Человека.

№2. Сравните эти тексты и определите, в чем заключается сходство и в чем различие идей этих текстов.

Семен Людвигович Франк «Духовные основы общества». То, что называется «другим я» и что, точнее, есть для меня «ты» (ибо в строгом смысле слова «я» действительно существует в единственном числе и неповторимо - если оставить в стороне жуткую идею «двойника») - должно быть не извне «дано» мне, быть для меня не «объектом», на который наталкивается и который извне «воспринимает» мое сознание, а первичным и исконным образом, «изнутри» присуще мне. Во всяком общении мы имеем не простое скрещение двух лучей, идущих в противоположных направлениях, навстречу друг другу; в самой мимолетной встрече двух пар глаз осуществляется какая-то циркуляция единой жизни, какое-то общее духовное кровообращение. Другими словами, не два независимых и самодовлеющих существа

здесь извне встречаются и становятся друг для друга «я» и «ты»; их встреча есть, напротив, лишь пробуждение в них обоих некоего исходного первичного единства, и лишь в силу пробуждения этого единства они могут стать друг для друга «я» и «ты». Познание «чужого я», а тем более живая встреча с ним возможна лишь в силу того, что наше «я», так сказать, искони ищет этой встречи, более того - что оно идеально имеет отношение к «ты» до всякой внешней встречи с отдельным реальным «ты», что это идеальное отношение к «ты», это первичное единство с ним конституирует самое существо «я». «Я» никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении «ты» - как немислимо «левое» вне «правого», «верхнее» вне «нижнего» и т. п. Ибо «я» есть «отдельное», «обособленное» «я» не в силу своего самодовления, своей утвержденности в самом себе, а именно в силу своего отделения, обособления от «иного я», от «ты» - силу своего противостояния «ты» и, следовательно, своей связи с ним в самом этом противостоянии...

Само «я» конституируется [создается, формируется] актом дифференциации, превращающим некое слитное первичное духовное единство в соотносительную связь между «я» и «ты». Но что же такое есть это первичное единство? Оно есть не что иное, как начало, грамматически выражаемое в слове «мы». «Мы» совсем не есть просто «множественное число» от «я» (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих «я». В своем основном и первичном смысле «я», как уже указано, вообще не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и неповторимо...

«Мы» есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия. Сколь бы существенно ни было для этого бытия разделение на «я» и «ты» или на «я» и «они», это разделение само возможно лишь на основе высшего, объемлющего его единства «мы». Это единство есть не только единство, противостоящее множеству и разделению, но есть прежде всего единство самой множественности, единство всего раздельного и противоборствующего - единство, вне которого немислимо никакое человеческое разделение, никакая множественность. И даже когда я сознаю полную чуждость мне какого-нибудь человека или стою в отношении разъединения и вражды к нему, я сознаю, что «мы с ним» - чужие или враги, т. е. я утверждаю свое единство с ним в самом разделении, в самой враждебности.

Ибо, как мы уже видели, само различие и разделение между «я» и «ты» рождается из единства, есть дифференциация единства - того единства, которое, разлагаясь на двойственность «я» и «ты», вместе с тем сохраняется как единство «мы». Психогенетически новорожденный ребенок впервые начинает осознавать свое «я» как «я», разлагая первичную духовную атмосферу, в которой он живет, на материнский взор или голос, ласковый или угрожающий, и «себя самого» как внутренне воспринимаемую жизнь того, на кого направлена эта ласка или угроза и кто реагирует на нее.

Хосе Ортега-и-Гассет Человек и люди. Таким образом, человек - это не только я сам, но еще и другой, а значит - прошу обратить на это особое внимание, - некто, с кем я могу и должен, даже помимо своей воли, дружить, общаться, поскольку - даже если бы я предпочел, чтобы его не существовало, потому что он мне ненавистен, - неизбежно оказывается, что я для него существую и поэтому вынужден поневоле считаться с ним и с его намерениями в отношении меня, которые вполне могут быть и недобрыми. Взаимная необходимость считаться друг с другом, *обоюдность* - первый признак, который можно отнести к разряду *социальных*...

Но обоюдное действие, взаимодействие возможно, лишь поскольку другому присущи те же свойства, что и мне: он несет в себе свое «я» так же, как я - свое, или, как говорится, тоже себе на уме, иными словами, думает, чувствует, испытывает симпатии, стремится к каким-то целям, настаивает на своем точно так же, как и я. Но, разумеется, я замечаю все это по его жестам и движениям, то есть по тому, как он на меня реагирует. Оказывается, таким образом, что другой - Человек - впервые возникает в моей жизни как некто реагирующий на меня, и не более. Все остальное в человеке вторично по отношению к этому качеству и проявляется лишь впоследствии. Таким образом, становится ясно, что быть другим - не случайность, которая может постигнуть или избежать Человека, а исконно присущее ему свойство. Я, в своем одиночестве, не мог бы отнести к себе родовое имя - «человек». Стоящая за этим именем реальность появляется в моей жизни только с появлением в ней другого человека, реагирующего на мои действия. Очень точно формулирует эту мысль Гуссерль: «Само понятие «человек» предполагает обоюдное существование, существование друг для друга, а поэтому - *человеческую общность, социум*». И наоборот: «В равной степени очевидно, что люди могут восприниматься только на фоне (реальном или возможном) других людей». Поэтому, добавлю я от себя, заявление о том, что человек может существовать вне и помимо общества, по сути своей противоречиво и бессмысленно...

Первое, что появляется в жизни каждого, - другие люди. Это происходит, поскольку любой «каждый» рождается в семье, а она никогда не существует обособленно; мысль о том, что семья - это ячейка общества, заблуждение, приносящее роль такого чудесного человеческого установления, как семья, а она чудесна, хотя и обременительна, поскольку нет ничего человеческого, что, *помимо прочего*, не было бы обременительно. Таким образом, человеческое существо рождается среди людей и с ними оно сталкивается в первую очередь; иначе говоря, мир, в котором ему предстоит жить, начинается с «мира людей» - мира в смысле житейском, в том смысле, в каком мы употребляем это слово, говоря, что «человек знает мир», что «надо набираться житейского опыта» или что «кому-то этого опыта не хватает». Мир людей входит в нашу жизнь раньше, чем мир животных, растительный или мир минералов. Весь прочий мир мы видим - как сквозь решетку тюрьмы - сквозь мир людей, среди которых рождаемся и живем. А поскольку из всех форм обоюдной деятельности самой активной и распространенной являются разговоры, которые ведут между собой и со мной люди, непосредственно меня окружающие, то с этими разговорами в меня входят их представления обо всем окружающем и впоследствии я гляжу на мир уже сквозь эти представления.

Это означает, что появление в нашей жизни Другого всегда происходит как бы у нас за спиной, поскольку, обнаружив впервые, что живем, мы замечаем, что не только со всех сторон окружены другими людьми, но уже успели и привыкнуть к ним. Теперь мы можем сформулировать первую теорему социальности: человек a *nativitate* [С рождения (*лат.*)] открыт другому, чем он, чуждому существу; или иначе говоря: до того как каждый из нас осознает себя, он

успевает получить общее представление о том, что существуют Другие, отличные от того, что есть он сам; то есть Человек, будучи а *nativitate* открыт другому - «alter», - который не есть он сам, является а *nativitate* и хочет он того или нет, нравится это ему или нет, *альтруистом*. Однако не следует приносить в это слово и во все наше определение какой-либо посторонний смысл. Когда мы утверждаем, что человек а *nativitate*, а следовательно, всегда открыт Другому, то есть учитывает в своих действиях Другого как нечто чуждое и отличное от него самого, мы вовсе не хотим сказать, что в этой открытости уже заключена какая бы то ни было благожелательность или неблагожелательность. Речь идет о чем-то предшествующем тому, как - хорошо или плохо - поведет себя человек по отношению к другому. Воровство или убийство не подразумевают большую или меньшую открытость, чем поцелуй или жертва, принесенная во имя другого. То, что Человек открыт другому, другим, - его постоянное и неизменное состояние, еще не превратившееся в определенное действие. Само по себе определенное действие - осуществляется ли оно *ради* других людей или *вопреки* им - предполагает это предшествующее состояние пассивной открытости...

Живя совместно, составляя множественную реальность - «мы»: я и он, то есть Другой, - постепенно узнаем друг друга. Это значит, что Другой, до сих пор бывший для меня чем-то неопределенным, о ком я знал только внешне, как о «себе подобном», а следовательно, как о ком-то, кто может отреагировать на то, как я общаюсь с ним - дружелюбно или враждебно, - становится знакомее мне, и я начинаю отличать его от других Других, которых я знаю меньше. Большая интенсивность общения обуславливает *близость*. Когда же это сближение в процессе взаимного познания и общения достигает значительной степени, мы говорим об интимной близости. Другой становится мне близким, и я уже не могу спутать его с кем бы то ни было. Это уже не любой; «другой», неотличимый от прочих, это Другой в смысле - единственный. И тогда другой становится для меня ТЫ. Следовательно, ТЫ - это не просто человек, а человек единственный, которого ни с кем другим не спутаешь.

№3. В чем сущность личности, согласно П.М. Абовину-Егидесу? Что характерно для безличностного, ограниченно личностного и вполне личностного социума? Чем буржуазное общество не устраивает автора?

Правильно ли, по вашему мнению, автор характеризует подлинно личностное общество ли оно должно быть устроено иначе?

Петр Маркович Абовин-Егидес «Панперсонализм как социальная философия». Какое же, собственно, отношение между человеком и обществом делает первого личностью? Это - отношение определенной относительной самостоятельности, независимости, это - определенная мера (амплитуда) самоопределения. Личностность и есть мера автономии, самоопределения, самоуправления человека в обществе, мера простора - экономического, политического, бытового - между человеком и обществом, между человеком и другими людьми, простора, необходимого и достаточного для развертывания внутренних потенций человека, потребность в котором (развертывании) для самого общества возникает на определенном историческом уровне. Личностный простор, личностная автономия - определенная свобода не от общества, а в обществе. Этим личностность - а соответственно и панперсонализм отличается от индивидуализма, который означает абсолютную «свободу» от общества, что ведет к его развалу и, стало быть, к распаду самого человека как человека. Личность - самоутверждающийся, самоуправляющийся, самоопределяющийся, саморегулирующийся, самовыражающийся человек (но может быть еще не саморефлектирующий). В дальнейшем я пришел к уточнению, конкретизации этого определения: реальным выражением личностности является правой реальной возможностью принимать решения. Только при этом является человек личностью: только в том он автономен, самоопределяем, самоуправляем, в чем имеет возможность принимать решение или абсолютно равноправно с другими участвовать в принятии решения коллективом, обществом, что означает реальное право на выбор, на самовыражение, на самоутверждение...

История человечества есть история развертывания свободы - то есть она есть история нарастания уровня личности. Наибольший уже достигнутый в этом - уровень современного западного буржуазного общества, но и в нем личностность лоскутная, и она весьма далека от полной, всесторонней личности, от осуществления панперсоналистичности. Близким к современному западному уровню был уровень личности в перикловских Афинах. При всем социально-имущественном расслоении в них демоса каждый гражданин, как уже отмечалось, являлся личностью и в бытовом, и в политическом, и в экономическом отношениях, - в отличие от массы современных людей на Западе, которые, будучи непричастны к собственности, являются экономически несвободными и, таким образом, в экономическом отношении личностями не являются.

Иначе говоря, личностность в экономическом плане определяется причастностью к собственности: экономически личностью, то есть экономически свободным является тот, кто причастен к собственности - индивидуальной или общественной, точнее говоря, кто принимает по поводу нее решения, кто имеет в ней решающий голос. Этому лишены наемные люди в капиталистическом обществе и у нас, о чем нам уже пришлось говорить в разделе о концепции современного социализма...

Из всего до сих пор сказанного следует, что безличностный тип социума выступал в истории в формах:

- первобытно-общинной (при тотальной регламентации человеческого индивида),
- азиатской (с деспотом и его бюрократическим аппаратом наверху),
- феодальной,
- олигархической,
- и наконец, матричной, бытовавшей в современных эгалитаристских обществах, таких, как СССР, Китай, Куба, Вьетнам, Камбоджа, ряд стран Восточной Европы. К этому же близки Эфиопия, Ангола. Многие из них уже вырываются из этого статуса.

Личностный же тип социума выступал в истории пока лишь:

- в античной форме,

- в форме средневековых городов-коммун, к которым можно причислить и Псково-Новгородское общество,
- в современной капиталистической форме.

Все эти формы представляют, как мы писали, ограниченную личность: античная форма ограничена тем, что личностями являются только граждане, в то время как огромная масса рабов - неличности во всех отношениях, в том числе и в бытовом; буржуазная форма ограничена тем, что наемные работники не могут принимать решения о делах производства, на котором они же работают; этого ограничения еще не было в средневековом городе (при простом товарном хозяйстве), но именно он стал колыбелью капиталистического общества.

Полная же гармоничная личность (то есть панперсонализм), означающая, что, во-первых, все люди являются личностями, во-вторых, во всех отношениях, еще нигде в истории осуществлена не была. Это такая же незаполненная «клетка-ячейка» в сети возможных социальных систем, как пустые клетки в периодической системе Менделеева, постепенно заполняемые, или как долго пустующее место неизвестной планеты, предсказанной Коперником на основании открытой им гелиоцентрической системы. Из того, что панперсоналистская система не стала пока фактом и опытным путем не может быть верифицирована ее реальность, не следует, что она невозможна, неистинна, как незаполненные «клетки» в системах Коперника и Менделеева не свидетельствовали о несостоятельности самих систем: наоборот, эти системы служили стимулом для поисков...

Перестройка и призвана не обновить непанперсонализм и не перейти от него к фрагментарному персонализму, а перейти к панперсонализму, то есть к универсальному самоуправлению. Панперсонализм же как самоуправленческий образ жизни есть преодоление ограниченного персонализма: последний допускает в экономической сфере фактическое ущемление личности одних со стороны других, что обуславливает определенную деформацию личности в остальных сферах социальной жизни. Панперсонализм отрицает какое-либо господство человека над человеком - политическое, экономическое, психологическое...

Представители творческой интеллигенции, стремясь быть персонами-личностями, вместе с тем зачастую по-снобистски, презрительно относятся к остальному человеческому племени: мол, тупой, нетворческий человек должен быть мусорщиком, а творческий, - аристократом, умелый - капиталистом. Но тут явная логическая передержка: из того, что не каждый - индивидуальный творец нового, не следует, что он не должен быть личностью, не должен иметь право решать дела, касающиеся всего общества, в котором он живет, в том числе, следовательно, и его лично, тем более не следует, что он должен быть наемным, эксплуатируемым. Если человек родился нетворческим, то это не его вина, а его беда, - и это не значит, что он менее чувствителен к унижениям и оскорблениям, что он в нравственном отношении ниже и менее достоин быть личностью во всех отношениях, чем человек, который имеет творческие способности в какой-то узкой сфере и который может быть в нравственном отношении гораздо ниже.

Вывести всех людей, каждого из состояния самоотчужденного сознания, создать всем людям равные возможности осуществлять свои неравные потенции, создать всем людям реальные возможности развертывания своих существенных сил, своих способностей, право выбирать, право решать, право решающего - а не просто совещательного - голоса во всех сферах социальной жизни, право на полное самовыражение, самоутверждение - в этом смысл панперсонализма. Панперсонализм - самоцель общества, основанного на самоуправленческо-гуманистических началах. Совершенно очевидно, что не может быть панперсоналистского образа жизни, если кто-либо узурпировал политическую власть или эксплуатирует кого-либо экономически, лишает его права решать в сфере производства или в какой-либо иной. Эксплуатация чужого труда отсутствует только тогда и там, когда и где производитель соединен со средствами производства, то есть когда и где производитель-исполнитель является одновременно и собственником-организатором-распорядителем.

Это возможно в двух случаях - при индивидуальной собственности без наемного труда и при коллективной, общественной собственности, которая может быть либо кооперативной, либо общенародной, - и то, и другое вписывается в подлинный социализм. Стало быть, как раз социализм может стать условием, необходимым для реализации панперсонализма. Социализм - это личностный коллективизм или коллективистическая личность, а в нашей стране [СССР] до сих пор наличествует безличностный «коллективизм» или «коллективистическая» безличностность, то есть матричный «коллективизм»...

Следует иметь в виду то историческое обстоятельство, что первым в истории классом, который за каждым членом общества признал достоинство личности, провозгласил принцип построения общественной жизни на основе признания личной свободы каждого, без чего нет и не может быть демократии, равной своему понятию, была буржуазия. Но буржуазия весьма противоречивый класс: хотя она и стоит на позициях политической демократии, однако экономическая демократия претит ей, ибо буржуазия опирается на частную собственность как на основу экономических отношений.

При частной же собственности господствует социальная психология «вещизма», раболепия перед вещью и символом. Господство вещи и символа над человеком и человеческими отношениями, инверсия субъект-объектных отношений, потребительская иерархия ценностей, в которых ценности материальные, примитивно-зрелищные, сексуальные (без любви) превалируют над духовно-творческими и этико-эстетическими - все это и есть то, что именуется буржуазностью, буржуазным, мещанским образом - стилем жизни. Человек оказывается однолинейным, одномерным, как мы отмечали, односторонним, частичным, фрагментарным, развивается по принципу флюса.

Сознанием такого человека легко дирижировать, оно конформно, он в плену всевозможных алгоритмов, имеющих хождение в «массовой культуре» и распространяемых с помощью средств массовой информации. Лишь единицы в этих условиях вырываются из плена самоотчуждения и духовно «делают самих себя». Буржуазия мечется между своей демократичностью и своей же алчностью. Близорукая алчность - или алчная близорукость - многих бизнесменов ведет к тому, что они идут на экономические сделки даже с дьяволом.

Провозглашая превосходство общественных форм собственности на средства производства над капиталистическими, социалисты исходят из того, что скопление огромных сумм капитала в частных руках деформирует и самое демократию. Пусть даже эти средства в основном снова пускаются в производственный оборот; пусть изъятие капитала из этого оборота строго регламентируется законом, как, например, в США; пусть капиталист тратит на себя и свою семью даже не больше, чем менеджер или высший номенклатурщик в странах, где лишь провозглашен «социализм», пусть сейчас в развитых странах нет уже тех ужасов эксплуатации, о которых писали исследователи XIX века, - тем не менее концентрация огромных капиталов в частных руках неизбежно приводит к коррупции, к подкупу бюрократии и даже политических деятелей, то есть избранных народом лиц, к мафиозности, к росту нравственных болезней общества, преступности, безработицы, инфляции и пр., к ущербности, ограничению демократии, что мне уже доводилось видеть, так сказать, собственными глазами. Стало быть, актуальной альтернативой этому может быть следующее: полное разворачивание всех потенций личностной демократии, возможное в условиях универсального самоуправления, т. е. подлинного социализма.

При социализме политическая демократия не просто политическая надстройка, как твердят марксистские учебники, не привесок, который можно отбросить, а основа, без которой общественная собственность как существенная для социализма перестает быть сама собой. Отсюда: не социализм и подлинная демократия исключают друг друга, как тщатся утверждать антисоциалисты, а исключают друг друга как раз социализм и диктатура...

Итак, демократия и личностность входя в самое сущность социализма, который тождествен универсальному, всестороннему самоуправлению. Именно поэтому выражения «демократический социализм», «гуманный социализм», «социализм с человеческим лицом» (вернее: нутром) неточны, тавтологичны: негуманного, нечеловечного, недемократического социализма нет и быть не может. Мало ли что можно наименовать «социализмом», но без демократии это будет олигархизм, этэлитаризм, матрицизм, политаризм, этатизм, госкапитализм, госфеодализм или какой-то симбиоз — все что угодно, только не социализм.

№4. Что такое идеология, и какие функции она выполняет в обществе, согласно К. Ясперсу? Любая ли система идей есть идеология?

Карл Ясперс «Истоки истории и ее цель».

Мышление, основанное на идеологии. Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться от требуемых решений к своей выгоде в данной ситуации. Поэтому квалификация мышления как идеологии означает выявление заблуждения и разоблачение зла. Наименование какого-либо мышления идеологией - это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине, что оно неправдоподобно, следовательно, это решительное нападение...

Впрочем, весьма вероятно, что в наше время сфера идеологии действительно достигла наивысшего объема. Ведь безнадежность всегда вызывает потребность в иллюзиях, пустота жизни - потребность в сенсации, бессилие - потребность в насилии над более слабыми.

Как при этом подлость людей успокаивает их совесть, показывает аргументация в следующих примерах. В тех случаях, когда государство прибегает к явно преступным действиям, эта аргументация гласит: государство греховно по самой своей природе, я тоже грешен; я повинуюсь требованиям государства, даже если они греховны, потому что я и сам не лучше и потому, что это мой долг перед родиной. Однако, по существу, все это выгодно для того, кто таким образом оправдывает свои действия, он - соучастник и извлекает из этого пользу; его искаженное лицо говорит о терзаниях, которых он в действительности не испытывает, это просто маска. Греховность используется здесь как средство успокоения.

Человек участвует в страшных делах и говорит: жизнь сурова. Высокие цели нации, веры, будущего подлинно свободного и справедливого мира требуют от нас этой суровости. Такой человек суров и по отношению к самому себе; но эта суровость не опасна от части даже приятна, так как создает видимость подлинности этих суровых требований, а в действительности лишь маскирует безудержную волю к жизни и власти.

Человек осознает, что он лжет, пользуясь своим случайно обретенным привилегированным положением в обществе, где совершаются страшные дела. И в этих условиях он хочет понять, на что он не пойдет, что он не допустит, не потерпит, чем он не может быть. Он ищет мученика. Воодушевляется возможностью мученичества, будто он уже сам испытал его. Он обвиняет других в том, что они не стремятся к этому. Упивается рассказами о судьбе людей, которые якобы соответствуют сложившейся в его воображении картине, однако сам он отнюдь не стремится разделить их участь. Это искажение истины заходит так далеко, что впоследствии создается в качестве идеала и патетически противопоставляется среде то, что данный человек, будучи современником событий, почти не замечал и уж во всяком случае не совершал сам.

Этого достаточно. Можно было бы привести бесчисленное множество ярких примеров, проливающих свет на мышление людей. Распад традиционных ценностей обнаруживается только в том, что это разоблачающее мышление становится господствующим. Эпоха создает теорию того, что она совершает. Однако вскоре сама эта теория превращается в средство усиления зла, с которым она борется.

Упрощение. Простота - это образ истинного. Упрощение - это насилие, заступающее место утерянной простоты. Простота допускает бесконечное число толкований, это мир в малом, наполненный и движущийся. Упрощение конечно по своей сущности, это нить, которая движет нас, как марионеток; оно не допускает развития, оно пусто и неподвижно. Наше время - время упрощений. Успехом пользуются лозунги, все объясняющие универсальные теории, гру-

бые антитезы. Простота кристаллизовалась в мифических символах, упрощение держится псевдонаучной абсолютности.

Жизнь, основанная на отрицании. Там, где вера уже не является основой жизненных устремлений, остается лишь пустота отрицания. Там, где возникает недовольство собой, виновным должен быть кто-то другой. Если человек ничего собой не представляет, он по крайней мере «анти-». Все несчастья возлагаются на некий фантом, название которого находят либо среди исторических образований, открывшихся некогда теоретическому познанию, - во всем виноват капитализм, либерализм, марксизм, христианство и т. д., либо среди неспособных оказать сопротивление представителей отдельных групп, которые становятся козлами отпущения, - во всем виноваты евреи, немцы и т. д.

Все то, что играет известную роль в нерасторжимом сплетении вины в смысле причинности или ответственности, некритически нивелируется в качестве вины некоего определенного другого, которым мы не являемся. Дело только в том, чтобы вообще найти какое-либо средство выражения для своего отрицания и своего нападения. При этом духовные понятия становятся знаменем и знаком. Слова используются как фальшивая монета для употребления в совершенно измененном смысле при сохранении связанных с ними прежде чувств (свобода, отчизна, государство, народ, рейх и т. д.). В испорченном пропагандистской софистикой языке в конце концов вообще перестает быть понятным значение слов. Речь превращается в хаос неопределенностей - все для того, чтобы выразить в каждом данном случае свое «анти-», которое отнюдь не следует из какого-либо действительного «про-».

№5. Для чего люди соединяются в государство, по Аристотелю? Какие есть виды государственного устройства? Какой из них наилучший и почему?

Аристотель «Политика». Государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек... сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске...

Следует предположить вопрос: для какой цели возникло государство и сколько видов имеет власть, управляющая человеком в его общественной жизни?...

Даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жителю. Впрочем, к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни; это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности. Люди объединяются и ради самой жизни, скрепляя государственное общение: ведь, пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы. Ясно, что большинство людей готово претерпевать множество страданий из привязанности к жизни, так как в ней самой по себе заключается некое благоденствие и ее явственная сладость...

Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного — аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, - полиция. И такое разграничение оказывается логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, по преуспеть во всякой добродетели для большинства - дело уже трудное, хотя легче всего - в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой полиции верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти - тиранния, от аристократии - олигархия, от полиции - демократия. Тиранния - монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия - выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет...

Тиранния, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия - тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих...

Тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана - безразлично, у меньшинства или большинства - на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия...

Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших. Это будет иметь место в том случае, когда-либо кто-нибудь один из общей массы, либо целый род, либо вся народная масса будет иметь превосходство в добродетели, когда притом одни будут в состоянии повелевать, другие - подчиняться ради наиболее желательного существования.

№6. В чем различие путей деспотизма и свободной лояльности по отношению к законам?

Иван Александрович Ильин «Путь духовного обновления». Каждый из нас имеет правосознание совершенно независимо от того, знает он об этом или нет, заботится он о нем, очищая его, укрепляя и облагораживая, или, наоборот, пренебрегает им. Нет человека без правосознания; но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием... Словом, человек не может обходиться без правосознания, ибо всякая случайная встреча с другим человеком, всякий разговор, всякое соседство, не говоря уже о сделках и об участии в любой общественной организации, - ставит немедленно вопрос *о праве и не праве, о моем праве и твоём праве, о взаимных обязанностях, о законах и т. д.*... [Чтобы это не казалось голословным, привожу живые, подтверждающие примеры, начиная с уличной встречи: «имеет он право столкнуть меня с тротуара? имеет он право долго и вызывающе меня рассматривать? дерзко заговаривать со мною? входить без спросу в мой сад? пить из моего колодца? не уплатить мне деньги за купленную у меня вещь? не платить членского взноса? оскорблять председателя собраний? нарушать устав общества?» и т. д. и т. д.]. Первое, что мы все должны понять и усвоить, это то; что мы *постоянно нуждаемся* в правосознании и *пользуемся* им; и что правосознание есть *творческий источник права, живой орган правопорядка и политической жизни*...

Подобно этому, право есть нечто «внешнее» только в том смысле, что его законы и предписания исходят, так сказать, «от других людей» и поэтому подходят к нам как бы «извне», не спрашивая нашего согласия и налагая на нас обязанности и запреты, часто вопреки нашей воле. Но творческий источник права пребывает во *внутреннем* мире человека; и действовать в жизни право может только благодаря тому, что оно обращается к *внутреннему* миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека. Из этого вытекает, что если человек хочет видеть *свои личные права огражденными и защищенными*, то он должен вложиться своим правосознанием в эту общественную правовую жизнь и верно участвовать в ее устройении. В качестве законодателя он должен творить законы из верной глубины своего правосознания; в качестве судьи и чиновника он должен толковать и применять закон так, как этого требует его справедливое правосознание; в качестве рядового подчиненного гражданина он должен принять закон в свое правосознание и включить приказы, запреты и позволения, содержащиеся в законе, в процессе мотивации своего поведения.

Во всех этих положениях человек призван к тому, чтобы *добровольно вменить себе законы своего государства*, стараться *верно понимать* их и *повиноваться* им *по чувству свободно признанной обязанности*. Пусть эти законы кажутся ему формальными и внешними, - он все-таки должен принять их в порядке *самообязывания* и верно соблюдать их. Это необходимо по следующим основаниям.

Во-первых, потому, что в самую сущность права и правопорядка входит эта способность - *совершенствоваться посредством лояльного повиновения гражданам*. Само собой разумеется, что всюду и всегда могут встречаться нецелесообразные или несправедливые законы, такие, которые были неудачны с самого начала, или такие, которые с течением времени утратили свою жизненную полезность. Но закон не отменен, он должен применяться и соблюдаться, по римской формуле - *«суров закон, но он закон»*; это есть единственное средство поддерживать правопорядок в стране, укреплять его и не отдавать его в жертву произволу, личной корысти и случайности. Тот, кто умеет блюсти «суровый» закон вплоть до самой его отмены, - тот *предотвращает анархию и бесправие, ограждает принцип права и воспитывает правосознание своих сограждан*. Однако наряду с этим выдержанным блюдением права должна вестись борьба за отмену нецелесообразного или несправедливого закона; он обязателен до законодательной отмены, но отмена эта должна быть по возможности ускорена. Каждый здоровый правопорядок открывает гражданам эту возможность: *бороться за новые, лучшие законы и за новый порядок жизни, пребывая в лояльности по отношению к действующим законам*. В этом смысле право подобно перестраивающемуся дому, в котором люди продолжают жить и во время его перестройки. Нельзя отменить закон, не заменив его новым: ибо *беззаконие* есть начало произвола, несправедливости, «захватного права» и взаимных обид. Нельзя позволить гражданам не соблюдать действующий закон: ибо *противозаконие* расшатывает правосознание и узаконивает в стране дух преступности. Но нельзя также звать граждан к самовольному ниспровержению закона снизу, ибо этот путь совмещает беззаконие с противозаконием и ведет к революции и гражданской войне, а гражданская война есть одно из самых страшных и разрушительных явлений истории. Итак, первое правило правосознания гласит: *соблюдай добровольно действующие законы и борись лояльно [т.е. согласно конституции государства] за новые, лучшие*.

Во-вторых, гражданин призван добровольно признавать и соблюдать законы своей родины потому, что это есть единственный способ *поддерживать правопорядок* и в то же время *оставаться в нем свободным*... Человеческая история показала и подтвердила много раз, что *лучше пользоваться более ограниченной системой субъективных прав, крепко огражденных и действительно обеспеченных, чем видеть, как твой безграничный круг субъективных притязаний попирается произволом соседей и деспотической властью*. Лучшее малая свобода, всеми чтимая и блюдемая, чем большая свобода, никем не соблюдаемая и не уважаемая: ибо такая «большая» «свобода» есть величина мнимая, которая не заслуживает ни названия «свободы», ни названия «права... Так обнаруживается великая тайна свободы. Человек призван не к *внешнему самоосвобождению от закона* (таков путь революции, анархии, деспотизма); но к *внутреннему самоосвобождению в пределах закона* (таков путь лояльности, правопорядка и здорового развития). Внутреннее освобождение совершается в духе и выражается в *добровольном самообязывании*; оно освобождает человека не *от* закона, а *в* законе, ибо человек свободно блюдет закон, который свободно признало его правосознание. Человек не призван ниспровергать правопорядок; он призван *беречь* его, ограждать и *совершенствовать* его содержание, верно и терпеливо реформируя его. Свобода от закона есть анархия, бесправие и гибель. Человек может быть свободным только *под* законом и *через* закон...

Таково второе правило правосознания: *освободи себя внутренне посредством добровольного самообязывания и ищи свободы только через закон и под законом*.

№7. В чем причины появления классов, согласно Ф. Энгельсу? При каких условиях, почему и для чего необходимо уничтожение классового общества? В чем заключается царство свободы с точки зрения марксизма?

Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг». Разделение общества на классы – эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный – было неизбежным следствием незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд даст продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, – а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, – не только становится излишним, но и является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и интеллектуальное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которые оно не может использовать, и остается беспомощным перед абсурдным противоречием, когда производители не могут потреблять потому, что недостает потребителей. Свойственная современным средствам производства сила расширения разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие непрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому – и практически безграничного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и то прямое расточение и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, оно сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши и мотовства господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, – эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута*.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Совершить этот освобождающий мир подвиг – таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

№8. Какие виды отчуждения, по Марксу, отмечены в данном тексте?

«Что плохого в капитализме?» (Перевод на русский статьи «What so bad about capitalism?» американского коллектива CrimethInc.)

На самом деле, капитализм и демократия – две очень разные вещи. Суть демократии в том, что люди могут сами контролировать свою жизнь, что власть должна быть распределена между всеми, а не сконцентрирована в руках не-

многих. Капитализм - это что-то совершенно другое. В Соединенных Штатах (и у других западных наций) считается, что мы живем в демократическом обществе. Это правда, что мы имеем правительство, которое называет себя демократическим (и, хотя мы имеем равное избирательное право, и даже большинство голосов, при такой обрзгшей и атрофированной «представительной демократии» все это сомнительно), но является ли наше общество демократическим - совершенно другой вопрос. Правительство - это только один аспект общества, конечно; и правительство так далеко от более важной единицы, которая живет и сталкивается с ежедневными проблемами. Экономическая система общества имеет больше влияния на нашу повседневную жизнь, чем любой суд или конгресс: поэтому именно экономика определяет, кто будет контролировать землю, ресурсы, все средства производства общества; что людям нужно делать каждый день, чтобы выжить и «двигаться вперед», и вообще, как этим людям общаться друг с другом и каким видеть мир.

И капитализм является, фактически, одной из наименее демократических экономических систем. В «демократической» экономике все члены общества должны иметь равное право решать, как использовать ресурсы и как сделана работа. Но в капиталистической экономике, в которой все ресурсы - частная собственность и каждый бьется в конкурентной борьбе друг против друга за них, большинство ресурсов находятся под контролем нескольких людей (сегодня, читай: корпораций). Эти люди могут решать, как любой другой должен работать, раз большинство других не могут жить, не зарабатывая у них деньги. Они стараются даже определять психический и психологический ландшафт общества, поскольку они, собственно, владеют большинством земли и контролируют большинство СМИ. И, хотя они по-настоящему на аппарате контроля, но если они распускают свою охрану и перестанут работать, чтобы удерживаться на вершине, они очень быстро окажутся у основания пирамиды вместе со всеми остальными; что означает, что никто по-настоящему не имеет свободы при капиталистической системе: каждый реально находится на милости законов прибыли.

Когда капитал уже является частной собственностью, возможности индивидуума учиться, работать и создавать блага уже напрямую зависят от количества богатства, которое он имеет. Несколько исключений не могут изменить общую картину. Для того, чтобы произвести какие-либо блага, требуются ресурсы, значит, если человек не располагает этими ресурсами, он должен их найти сам, то есть попасть на милость тех, у кого они есть. Между тем, те, кто уже имеют эти ресурсы, могут создавать большее и большее богатство, и, возможно, что большинство благ общества концентрируется в руках нескольких. Это заставляет всех остальных, имеющих незначительный капитал, продавать свой труд капиталистам (тем, кто контролирует основную часть производства), для того, чтобы выжить.

Это сбивает с толку, но это очень просто. Корпорация типа «Nike» имеет достаточно денег, чтобы открыть новую фабрику обуви и обеспечить новое оборудование. И продавать больше обуви, что позволяет им получить еще больше денег, которые можно инвестировать дальше. Нищий сосунок как ты имеет достаточно, чтобы открыть стойку с лимонадом. Но если ты даже сделаешь это, скорее всего ты будешь вытеснен из бизнеса более сильной, более представительной компанией, как, например, «Пепси», которая может себе позволить потратить больше денег на рекламу (конечно, есть истории успеха маленьких людей, которые побеждают конкурентов в борьбе, но немножко дальше мы расскажем, почему это не происходит в обычной жизни).

Твои реальные шансы - закончить тем, что будешь работать на них, если ты хочешь заработать на «проживание». И работая на них, ты усиливаешь их власть: несмотря на то, что они платят тебе за работу, ты можешь быть уверен, что они не платят тебе всего, что они должны платить: так они делают прибыль. Если ты работаешь на фабрике, и делаешь на 1000 долларов машинных деталей в день, тебе заплатят, скорее всего, только 100 или меньше долларов за этот день работы. Это подразумевает, что кто-то наживается на твоих усилиях; и чем дольше они это делают, тем больше благ и возможностей они имеют, за твой счет.

Это значит, что твоё время и творческая энергия куплены у тебя, что является самым худшим из всего этого. Когда все, что ты можешь продать взамен на возможность прожить - твоя собственная работа, ты вынужден продавать по частям свою жизнь, чтобы взамен просто существовать. И получается, что ты проводишь большую часть своей жизни, делая все, что можешь из того, за что платят деньги, вместо того, чтобы делать то, что ты на самом деле хочешь: продаешь свои мечты за жалование и меняешь свою свободу действий на материальную собственность. В твоё «свободное» время ты можешь купить назад то, что ты произвел в свое рабочее время (к прибыли своих нанимателей, естественно); но ты никогда не откупишь назад время, которое ты провел на работе. Эта часть твоей жизни ушла безвозвратно, и тебе нечего за это предъявить, только счета, которые ты имеешь теперь возможность оплатить. В итоге ты начинаешь задумываться, что твои собственные творческие способности и труд уже неподконтрольны тебе, что ты начинаешь ассоциировать ничегонеделание, то есть «релаксацию» (смена от работы) с мукой делать то, что тебе говорят, а не того, что ты хочешь делать по-настоящему. Идея действия по своей собственной инициативе и преследования своих собственных целей здесь больше не живет, за исключением только того момента, когда ты занимаешься своим хобби...

Как Жанетт писала в ее статье о продукте и процессе, при капитализме наши жизни вращаются вокруг вещей, как если бы счастье можно было найти в собственности, чем в свободных действиях-акциях или стремлениях. Каждый, кто имеет роскошь, имеет ее потому, что проводит много времени придумывая, как ее заработать на других людях. Те, кто имеет очень мало, проводят свою жизнь, работая чтобы получить то, в чем они нуждаются чтобы выжить, и все их предназначение - это тяжелая работа и заработок на несколько вещей которые они могут купить - до тех пор пока их жизни куплены у них. Между этими двумя социальными классами находятся представители среднего класса, которые с рождения бомбардируются рекламой и другой пропагандой, заявляющей, что счастье, юность, смысл и все остальное в жизни можно найти в собственности и символах положения в обществе. Они учатся проводить свои жизни, тяжело работая, чтобы собирать это всю жизнь, и бояться взять на себя риск искать приключения и удовольствия в жизни...

В системе, где люди стремятся к богатству и власти, которое оно дает, те, кто наиболее немилосерден в своих стремлениях, как раз получают большинство и того, и другого, конечно. Поскольку капиталистическая система поощряет обман, эксплуатацию, и горлорезную конкуренцию, и награждает тех, кто двигается к тем целям, предоставляя им большинство власти, и возможность определять, что будет происходить в обществе.

Корпорации, которые делают наилучшую работу, чтобы обусловить нас, что нам необходимы их продукты, несмотря на то или нет, являются наиболее успешными. Это также кампании как Кока-кола, которая производит один из наиболее практически бесполезных продуктов на рынке, была способна достигнуть такой власти и богатства: они достигли наибольшего успеха не потому, что предложили какую-то ценность обществу, а просто рекламируя свой продукт...

Капитализм виртуально гарантирует, что те, кто контролирует то, что происходит в обществе, являются наиболее жесткими, наиболее расчетливыми, наиболее бессердечными.

И пока все находятся в их власти, и никто не хочет закончить на стороне неудачи, быть неудачником, каждый вынужден быть жестким, бессердечным и расчетливым. Конечно, никто не бывает эгоистичным или бессердечным все время. Очень немногие люди хотят быть, или получают больше удовольствия от этого, и когда бы они не могли избежать этого, они это делают. Но обычная рабочая атмосфера делает людей холодными и безличными друг к другу. Если кто-нибудь придет в супермаркет голодным и без копейки в кармане, охрана компании скорее прикажет работникам отправить его на улицу с пустыми руками, скорее чем позволит взять кому-нибудь что-нибудь без оплаты - даже если магазин выбрасывает десятки продуктов в конце каждого дня, как большинство их и делает. Бедные работники начинают воспринимать голодных людей как неприятность, а голодные люди проклинают работников за то, что они не помогают им, когда на самом деле это просто капитализм их сталкивает друг с другом. И, к сожалению, возможно именно работник поддерживает абсурдные порядки типа этого, особенно тот, который целеустремленно продвигается в руководители.

Те, кто посвящает свою жизнь, делая вещи, которые непосредственно не приносят прибыли, не получают ни охранный, ни признания своих достижений. Они могут делать вещи, представляющие большую ценность для общества, такие как произведения искусства или музыки, или делая социальную работу...

Капиталистическая система дает среднему человеку очень маленький контроль над коллективными механизмами и технологиями его общества, и очень малое право решать что-либо в этих укладах. Даже если это его работа (и таких же как он), что делало возможным конструкцию мира, в котором он живет, он чувствует, что и его работа, и его собственный творческий потенциал и потенциал его друзей являются отчужденными от него, вне его контроля, как что-то, что действует в этом мире независимо от его воли. Не стоит удивляться, что он чувствует фрустрацию, бессилие, пустоту и перестает мечтать. Это только одна сторона контроля, которую просто капитализм имеет над человеческим счастьем. При демократическом контроле над нашими жизнями и нашим обществом мы имеем наиболее бессердечное принуждение.

Насилие - это не только тогда, когда человеческие существа делают физический нажим друг на друга. Насилие будет везде, представленное в скрытой форме, когда бы они не использовали силу против друг друга в их взаимодействиях. Насилие является нитью капитализма. Под капиталистической системой, все экономические законы распоряжаются человеческой жизнью, сведенные к принуждению:

Работай или оставайся голодным! Подавляй или будь подавляемым! Конкурируй или сдыхай! Продавай часы твоей жизни для того, чтобы иметь возможность выжить, или загнивай в нищете - или в тюрьму! Большинство людей идет на работу потому, что они должны, а не потому, что они хотят. Они продают свое время для того, чтобы купить еду и шмотки, и оплатить счета за все символы положения в обществе и достатка, которые они обязаны приобретать, только потому, что они знают, что альтернатива - это голод и остракизм...

Эти оттенки насилия пропитывают нашу жизнь до конца. Когда тебя используют, чтобы воспринимать людей как объекты, как ресурсы, которые нужно использовать, или как врагов, которых нужно бояться или уничтожить, трудно вспомнить про свои ценности, когда приходишь домой. Иерархию, которую частная собственность вынуждает в отношениях на рабочем месте, можно обнаружить везде в обществе: в школах, в церквях, в семьях и дружбе, везде, где есть доминирование и подчинение. Уже практически невозможно представить себе, что представляют собой честные, настоящие, равные отношения между людьми в обществе, где каждый козыряет своим превосходством при каждом удобном случае...

Когда потенциальные друзья или любовники оценивают друг друга в категориях своих финансовых возможностей и положения в обществе, а не душу и сердце друг друга, они просто действуют, исходя из уроков, которые они получили, уроков о «рыночной ценности» - живя в царстве силы, практически невозможно не оценивать других людей в мире, преимущественно в категориях «что в этом для тебя».

№9. Определите, какие рассуждения принадлежат либералу, а какие не характерны для сторонника либерализма. Обоснуйте Ваш ответ.

Жан Мелье. Все люди равны от природы. Они все в равной степени имеют право жить и ступать по земле, в равной степени имеют право на свою естественную свободу и свою долю в земных благах, все должны заниматься полезным трудом, чтобы иметь необходимое и полезное для жизни. Еще одно зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща. В самом деле, посмотрим: что происходит от этого распределения благ и богатств земли в частную собственность для использования их порознь отдельно от других, как каждому вздумается? Получается то, что каждый старается получить их возможно больше всякого рода путями как хорошими, так и дурными; ибо жадность ненасытна и,

как известно, в ней корень всех зол. Имея полный простор для удовлетворения своих вожделений, она не упускает случай и заставляет людей идти на все, чтобы иметь обилие благ и богатств как для обеспечения себя от нужды, так и для удовлетворения всевозможных своих прихотей. Оттого и получается, что наиболее сильные, наиболее хитрые и ловкие, зачастую они же и самые злые и недостойные, лучше всех других наделены земными угодьями и всякими удобствами жизни...

Габриель Бонна де Мабли. Добродетельный гражданин вправе вести гражданскую войну, если существуют тирании, т. е. правители, имеющие притязания пользоваться властью, которая может и должна принадлежать только законам, и притом властью настолько сильной, чтобы угнетать своих подданных. Считать гражданскую войну всегда несправедливостью, призывать граждан не отвечать силой на насилие - это доктрина, более всего противоречащая нравственности и общественному благу... Обречь подданных на постоянное и неизменное терпение — это значит довести королей до тирании и расчистить им путь к ней. Если народ не считает себя вправе защищаться от нападающих на него чужестранцев, он, несомненно, будет ими покорен. Нация, не желающая сопротивляться своим внутренним врагам, неизбежно, следовательно, должна быть угнетаема.

Гракс Бабеф. Естественный порядок может быть искажен, изменен, потрясен, но его полное разрушение само ведет к его восстановлению. Если после того, как большинство людей будет полностью лишено земли, они лишатся еще и возможности выйти из положения с помощью труда, то какое же решение они примут? «Надо уважать собственность!» Но если из двадцати четырех миллионов человек пятнадцать миллионов не имеют никакой собственности, ибо остальные девять миллионов не проявили достаточного уважения к их правам, чтобы обеспечить им по крайней мере средства поддержания их существования, так что же, пятнадцати миллионам надо решиться умереть с голоду из любви к девяти миллионам в благодарность за то, что те их полностью ограбили? Вероятно, они не очень охотно на это решатся, и богатому классу лучше было бы добровольно выполнить свой долг перед ними, чем ждать, пока они не придут в отчаяние.

Шарль Фурье. Хозяйственный строй представляет еще более выдающуюся разрушительную особенность - это *противоречие двух интересов - коллективного и индивидуального*. Всякий трудящийся находится в состоянии войны с массой и неблагожелателен к ней в силу личного интереса. Врач желает своим согражданам добрых лихорадок, а поверенный - добрых тяжб в каждой семье. Архитектору нужен добрый пожар, который превратил бы в пепел четвертую часть города, а стекольщик желает доброго града, который разбил бы все стекла. Портной, сапожник желают публике только материй непрочной окраски и обуви из плохой кожи с тем, чтобы их изнашивали втрое больше - ради блага торговли: это их припев. Суд считает подходящим, чтобы Франция продолжала совершать ежегодно 120000 преступлений и правонарушений, подлежащих судебному разбирательству, поскольку это число необходимо для того, чтобы кормить уголовные суды. Так в хозяйственной системе строя цивилизации каждый отдельный человек находится в состоянии преднамеренной войны с массой, - необходимое следствие антисоциетарного образа хозяйствования, или мира навыворот. Мы увидим, как это смехотворное явление исчезнет при социетарном строе, где каждый отдельный человек может найти свою выгоду только в выгоде всей массы.

Леонард Гобхаус. Напротив, право необходимо для свободы. Конечно, право ограничивает индивида, поэтому оно противоречит его свободе в данный момент и на данном направлении. Но равным образом право ограничивает и других, предупреждая вольное отношение с ним. Оно же освобождает их от страха произвольной агрессии или насилия, и в этом состоит единственный путь и единственный смысл достижения свободы *для всего сообщества*. Но есть один момент, молчаливо постулируемый в этом аргументе, который нельзя обойти вниманием. Полагая, что верховенство закона гарантирует свободу всему сообществу, мы полагаем, что закон беспристрастен. Если же существует один закон для правительства и другой для его подданных, один для дворян, другой для простолюдинов, один для богатых, другой для бедных, то такой закон не гарантирует свободу для всех. Свобода в этом отношении подразумевает равенство...

Джон Дьюи. [Ранние либералы] считали, будто благоприятные социальные перемены могут происходить только одним путем - через частное экономическое предпринимательство, не имеющее социальной направленности, основанное на освящении частной собственности и закрепляющее это отношение к ней, - то есть через свободу от общественного контроля. Так что ныне те, кто исповедует либерализм предшествующего типа, приписывают все произошедшие социальные улучшения этому единственному фактору; к таковым они относят повышение производительности труда и уровня жизни. Эти либералы не пытались предотвратить изменения, но пытались ограничить свой курс единственным каналом и сделать его неизменным. Если бы свою интерпретацию свободы ранние либералы преподнесли как нечто исторически относительное, она не заостенела бы в виде доктрины, имеющей силу во все времена и при всех обстоятельствах. В частности, они признали бы, что действительность свободы всегда зависит от наличных социальных условий. Сделай они это, они бы знали, что, поскольку экономические отношения стали решающей силой в формировании характера человеческих отношений, провозглашенная необходимость свободы личности потребует социального контроля над экономическими силами в интересах огромных масс людей... Основная доктрина ранних либералов-экономистов состояла в том, что режим экономической свободы, как они его понимали, почти автоматически направит производство через конкуренцию на путь, который максимально эффективно обеспечит социально необходимые товары и услуги...

Прежде всего, отождествив расширение свободы во всех ее ипостасях с расширением своего частного понимания экономической свободы, они совершенно не сумели предвидеть того, какие последствия будет иметь частный контроль над средствами производства и распределения для реальной свободы масс на производстве, а также для создания предметов культуры. Вместо эры свободы, ожидавшейся либералами начала XIX века, наступила эра власти небольшого числа людей.

Роберт Оуэн. Частная собственность была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком, и он должен приветствовать наступление эры, когда научные успехи и знакомство со способами формирования у всех людей совершенного характера сделают продолжение борьбы за личное обогащение не только излишним, но и весьма вредным для всех; она причиняет неисчислимый вред низшим, средним и высшим классам. Владение частной собственностью ведет к тому, что ее владельцы становятся невежественно эгоистичными, причем этот эгоизм обычно пропорционален в своих размерах величине собственности. Собственники так эгоистичны, что многие из них, имея ежегодно на много больше, чем требуется для удовлетворения разумных потребностей, спокойно читают или слышат о тысячах собратий, ежедневно гибнущих вследствие недостатка работы, которую богатые им не дают... Можно со всей справедливостью сказать, что частная собственность была столь гибельна для человеческого рода, что нередко превращала богатых людей в двуногих животных...

Фридрих Хайек. Смита интересовало не столько то, чего человек может при случае достичь, находясь в лучших условиях, а то, что у него должно быть как можно меньше возможностей причинить кому-либо вред, когда он находится в наихудшем положении. Не будет преувеличением утверждать, что основным достоинством индивидуализма, который защищали Смит и его современники, было то, что при этой системе плохой человек мог причинить наименьший вред. Это такая социальная система, которая в своем функционировании не зависит от того, найдем ли мы хороших людей для управления ею, или от того станут ли все люди лучше, чем теперь, но которая находит применение людям при всем данном им многообразии и сложности, людям хорошим и плохим, разумным и - гораздо чаще - глупым. Целью Смита была система, способная дать свободу всем, а не только, как того желали его французские современники, «хорошим и мудрым». Главной заботой великих писателей-индивидуалистов было на самом деле найти комплекс институтов, которые побуждали бы человека, по его собственному выбору и согласно мотивам, определяющим его обычное поведение, как можно больше отвечать потребностям других; и их открытие состояло в том, что система частной собственности действительно обеспечивает такие побуждения в значительно большей степени, чем полагали ранее.

Эмиль Фаге. Как следует говорить: «право собственности» или «право на собственность»?

Разница здесь не такая уж незначительная. Если собственность является правом человека, как следует из того, что написано в *обеих* Декларациях, то нужно говорить «право на собственность», понимая это таким образом, что человек именно в силу того, что он - человек, от рождения имеет право быть собственником. Но если собственность является правом для того, кто уже чем-то владеет, правом сохранить свое имущество и не быть его лишенным, то следует говорить «право собственности», понимая это таким образом, что собственность является привилегией, до сих пор гарантировавшейся обществом и его конституциями, в частности Конституциями 1791 г., 1793 г. и года III, Декларациями прав человека 1789 г. и 1793 г... Собственность является правом в том смысле, что никому не запрещено стремиться к ее приобретению. Это, без сомнения, право всех. Но собственность выступает в качестве привилегии в том смысле, что приобретшие ее люди владеют ею на правах сеньоров или хозяев, распоряжаются ею по своему усмотрению и не могут быть лишены ее.

Гэри Норт. Если мы соглашаемся с тем, что цель свободного рынка заключается в рациональном, эффективном и продуктивном расчете, то нам следует признать, что свободный рынок – это единственное средство, с помощью которого эта цель может быть достигнута... Для того чтобы улучшить свое социальное положение, члены общества должны заниматься производственной деятельностью, а не грабежом. Люди должны нести личную ответственность за свои действия во всех сферах жизни, что в свою очередь предполагает существование правовых структур. Закон не является нейтральным, в его основе лежат моральные и религиозные принципы. Организационная структура капитализма, основанная на частной собственности и праве на получении прибыли, не может существовать в моральном вакууме. На протяжении всей истории эта структура опиралась на христианскую мораль. Общество, в котором не соблюдаются основные социальные требования десяти заповедей (Вторая книга Моисеева. Исход 20:1 - 20:17), никогда не сможет построить капиталистическую экономическую систему и добиться экономического роста и тех благ, которые способен принести лишь капитализм. У всяких экономических благ есть религиозные корни. Государственные власти должны уважать право на частную собственность, поскольку частная собственность является основой христианской социальной структуры.

Николай Александрович Бердяев. В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности.

№10. В чем сущность техники и ее основные черты, согласно К. Ясперсу? Правильны ли его взгляды?

Карл Ясперс «Современная техника». Техника - это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их - придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды. Как природа меняет свой облик под воздействием техники, какое обратное действие на человека оказывает его техническая деятельность, т. е. как характер его труда, организация его труда и его воздействие на среду меняют его самого, - все это составляет основной фактор исторического развития...

Техника как средство. Техника возникает, когда для достижения цели вводятся промежуточные средства. Непосредственная деятельность, подобно дыханию, движению, принятию пищи, еще не называется техникой. Лишь в том

случае, если эти процессы совершаются неверно, и для того, чтобы выполнять их правильно, принимаются преднамеренные действия, говорят о технике дыхания и т. п. Для техники характерно следующее.

Рассудок. Техника покоится на деятельности рассудка, на исчислении в сочетании с предвидением возможностей и догадками. Техника оперирует механизмами, превращает свои данные в количества и отношения. Она является частью общей рационализации как таковой.

Власть. Техника - это умение, методы которого являются внешними по отношению к цели. Это умение - способность делать и обладать, а не созидать и предоставлять расти. Применяя силу природы против силы природы, техника господствует над природой посредством самой природы. Это господство основано на знании. В этом смысле и говорят: знание - это власть.

Смысл техники. Власть над природой обретает смысл лишь при наличии целей, поставленных человеком, таких, как облегчение жизни, сокращение каждодневных усилий, затрачиваемых на обеспечение физического существования, увеличение досуга и удобств. Смысл техники состоит в освобождении от власти природы. Ее назначение - освободить человека как животное существо от подчинения природе с ее бедствиями, угрозами и оковами. Поэтому принцип техники заключается в целенаправленном манипулировании материалами и силами природы для реализации *назначения человека*. Технический человек не принимает предназначенное просто как оно есть. Он рассматривает вещи под углом зрения их ценности для реализации человеческих целей и пытается приблизить формы вещей к особенностям этих целей (Дессауэр). Но это еще не исчерпывает смысла техника. Создание орудий труда подчинено идее некоего единства, а именно единства в рамках постоянно расширяющегося при своей замкнутости преобразования человеком окружающей его среды. Животное находит среду уже данной, с которой оно, не сознавая этого, неразрывно связано. Человек, также пребывая в этой связи, выводит создаваемую им самим среду за границы этой связи, в беспредельность. Жизнь в среде, отчасти созданной им самим, является признаком самой сущности человека. Он находит себя в созданной им среде не только вследствие освобождения от нужды, но и в силу воздействия на него красоты, соразмерности и формы им сотворенного. Он утверждает свою реальность, по мере того как расширяет свою среду.

Виды техники. Мы различаем технику, производящую энергию, и технику, производящую продукты. Так, например, рабочую силу человек получает с помощью прирученных им животных, ветряных и водяных мельниц. Техника, производящая продукты, делает возможными такие занятия, как прядение, ткачество, гончарное, строительное дело; а также применение медицинских средств лечения...

Техникой мы называем всякое оперирование материалами и силами природы для получения полезных вещей и эффектов. Лишь по аналогии говорят о технике при планомерных действиях другого рода, когда последние ведут к различного рода устройствам и к механической повторяемости, как, например, при организации человеческих отношений, деятельности институтов, попытках воздействовать на свое тело и душу.

Открытие и повторяющаяся работа. Техническими мы называем такие правила, которым можно учить, которые можно идентично передавать и применять. В качестве теории техника дает нам методы, целесообразные для достижения цели, т. е. такие, которые, во-первых, соответствуют данной вещи, во-вторых, позволяют не затрачивать лишних усилий и обращаться только к необходимому. Техника составляет совокупность открытых человеком приемов и действий, которые можно затем повторять в любом количестве сколько угодно раз.

Поэтому творческая деятельность, которая ведет к техническим открытиям, резко отличается от трудовых свершений, где однажды найденное лишь повторяется в процессе чисто количественного накопления.

Великий исторический перелом в развитии техники Техника как умение применять орудия труда существует с тех пор, как существуют люди. Техника на основе знания простых физических законов издавна действовала в области ремесла, применения оружия, при использовании колеса, лопаты, плуга, лодки, силы животных, паруса и огня; мы обнаруживаем эту технику во все времена, доступные нашей исторической памяти. В великих культурах древности, особенно в западном мире, высокоразвитая механика позволила перевозить огромные тяжести, воздвигать здания, строить дороги и корабли, конструировать осадные и оборонительные машины.

Однако эта техника оставалась в рамках того, что было сравнительно соразмерно человеку, доступно его обозрению. То, что делалось, производилось мускульной, силой человека с привлечением силы животных, силы натяжения, огня, ветра и воды и не выходило за пределы естественной среды человека. Все изменилось с конца XVIII века... Были открыты машины - машины, автоматически производящие продукты потребления. То, что раньше делал ремесленник, теперь делает машина... Возникла необходимость изобрести такие машины, силою которых работали бы машины, производящие продукты. Поворотным пунктом стало открытие парового двигателя (1776); вслед за этим появился универсальный двигатель - электромотор (динамомашин в 1867 г.)... Прежняя механика располагала лишь ограниченной мощностью в виде мускульной силы человека или животного, силы ветра и воды, приводившей в движение мельницы. Новым стало теперь то, что в распоряжении человека оказалась в тысячу крат большая сила, которую, как сначала казалось, можно увеличивать до бесконечности. Подобное развитие техники стало возможным только на основе естественных наук на их современном уровне.

№11. Какие основные взгляды на роль техники в жизни человека и общества приводит К. Ясперс в первом разделе? Какие факты, отраженные во втором разделе говорят в пользу каждого из этих взглядов? Кто, в конечном счете, прав?

I Раздел

Карл Ясперс «Современная техника». В течение ста последних лет технику либо прославляли, либо презирали, либо взирали на нее с ужасом. В XIX веке были изобретатели, обладавшие неудержимым творческим импульсом, и были рабочие, ожесточенно уничтожавшие машины. В первоначальном энтузиазме был заключен тот смысл, который сохранился до наших дней и, по мнению Дессауэра, являет собой идею формирования окружающей среды, реализо-

ванной творческой способностью человека, который, подобно богу, открыл вечные идеи творения и осуществил их в виде второй природы. В этом случае «дух техники» является уже не только средством, но и всеохватывающей реализацией изначально данной, подлинной и истинной среды человека. Вырастает некий самобытный мир. Техника - уже не только внешнее бытие, но возникающая в силу внутреннего решения сфера духовной жизни. При таком вдохновении кажется маловероятным, что «мощь, изменяющая мир, не что иное, как средство для выполнения чужих целей».

Если Дессауэр прав, то в настоящее время возникает совершенно новая среда, созданная человеком из самого духа техники. В кризисах нашего времени, когда рушатся прежние устои, эта среда, по мнению Дессауэра, еще не нашла адекватной ей формы. Она являет себя в подступах, целое же на стадии этого творческого перехода представляется анархией и руинами. Быть может, полагает Дессауэр, в технике современного типа заключена идея новой человеческой среды и развитие техники не беспредельно, а направлено на некое завершение, которое окажется завершением нового типа, материальным базисом человеческого существования.

Этой точке зрения противостоит другая: развитие техники ведет не к освобождению от власти природы посредством господства над ней, а к разрушению, и не только природы, но и человека. Не знающее преград уничтожение всего живого ведет в конечном итоге к тотальному уничтожению. Ужас перед техникой, охватывавший уже в начальной стадии ее развития многих выдающихся людей, был, таким образом, прозрением истины.

Есть и третья, отличная от двух охарактеризованных здесь крайних точек зрения. Согласно этой точке зрения, техника нейтральна. Сама по себе она не является ни благом; ни злом, но может быть использована во благо и во зло. В ней самой отсутствует какая бы то ни было идея, будь то идея завершения, будь то inferнальная идея разрушения. То и другое имеет совсем иные истоки, коренится в человеке, и только это придает технике ее смысл.

II Раздел

1. С помощью современной техники связь человека с природой проявляется по-новому. Вместе с необычайно усилившимся господством человека над природой возникает угроза того, что природа в свою очередь в неведомой ранее степени подчинит себе человека. Под влиянием природы действующего в технических условиях человека природа становится подлинным его тираном. Возникает опасность того, что человек задохнется в той второй природе, которую он технически создает в качестве своей, тогда как перед лицом непокоренной природы, постоянно трудясь в поте лица, чтобы сохранить свое существование, человек представляется нам сравнительно свободным.

2. Кибернетика, теперь уже «старая» новая наука (гениальное изобретение Норберта Винера), наука о разумных машинах, все еще не исчерпала своих возможностей; но рабочие роботы, автоматизированный труд, искусственный интеллект *в производстве*, в исследовательских процессах, в контроле за качеством продукции, по-видимому, вступили в стадию зрелости. Пока еще нет полностью автоматизированных заводов, но не из-за недостатка в научных знаниях. 80-е годы могут стать десятилетием робототехники, автоматизации производственных процессов, относительного роста производительности труда, уменьшения общего рабочего времени, повышения роли высококвалифицированного труда. Это будет время непрекращающейся революции аппаратуры и оборудования (Hard-ware).

3. Информационная техника уходит все дальше вперед, приобретая все новые способности, все большую емкость программирования, становясь все более быстросействующей и компактной, проникая во все сферы производства и распределения, подвергая своему воздействию науки об обществе и природе, преобразуя весь ход научного познания от космических исследований до расчета работы супермаркетов, обеспечивая своевременность решений во всех сложнейших видах планирования экономики от национальных до международных масштабов в работе лотерейных комиссий и налоговых контор. И эта «бесшумная» программно-математическая (Soft-ware) революция далека от своего завершения. Резюмируя два последних пункта, можно было бы сказать, что автоматика в известном смысле заменяет и даже вытесняет труд «синих воротничков», а компьютерное программирование - труд «белых воротничков».

4. Биоинженерия, использующая достижения теоретической и экспериментальной генетики, находится еще в начальных фазах практического применения. К ее социальным последствиям относятся: новые успехи медицины, достигаемые посредством генетического воздействия на микроорганизмы, способные преобразовать фармацевтику; возрождение впечатляющих проектов улучшения человеческого генофонда, проектов, таящих в себе те же опасности, на какие еще в 20-х годах указывали критики евгеники, но уже в гораздо большей степени приближенные к своей практической реализации; угроза бактериологической войны, не менее человекоубийственной, но значительно более «дешевой», чем ядерная; фантастические возможности для производства животной и растительной пищи, открываемые через управляемую эволюцию, сменяющую в хозяйственной деятельности медленно работающие механизмы естественного отбора.

5. Если смысл техники состоит в преобразовании среды для целей человеческого существования, то об искажении можно говорить - во всех тех случаях, когда орудия и действия перестают быть опосредствующими звеньями и становятся самоцелью, где забывают о конечной цели, и целью, абсолютной по-своему значению, становятся средства. Там, где в повседневном труде смысл целого исчезает в качестве мотива и перспективы, техника распадается на бесконечно многообразные виды деятельности, теряющие свой смысл для работающего и обедняющие его жизнь.

6. Но техника не только приближает нас к познанной в физических категориях природе. Техника открывает перед нами новый мир и новые возможности существования в нем, а в этом мире - новую близость к природе. *Красота технических изделий*. Транспортные средства, машины, технические изделия повседневного пользования достигают совершенства своих форм. В техническом производстве в самом деле совершается рост и созидание второй природы. Возникает вопрос: в чем состоит красота удачно выполненного технического объекта? Не просто в целесообразности, но в том, что данная вещь полностью входит в человеческое бытие. И уж, конечно, эта красота состоит не в чрезмерно богатом орнаменте и излишних украшениях, напротив, они кажутся скорее некрасивыми, но в чем-то таком, что позволяет ощутить в совершенной целесообразности предмета необходимость природы, необходимость, которая сначала отчетливо проступает в творении человеческих рук, а затем улавливается в бессознательном созидании жизни (в

структурах животного организма и растений). Эти присущие самой вещи решения открываются как бы в стремлении следовать вечным, изначально данным формам.

7. Далее, техника дает огромное *расширение реального видения*. Благодаря ей в малом и великом становится зримым то, что скрыто от непосредственного восприятия человека. Микроскоп и телескоп не существуют в природе, но они открывают перед нами совершенно новый мир природы. Благодаря транспортным средствам техника делает человека едва ли не вездесущим; он может передвигаться по всем, направлениям - если ему не препятствует в этом государство, война или политика - и на месте вникнуть в то, что может быть познано, увидено, услышано. Теперь перед человеком у него дома встает в образах и звуках то, что раньше воспринималось в. недостаточно отчетливых и даже ложных представлениях, что казалось скудным и фантастическим или вообще находилось вне сферы знания. Граммофон и фильм сохраняют в памяти то, что когда-то происходило. Возможность наблюдения во всех направлениях бесконечно расширяется и достигает немыслимой ранее тонкости.

8. Складывается *новое мироощущение*. Наше пространственное ощущение с появлением современных средств связи и сообщений расширилось до пределов всей нашей планеты. Перед нашими глазами - глобус, наполненный ежедневными сообщениями отовсюду. Реальное переплетение сил и интересов на земном шаре делает его замкнутой целостностью. В техническом мире для человека существуют, следовательно, новые возможности, специфическое удовольствие от достижений техники, расширение благодаря технике знаний о мире, присутствие всей планеты и всех элементов существования в конкретном опыте, переход к легко реализуемому господству над материей, чтобы тем самым прийти к чистому опыту в сфере возвышенного.

9. Все возрастающая доля труда ведет к механизации и автоматизации деятельности работающего человека. Труд не облегчает бремя человека в его упорном, воздействии на природу, а превращает человека в часть машины. Механизация орудий труда, их усложнение, рост их числа и необходимость совместных действий на производстве требуют такой организации, которая не только по своему размаху превосходит все ранее известное, но становится принципиально иной, поскольку, для того чтобы достигнуть определенных целей, в эту организацию постепенно втягивается все человеческое существование, а не только какая-то его часть. Техническое мышление распространяется на все сферы человеческой деятельности...

Вследствие уподобления всей жизненной деятельности работе машины общество превращается в одну большую машину, организующую, всю жизнь людей. Бюрократия Египта, Римской империи - лишь подступы к современному государству с его разветвленным чиновничьим аппаратом. Все, что задумано для осуществления какой-либо деятельности, должно быть построено по образцу машины, т. е. должно обладать точностью, предначертанностью действий, быть связанным внешними правилами. Самое большое воздействие оказывает наибольшая и разработанная с наибольшим совершенством машина.

Следствия этой механизации проистекают из абсолютного превосходства механической предначертанности, исчисляемости и надежности. Все, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели, поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом - человек, - теперь становится средством. Видимость человечности допускается, даже требуется, на словах она даже объявляется главным, но как только цель того требует, на нее самым решительным образом посягают. Поэтому традиция в той мере, в какой в ней коренятся: абсолютные требования, уничтожается, а люди в своей массе уподобляются песчинкам и, будучи лишены корней, могут быть именно поэтому использованы наилучшим образом. Ощущение жизни служит обычно рубежом между пребыванием на службе и частной жизнью. Однако частная жизнь становится пустой, механизированной, и досуг, удовольствие превращается в работу.

10. Существуют некоторые виды ущерба, наносимые техническими мероприятиями, которые могут быть серьезными, но принципиально неустранимыми. Чтобы их предотвратить, нужны определенные условия для защиты человека и природы. Такого рода регулирование в соответствии с законом существует с начала появления современной техники, например, запрещение детского труда, регулирование рабочего времени, определение безопасности комиссиями технического надзора и еще многое другое... В этом смысле все методы технической деятельности нуждаются в этическом контроле и ограничены, так как цель не может оправдывать средства.

11. Серьезная опасность связана со злоупотреблением техникой. Кто имеет в своем распоряжении технические средства и методы, тот обладает властью, а властью всегда можно злоупотребить, используя ее для эксплуатации и подавления, для притеснения и войны, для обмана и манипулирования. Однако здесь речь идет не о специально технической, а об общечеловеческой проблеме, не о проблеме способа технического действия, а о цели технической деятельности.

№12. Чем постиндустриальное общество отличается от традиционного (аграрного) и индустриального общества? Каковы основные характеристики постиндустриальной экономики? На какой стадии, по вашему мнению, находится Россия?

Стоуньер Т. «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики». «Следует заметить, что ни одна большая страна никогда не обходилась и не могла обойтись без того, чтобы в ней чего-либо не производилось», - писал А. Смит. Это утверждение сегодня столь же справедливо, как и два века тому назад. Однако некоторые важные акценты сместились. Точно так же как во времена Смита центр тяжести экономики стал смещаться от сельского хозяйства к промышленности, так и сегодня он смещается от промышленности к информации. И подобно тому, как в конце XVIII - начале XIX века сложилась постаграрная экономика, так сегодня технологически передовые секторы глобального общества переходят на стадию постиндустриальной экономики.

В аграрной экономике хозяйственная деятельность была связана преимущественно с производством достаточно-го количества продуктов питания, а лимитирующим фактором обычно была доступность хорошей земли. В индустриальной экономике хозяйственная деятельность была по преимуществу производством товаров, а лимитирующим фактором - чаще всего капитал. В информационной экономике хозяйственная деятельность - это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым создать больше материального богатства. Лимитирующий фактор здесь - наличное знание...

По мере развертывания промышленной революции земля все более теряла свое значение, а капитал, необходимый для инвестиций в средства производства, - приобретал. Вначале экономическая, а затем политическая власть постепенно перешла из рук аристократии к капиталистам. В наше время для многих индустриальных и некоторых постиндустриальных стран лимитирующим фактором стала энергия. Обладание нефтью и газом превратилось в фактор громадного экономического значения, с чем связан и фактор политической власти. В постиндустриальной экономике ни земля, ни труд, ни капитал не являются лимитирующими факторами. Таковым в современном производстве является информация (которая со временем поможет либо изыскать новые запасы нефти и газа, либо найти их заменители). Поэтому экономическая и политическая власть переходит к производителям информации.

Сервисная экономика. К настоящему времени доля промышленного сектора в производстве валового национального продукта и в обеспечении занятости значительно сократилась и продолжает сокращаться. Отмечая это, следует, однако, помнить, что постиндустриальная экономика - это не экономика, в которой промышленность потеряла все и всяческое значение, равно как и то, что индустриальная экономика - это не экономика, лишенная достаточной аграрной базы. Подобно тому как гегемония промышленности в XIX веке не исключала значительного роста производительности сельского хозяйства, так и сегодня переход к сервисной экономике сопровождается значительным ростом производительности промышленных отраслей. Постиндустриальная экономика - это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает первое место сфере услуг, а сфера услуг есть преимущественно обработка информации. Анализ изменяющейся модели занятости показывает, что через три десятка лет для удовлетворения всех материальных потребностей общества будет достаточно 10% рабочей силы, и даже эта группа занятых в промышленности будет все в большей степени вовлекаться в обработку информации.

Сдвиг к сервисному сектору в постиндустриальной экономике вывел на первое место услуги, связанные со знанием, - деловые и профессиональные услуги. Теоретически важно отличать этот постиндустриальный сервисный сектор от доиндустриального, состоявшего в основном из домашней прислуги и некоторых категорий мелких торговцев.

Кредитная, экономика. Постиндустриальная экономика зиждется на кредите. Деловые сделки сейчас завершаются не столько переходом из одних рук в другие золота или денег, сколько переводом с одного счета на другой кредитной информации. В большинстве постиндустриальных экономик основная масса платежных операций производится чеками, кредитными карточками или банковскими ордерами. Даже правительства осуществляют свои бюджетные операции с помощью кредитных средств, намного превышающих по своей стоимости золотые запасы государства...

Транснациональная экономика. Процессы производства давно вышли за национальные рамки. Если в XIX веке производство прогрессивной для того времени техники концентрировалось в пределах тех или иных географических локалитетов, то сегодня оно зачастую рассредоточено по всему миру. Так, например, в Великобритании прошлого века паровозные локомотивы целиком и полностью производились в Лидсе, где было сосредоточено все необходимое для этого дела - сырье, уголь, металл. Сегодня все это делается совершенно не так. Например, строительство современного самолета - это целое международное дело; он собирается из тысяч компонентов, которые производятся в добром десятке стран... Транспортные издержки сегодня составляют лишь несколько процентов от стоимости конечной продукции, что содействовало переводу трудоемких отраслей производства из развитых в развивающиеся страны, в которых стоимость рабочей силы невысока.

Институциональная экономика вместо свободного рынка. В постиндустриальной экономике доминируют три силы - большая корпорация, правительство и профсоюз. Корпорации контролируют экономическую среду, монополизируя те или иные области рынка. Правительство стало гигантским работодателем и капиталистом. Профсоюзы держат под контролем уровень заработной платы, стараясь не дать ему упасть даже в периоды спадов; этому служат и законы о минимуме заработной платы и условиях труда, принятые во многих странах под давлением профсоюзов.

Институционализация экономики, в частности, позволила Японии добиться выдающихся экономических успехов. Японские институты - правительство, деловые круги, профсоюзы - всегда отличались высоким уровнем взаимной солидарности, что отражает частью исторические традиции, частью - более высокий образовательный уровень общества. Все это так, однако вполне вероятно, что по мере развития информационной экономики институциональные факторы будут терять свое значение, поскольку новейшая технология позволяет децентрализовать как производство товаров, так и обеспечение общества услугами.

Беспрецедентное изобилие. Три столетия тому назад Европа голодала по причине частых эпидемий. Во время промышленной революции с эпидемиями было покончено, но голод оставался еще достаточно частым явлением. Сегодня это такая редкость, что газеты пишут о нем как о сенсации. С какой стороны ни взять, материальное благосостояние человека выросло в гигантской степени. Прошли времена, когда «джентльменов» на улицах узнавали по хорошей одежде. Сейчас почти в каждом доме есть водопровод, телевизор и многое другое, что необходимо для нормальной жизни. В большинстве семей свои автомобили. По мере роста расходов на социальные услуги огромные улучшения произошли в здравоохранении, образовании, общественном транспорте, коммуникациях, пенсионном обеспечении.

Ускоряющийся темп изменений. Чем больше знаешь, тем легче познавать новое. Чем больше изобретено, чем больше изобретают. Вот почему ускоряется темп изменений. Хотя еще имеются некоторые финансовые ограничения,

развитие технологии все больше и больше «разогревает» технический прогресс. Раньше «за собой тянул рынок», теперь «толкает вперед технология». В своем постоянном ускорении техническое развитие приносит изменения не только в экономику, но и в общество в целом.

Богатство всегда в той или иной степени зависело от знания. В постиндустриальной экономике знание заменило собой традиционную триаду земли, труда и капитала и стало наиболее важной основой современных производственных систем. Фактически эти системы стали столь сложными, что в современном производстве основные усилия идут на поддержание его организованного состояния. Это объясняет появление и подъем новой профессиональной категории, доминирующей формы современного труда, — информационных работников.

Замещение земли знанием воплотилось в небоскребах, а также проявилось в высвобождении миллионов акров земли, прежде засевавшихся овсом и другим фуражным продуктом для тягловой силы, пока на смену лошади не пришел трактор. Знание может и «создавать» новые земли, отвоевывая их у моря или у пустыни. Замещение труда знанием осуществляется всякий раз, когда мы повышаем производительность труда путем механизации, автоматизации и более совершенной организации производства. Знание замещает и капитал, уменьшая себестоимость производства и, следовательно, необходимый объем капиталовложений. Наиболее показательный пример на этот счет - падение стоимости, компьютеров...

Богатство создается образованными людьми. Обучение дает квалификацию, образование - метаквалификацию, т. е. систему знаний, облегчающую поиск и усвоение новых знаний. Американские фермеры имеют не только высокую квалификацию, которую им дали опыт работы на ферме и среднее образование. Они имеют метаквалификацию, которая дает знание того, к кому и когда обратиться за советом - к юристу, ветеринару, местному агенту по снабжению, сотруднику университетского факультета патологии растений, оптовому закупщику, метеорологу, механику. Метаквалификация, таким образом, позволяет человеку найти нужную информацию и усвоить ее, даже если она находится далеко за пределами его личного опыта.

Индустрия знаний. Занятость и возрастание человеческого капитала, новые идеи и целые отрасли промышленности - все это сегодня обеспечивается университетами. Университет становится все более важным институтом по мере того, как технический прогресс становится все менее зависимым от одиночных изобретателей, действующих по принципу проб и ошибок, и все более - от теоретического знания. В раннеиндустриальную эпоху технология опережала науку, теперь они поменялись местами. Фундаментальные исследования по физике твердого тела предвосхитили транзистор и позволили его разработать...

При соответствующем деловом климате университеты порождают новые промышленные отрасли, такие, как Кремниевая долина - крупнейший в мире центр по производству электроники. Даже новообразованный университет в Бредфорде уже дал вокруг себя целую поросль небольших предприятий по производству новейшего научного оборудования, консультативных и издательских фирм, компаний по производству компьютерных программ для образования.

Согласно Ф. Махлупу, образование - это самая большая отрасль современной индустрии, включающая в себя не только образовательные институты, но и приобретение человеком знаний дома, в церкви, в армии. Другой после институционализированного образования компонент индустрии знаний, финансируемый правительством, - это система научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Третий компонент - средства информации и коммуникации: типографии, издательства, театр, кино, радио, телевидение, почта и др. Четвертый компонент - информационные машины: печатные машинки, компьютеры, контрольные системы, музыкальные инструменты и сигнальные системы. Наконец, последний компонент индустрии знаний, который труднее всего квантифицировать, - это всевозможные консультативные службы, отчетность, обработка и передача данных. Махлуп определил, что в 1958 г. около 29% валового национального продукта (ВНП) США расходовалось на индустрию знаний.

АКСИОЛОГИЯ

№1. Какие виды ценностей выделяет В. Франкл? Исходя из его трактовки, можно ли лишать неизлечимо больного человека жизни и почему? Какие ценности преобладают в Вашей жизни?

Виктор Франкл «Общий экзистенциальный анализ». Очень часто какой-нибудь из наших пациентов жалуется нам, что его жизнь не имеет никакого смысла, поскольку его деятельность лишена высокой ценности. Мы должны убедить его прежде всего в том, что в конечном счете безразлично, какое место человек занимает в профессиональной жизни, кем он работает. Гораздо важнее то, *как* он работает, соответствует ли он занимаемому месту. Важно, следовательно, не то, как велик радиус его деятельности; важно лишь одно - выполняет ли он круг своих обязанностей. Простой человек, который действительно выполнил конкретные задачи, поставленные перед ним профессией и семьей, несмотря на свою «маленькую» жизнь достиг большего и стоит выше, чем, например, какой-нибудь «большой» государственный муж, во власти которого одним росчерком пера решать судьбы миллионов людей, но который, однако, принимает недобросовестные решения.

Но кроме ценностей, которые могут быть реализованы путем творчества - назовем их ценностями творчества, - имеются и «ценности переживания», которые реализуются в восприятии мира, например, в увлечении красотами природы или искусством. Не следует недооценивать ту полноту смысла, которую они могут дать человеческой жизни. Если кто-нибудь сомневается в том, что актуальный смысл определенного мгновения человеческого существования

может быть реализован в простом переживании, т. е. вне всякого действия и вне всякой активной ценностной реализации, то мы отсылаем его к следующему мысленному эксперименту. Пусть он представит себе, что человек, любящий музыку, сидит в концертном зале; в его ушах звучат прекрасные звуки любимой симфонии, и он испытывает тот трепет, который можно испытывать лишь при восприятии чистейшей красоты; пусть он представит себе, что этому человеку в этот момент зададут вопрос, имеет ли смысл его жизнь; спрашиваемый ответит, что благодаря уже одному этому прекрасному моменту его жизнь оправдана. Скорее всего, речь идет даже об одном мгновении - по величию одного этого мгновения можно измерить величие всей жизни: высота горного хребта тоже ведь измеряется по самой высокой его вершине. Так и в жизни - ее смысл решают ее вершинные моменты, и одно мгновение жизни может наполнить ее высочайшим смыслом. Давайте спросим о смысле жизни человека, поднимающегося в горы и наслаждающегося красотами цветущих Альп. Он так захвачен великолепием их, что у него даже мурашки бегают по спине; вряд ли его жизнь когда-либо в будущем сможет стать *совершенно* бессмысленной после такого переживания.

Я считаю, что существует и еще одна, третья категория ценностей. Жизнь может оказаться осмысленной и тогда, когда в ней нет ни творческих порывов, ни богатых переживаний. Крайне важно в этом случае то, как человек относится к ограничению своих жизненных возможностей. Именно в его отношении к этому сужению своих возможностей открывается новое, подлинное царство ценностей, которые, безусловно, относятся к высочайшим. Так бедное, казалось бы, существование - в действительности же лишенное лишь ценностей творчества и переживаний - имеет последний, но самый великий шанс реализовать ценности. Эти ценности мы назовем ценностями отношения. Здесь речь идет о том, как человек относится к своей судьбе, которую нельзя изменить.

Возможность реализовать такие ценности отношения появляется тогда, когда человек оказывается сурово обижены судьбой и ему не остается ничего другого, как принять ее и нести свой крест. Речь в данном случае идет о мужестве в страдании, о достоинстве даже в падении и неудачах. Но как только мы вовлекли ценности отношения в область возможных ценностных категорий, обнаруживается, что человеческое существование, собственно, никогда не может стать действительно бессмысленным: жизнь человека сохраняет смысл «in ultimus» (до последнего) - т. е. до тех пор, пока он дышит; пока человек осознает себя, он несет ответственность за реализацию ценностей, даже если это лишь ценности отношения. Обязанность реализовывать ценности не оставляет человека до самого последнего мгновения его существования. И пусть возможности реализации ценностей творчества довольно ограничены, всегда есть возможность реализовать ценности отношения. Так подтверждается значимость мысли, которую мы приняли за исходную точку: быть человеком - значит ясно осознавать свое бытие и свою ответственность перед ним.

В жизни человеку каждый час предоставляется возможность обращения то к одной, то к другой группе ценностей. Жизнь требует от нас либо реализации ценностей творчества, либо обращения к ценностям переживания. В первом случае мы можем обогатить мир своей деятельностью, а во втором обогатимся сами благодаря переживанию. В одном случае требование момента может быть реализовано путем деятельности, в другом - посредством нашего восприятия. Следовательно, и к радости человек может быть «обязан». Человека, который сидит в трамвае и становится свидетелем великолепного солнечного заката или чувствует запах цветущих акаций и не отдается переживанию этих природных явлений, а продолжает читать газету, можно считать в каком-то смысле «безответственным», игнорирующим требования момента.

Не могу не рассказать об одном больном, сумевшем в тяжелой ситуации реализовать все три приведенные выше ценностные категории. Речь идет о еще молодом человеке, который лежал в больнице по поводу неоперабельной, глубоко сидящей в спинном мозге злокачественной опухоли. Паралич лишил его возможности работать. Таким образом, он не имел больше возможности реализовывать свои творческие ценности. Но и в таком состоянии для него оставалось открытым царство ценностей переживания. Он вел интересные высокодуховные беседы с другими пациентами (стараясь одновременно занять их, внушить им мужество и дать утешение), он читал интересную литературу, слушал хорошую музыку - до того дня, когда он не смог больше выносить наушники и его парализованные руки не могли больше держать книгу. Тогда он дал своей жизни второе дыхание: если ранее он был вынужден перейти от реализации ценностей творчества к реализации ценностей переживания, то теперь он обратился к ценностям отношения. Он, несмотря на тяжелейший недуг, сумел стать советчиком и примером своему товарищу по палате! За день до своей смерти (которую он предвидел, зная, что дежурному врачу было поручено ночью ввести ему морфий) он сделал следующее. Когда этот врач появился у него с вечерним визитом, больной попросил сделать ему инъекцию - чтобы не будить его (врача) ночью.

№2. Какая проблема рассматривается в данном тексте? Верно ли решение, предлагаемое автором и почему?

Николай Онуфриевич Лосский «Условия абсолютного добра». Ценность личности выше ценности неличных аспектов бытия, и любовь к личности выше любви к неличным ценностям. Поэтому, когда случается встретить пренебрежение к жизни личности и в то же время страстную любовь к какой-либо неличной ценности, мы воспринимаем это явление как нечто ненормальное и отталкивающее. Так, библиофил патер Дон Винченце в погоне за «уникумом» убил девять человек, которые, по его догадкам, были собственниками книги; он проявил при этом заботу о душе своих жертв, давал им отпущение грехов и оправдывал свое преступление тем, что человеку все равно суждено умереть, а чтобы благородные книги сохранились, такова воля Божия.

Конечно, страсть Дон Винченце есть крайнее извращение души, однако и противоположная ей склонность отдавать предпочтение жизненным интересам человека при любом столкновении их с неличными ценностями также представляет собой заблуждение. Есть люди, говорящие, что великолепная обстановка храмов, пышные ризы священнослужителей шокируют их, потому что есть голодные, в пользу которых можно было бы употребить эти богатства. Вступив на этот путь, можно пойти и дальше, усомнившись в праве человечества затрачивать большие средства на

создание великолепных картинных галерей и музеев, наконец, вообще на создание художественных ценностей, картин, скульптурных произведений, грандиозных византийских, романских, готических храмов. Далее можно осудить сооружение грандиозных библиотек, хранящих по возможности все печатные произведения страны, научных учреждений, не имеющих целью удовлетворять простейшие насущные нужды человека. Это путь, на который приглашал Л. Толстой. В основе этого вида человеколюбия лежит или отрицание высших ценностей, или ложный вывод из закона, драматически осложняющего жизнь в нашем психоматериальном царстве бытия, именно из закона, согласно которому ранги ценностей и степень силы их не совпадают: низшие ценности более сильны, чем высшие, и неосуществление их (например, недостаток питания) ведет за собой более ошутительное и более разрушительное зло, чем неосуществление высших ценностей. В общественной жизни почти всякая реформа, иногда даже и незначительная, всякое смелое предприятие может привести к осложнениям и опасностям, ведущим за собой страдания или гибель людей. Несколько лет тому назад в Румынии введение нового стиля в православный календарь вызвало беспорядки в каком-то селе, во время которых было убито несколько человек. Столкновение личной жизни человека с могучей жизнью государства потрясающе выражено в гениальной поэме Пушкина «Медный всадник», где изображено безумие маленького чиновника, невеста которого погибла во время наводнения, вспышка ненависти его при виде памятника Петру Великому и совершенное разрушение его судьбы...

Решая вопросы о столкновении интересов личности с задачей защиты и осуществления неличных ценностей, необходимо помнить, что неличные ценности (разумея под этим словом все, что не есть ценность самого индивидуума) вовсе не внеличны: они входят или могут войти в состав жизни личности и придавать ей полноту и содержательность; отказ от таких ценностей, как красота, открытие и распространение истины, борьба за социальные реформы и т. д., привел бы к совершенному опустошению жизни личности и вместе с тем, следовательно, к невозможности проявления ее индивидуальной ценности, как носителя своеобразной творческой деятельности. Нельзя *propter vitam vitae perdere causam* (ради жизни утрачивать смысл жизни). В случае нападения хищного соседнего народа отказ от защиты своего отечества ради сохранения своей жизни был бы обесценением также и своей жизни. По гораздо менее важным поводам люди рискуют своей жизнью, совершая путешествия в полярные страны, предпринимая смелые полеты для развития авиации, пытаясь подняться на Эверест, спасая во время пожара художественные сокровища и т. п. Даже в борьбе за ценности весьма невысокого ранга, за блага экономические, человек мужественно берется за опасные предприятия. Рыболовы смело пускаются в море за добычей, и многие из них рано или поздно кончают жизнь свою в волнах океана. Ганзейские купцы говорили *«naviga-re necesse est, vivere non est necesse»* (мореплавание необходимо, жить не необходимо). Грозная опасность не отталкивает человека, а зачастую манит его к себе.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане -
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!

А. С. Пушкин. Пир во время чумы.

Пушкин не только поэтически изобразил влечение человека к опасности, но и объяснил его. Человеческая личность вечна. Нет в мире ценностей, которые были бы выше индивидуального личного бытия и индивидуальной жизни, но многие ценности стоят выше земного телесного существования. Подвергая опасности свою телесную жизнь ради высокой цели, человек сознает неразрушимость своей личности и в дополнение к метафизической вечности своего «я» приобретает нередко еще и бессмертие в памяти потомков, как Сократ, христианские мученики, Галилей.

Никакого столкновения между своими личными интересами и интересами общества человек не испытывает тогда, когда он рискует всем в борьбе за высшие ценности, столь глубоко освоенные (интроецированные) им, что они стали частью его личной жизни, например, когда физик, химик, биолог предпринимает опасные эксперименты ради открытия новых истин. Столкновение возникает тогда, когда общество требует от индивидуума борьбы за ценности, стоящие вне его понимания и кругозора. Предотвратить это нарушение гармонии душевной жизни можно путем воспитания любви к таким высоким ценностям, которые необходимо связаны с бесчисленным множеством содержаний жизни. Например, любовь к отечеству, к своему народу ведет в случае войны к самоотверженной защите также его художественных, научных, исторических ценностей, хотя бы они и стояли вне круга понимания воина. Точно так же любовь к авторитетным руководителям духовной жизни или высокое развитие чувства долга ведет к добровольному осуществлению высоких деяний, например при исполнении профессиональных обязанностей врача, полицейского, пожарного.

№3. В чем заключается «война богов»? Каково отношение Э. В. Ильенкова к этой проблеме? Прав ли он?

Макс Вебер «Наука как призвание и профессия». Невозможность «научного» оправдания практической позиции - кроме того случая, когда обсуждаются средства достижения заранее *намеченной* цели, - вытекает из более глубоких оснований. Стремление к такому оправданию принципиально лишено смысла, потому что различные ценностные порядки мира находятся в непримиримой борьбе. Старик Милль - философия его в целом я не похвалю, но здесь он был прав - как-то сказал: если исходить из чистого опыта, то придешь к политеизму. Это сказано напрямик и звучит парадоксально, но это правда. Сегодня мы хорошо знаем, что священное может не быть прекрасным, более того - оно свя-

шенно именно *потому и постольку, поскольку* не прекрасно. Мы найдем тому примеры в 53 главе Исайи и в 21 псалме. Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже что оно прекрасно именно потому, что не добро, - это нам известно со времени Ницше, а еще ранее вы найдете это в «Цветах зла» - так Бодлер назвал томик своих стихов. И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священо и не добро.

Но это самые элементарные случаи борьбы богов, несовместимости ценностей. Как представляют себе возможность «научного» выбора между ценностью французской и немецкой культур, этого я не знаю. Тут тоже спор разных богов и демонов: точно так же как эллин приносил жертву Афродите, затем Аполлону и прежде всего каждому из богов своего города, так это происходит и по сей день, - только без одеяний и волшебства этого мифического образа действий, внутренне, однако, исполненного истинной пластики. А этими богами и их борьбой правит судьба, а вовсе не «наука». Следует только понять, что представляет собой божественное для одного и что - для другого, или как оно выступает в одном и в другом порядке. Но тем самым кончается обсуждение предмета в аудитории профессором - это, разумеется, не означает, что вместе с тем кончается сама эта серьезнейшая жизненная проблема. Однако слово здесь уже не за университетскими кафедрами, а за иными силами. Какой человек отважится «научно опровергать» этику Нагорной проповеди, например заповедь «непротивления злу» или притчу о человеке, подставляющем и левую, и правую щеку? И тем не менее ясно, что здесь, если взглянуть на это с мирской точки зрения, проповедуется этика, требующая отказа от чувства собственного достоинства: нужно выбирать между религиозным достоинством, которое дает эта этика, и мужским достоинством, этика которого проповедует нечто совсем иное: «Противься злу, иначе ты будешь нести свою долю ответственности, если оно пересилит». В зависимости от конечной установки индивида одна из этих этических позиций исходит от дьявола, другая - от бога, и индивид должен решить, кто для него бог и кто дьявол. И так обстоит дело со всеми порядками жизни.

Величественный рационализм методически-этического образа жизни, которым проникнуто всякое религиозное пророчество, низложил это многобожие в пользу «Единого на потребу», а затем перед лицом реальностей внешней и внутренней жизни был вынужден ввести релятивизм и пойти на те компромиссы, которые всем нам известны из истории христианства.

Но сегодня это стало религиозными «буднями». Многочисленные древние боги, лишенные своих чар и поэтому принявшие образ безличных сил, выходят из гробов, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу. Но что так трудно современному человеку и труднее всего молодому поколению, так это быть вровень с этими буднями. Всякая погоня за «переживаниями» вырастает из этой слабости. Ибо не иметь сил взглянуть в суровое лицо судьбы, судьбы времени - это слабость...

По отношению к проблеме ценности, о которой каждый раз идет речь, можно занять практически разные позиции - для простоты я предлагаю вам взять в качестве примера социальные явления. Если занимают определенную позицию, то в соответствии с опытом науки следует применить соответствующие *средства*, чтобы эту позицию практически провести в жизнь. Эти средства, возможно, уже сами по себе таковы, что вы считаете необходимым их отвергнуть. В таком случае нужно выбирать между целью и неизбежными средствами ее. «Освящает» цель эти средства или нет? Учитель должен показать вам необходимость такого выбора. Большого он не может - пока остается учителем, а не становится демагогом. Он может вам, конечно, сказать: если вы хотите достигнуть такой-то цели, то вы должны принять также и соответствующие следствия, которые, как это показывает опыт, влечет за собой деятельность по достижению этой цели.

Все эти проблемы могут возникнуть и у каждого техника, ведь он тоже часто должен выбирать по принципу меньшего зла или относительно лучшего варианта. Для него важно, чтобы было дано одно главное: *цель*. Но именно она, поскольку речь идет о действительно «последних» проблемах, нам не *дана*. И тем самым мы подошли к последнему акту, который наука, как таковая, должна осуществить ради достижения ясности, и одновременно мы подошли к границам самой науки.

Мы можем и должны вам сказать: такие-то практические установки с внутренней последовательностью и, следовательно, честностью можно вывести - в соответствии с их духом - из такой-то последней мировоззренческой позиции (может быть, из одной, может быть, из разных), а из других - нельзя. Если вы выбираете эту установку, то вы служите, образно говоря, одному богу и *оскорбляете всех остальных богов*. Ибо если вы остаетесь верными себе, то вы необходимо приходите к определенным последним внутренним следствиям. Это можно сделать, по крайней мере, в принципе. Выявить связь последних установок с их следствиями - это задача философии как социальной дисциплины и как философской базы отдельных наук. Мы можем, если понимаем свое дело (что здесь должно предполагаться), заставить индивида - или по крайней мере помочь ему - *дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности*. Это мне представляется отнюдь не маловажным даже для чисто личной жизни. Если какому-нибудь учителю это удастся, то я бы сказал, что он служит «нравственным» силам, поскольку вносит ясность; что он тем лучше выполняет свою задачу, чем добросовестнее будет избегать внушать слушателям свою позицию, свою точку зрения.

То, что я вам здесь излагаю, вытекает, конечно, из главного положения, а именно из того, что жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из нее самой, знает только вечную борьбу богов, знает (если не прибегать к образу) только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а следовательно, необходимость между ними *выбирать*. Заслуживает ли наука при таких условиях того, чтобы стать чьим-то «призванием», и есть ли у нее самой какое-либо объективное ценное «призвание» - это опять-таки ценностное суждение...

Судьба нашей эпохи, с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдованием мира, заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов

друг к другу. Не случайно наше самое высокое искусство интимно, а не монументально; не случайно сегодня только внутри узких общественных кругов, в личном общении, крайне тихо, пианиссимо, пульсирует то, что раньше буйным пожаром, пророческим духом проходило через большие общины и сплывало их. Если мы попытаемся насильственно привить вкус к монументальному искусству и «изобретем» его, то появится нечто столь же жалкое и безобразное, как то, что мы видели во многих памятниках последнего десятилетия. Если попытаться ввести религиозные новообразования без нового, истинного пророчества, то возникнет нечто по своему внутреннему смыслу подобное - только еще хуже. И пророчество с кафедры создаст в конце концов только фантастические секты, но никогда не создаст подлинной общности. Кто не может мужественно вынести этой судьбы эпохи, тому надо сказать: пусть лучше он молча, без публичной рекламы, которую обычно создают ренегаты, а тихо и просто вернется в широко и милостиво открытые объятия древних церквей. Это ведь нетрудно. Он должен при этом так или иначе принести в «жертву» интеллект - это неизбежно. Мы не будем его порицать за это, если он действительно в состоянии это сделать. Ибо подобное принесение в жертву интеллекта ради безусловной преданности религии есть все же нечто в нравственном отношении иное, чем попытка уклониться от обязанности быть интеллектуально добросовестным, что бывает тогда, когда не имеют мужества дать себе ясный отчет относительно собственной конечной позиции, а облегчают себе выполнение этой обязанности с помощью дряблого релятивизма. Та позиция представляется мне более высокой, чем кафедральное пророчество, не дающее себе отчета в том, что в стенах аудитории не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности. Но эта честность требует от нас констатировать, что сегодня положение тех, кто ждет новых пророков и спасителей, подобно тому положению, о котором повествуется в одном из пророчеств Исайи, - речь идет здесь о прекрасной песне едомского сторожа времен изгнания евреев: «Кто мне кричат с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите».

Народ, которому это было сказано, спрашивал и ждал более двух тысячелетий, и мы знаем его потрясающую судьбу. Из этого надо извлечь урок: одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному - нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» - как человечески, так и профессионально. А требование это будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни.

Эвальд Васильевич Ильенков «Что там, в Зазеркалье?». Это очень старый вопрос - об отношении красоты, добра и истины. В наши дни он формулируется чаще как вопрос об отношении искусства, этики и науки. Но это тот же самый вопрос. В старину его решали просто. Истина, добро и красота - это лишь три разных способа выражения одного и того же. Одно и то же, выраженное тремя разными способами. Пусть решение это ныне кажется слишком простым, прямолинейным и наивно абстрактным, но другого общего решения нет.

Можно, разумеется, упрекнуть это решение в том, что оно слишком общо. Можно посотевать, что в такой общей форме оно не только не решает, но даже и не учитывает всех тех конкретных трудностей, которые встают сразу же, как только его пытаются применить к анализу реальных - исторически-конкретных - взаимоотношений между этими тремя способами выражения. Легко выдвинуть возражение, состоящее в том, что эти взаимоотношения в действительности весьма натянутые, эти пути «истины», «красоты» и «добра» расходятся в реальной жизни весьма далеко.

Все это так. То гармоническое единение между ними, которое предполагается формулой старого исходного решения, не так-то легко «оправдать» историческими фактами. Более того, если этот всеобщий закон понимать как правило, которому обязан безропотно подчиняться каждый отдельный случай, то история, скорее, опровергает выставленную общую формулу.

В лучшем случае эту всеобщую формулу можно сохранить тогда лишь как формулу мечты, надежды, идеально-несбыточного состояния, но не как фактически данного их отношения друг к другу. Но тогда на какие же реальные факты будет опираться такая мечта?

Общая формула дает ответ: надежда покоится на том, что истина, добро и красота глубоко родственны «по существу дела», они растут из одного корня, питаются одними соками. Поэтому, как бы далеко ни разошлись ветви в своем росте, они всегда останутся ветвями одного дерева. Поэтому они «внутренне» не могут быть враждебны друг другу, хотя бы «внешне» дело и выглядело именно так. Ведь бывают же дурные отношения между сыновьями одной матери, что, однако, не является доводом в пользу склочных отношений в семье, а тем более - всеобщим законом развития взаимоотношений между братьями... Печальные исключения не могут опрокинуть всеобщий закон. Мало ли что бывает в ненормальных условиях...

Если между «добром» и «красотой» есть хоть какая-нибудь связь, заслуживающая серьезного, научно-теоретического рассмотрения и уяснения, то на языке логики это допущение выразится именно так, и только так, как его выразили давным-давно. А именно: «добро» и «красота» - это только два способа выражения одного и того же. Так же как «красота» и «истина».

И тогда вопрос перед вами встанет так: а что же это такое, это самое «одно и то же», выраженное один раз в виде «добра», другой раз - в образе «красоты», а третий раз - в форме «истины»? Тогда, как подсказывает элементарная логика, вы обязаны будете ответить прежде всего на вопрос: что он такое, этот Икс, который, сам по себе не будучи ни тем, ни другим, ни третьим, вдруг предстает перед нами то в облике «красоты», то в образе «добра», то в костюме «истины»?

В самом деле, что можно увидеть общего между злой красавицей, некрасивым добром и безобразной истиной, которая только и старается быть ни «доброй», ни «злой», ни «красивой», ни «безобразной»?

Никакого «господина Икс» не было и нет. А есть я, всем вам прекрасно известный, популярный, знакомый человек, портреты которого рисуют чуть ли не на коробках с шоколадными конфетами. Всем нам хорошо известный, конкретный человек. Человек с его сложной, трудной и противоречивой судьбой-историей - пьесой, которую он сам же

исполняет, сочиняя по ходу действия, действуя по обстоятельствам, созданным вначале матушкой-природой, а потом, чем дальше, тем больше, - ходом своего же собственного действия...

То самое «одно и то же», что пытается выразить и осознать себя в «трех разных способах выражения» - рассмотреть самого себя в зеркале науки, в зеркале искусства и в зеркале нравственных критериев. Конечно, ни в одном из этих зеркал Человек не может рассмотреть себя во всей своей конкретной полноте. В каждом из них он отражается лишь односторонне - абстрактно. И все же во всех трех зеркалах отражается именно он - один и тот же.

И если три разных изображения одного и того же оказываются настолько одно на другое непохожими, что жуть берет, если то, что в одном зеркале отражается как красота, в другом предстает как ложь и зло; и, с другой стороны, глянешь в одно зеркало - на тебя глядит истина, а в другое - глядит на тебя звериный и злобный оскал безобразия, - то не надо на зеркало пенять. Лучше на себя оборотиться. Зеркала подлинной науки, подлинного искусства и подлинной нравственности, отшлифованные тысячелетним трудом людей, по праву носивших имя человека, не лгут. Лгут только мутные зеркала мнимого искусства, превращающие безобразие в красоту, а красоту - в безобразие.

И если уж ты оказался в ситуации, когда одно и то же предстает в одном зеркале - истинным, а в другом - безобразным и злым, то это свидетельствует лишь о трагическом действительном разладе в самой «сущности» смотрящегося в них человека. В «совокупности» общественных отношений. Это значит, что смотрящийся в зеркало науки человек на самом деле не обладает полной истиной, а обладает лишь частичной.

И если он упрямо принимает эту неполную, абстрактную и ущербную истину за полную и вполне достаточную, то эту его иллюзию и обнаруживает зеркало искусства. Ибо в этом зеркале ущербно-однобокий уродец никогда не отразится в виде Аполлона, а отразится в виде головастика, в виде Мозга-на-паучьих-ножках. И наоборот, Аполлон по внешности в зеркале науки может увидеть себя как безмозглого тупицу. А это уж никак не Аполлон. Мнимый Аполлон, мнимая, фальшивая красота.

Так что трагическое расхождение между тремя разными способами выражения одного и того же - это только индикатор, показывающий, что реальный человек, в них глядящийся, не обладает полной истиной именно потому, что он некрасив и недобр. Или ежели он отражается там уродливым злодеем, то это значит, что истина, которой он обладает, неполна и требует каких-то существенных уточнений, хотя и кажется ему достаточной и полновесной. Если бы она и в самом деле была такой, человек отразился бы в зеркале искусства прекрасным, а в зеркале моральных критериев - добрым. Нет этого - значит, и истины у него подлинной нет. А есть только мнимая.

Посему и надо полагать, что умный злодей - это недостаточно умный человек, что красивый злодей - лишь мнимо красивый, а на деле отвратительно безобразный человек - та или иная разновидность Джеймса Бонда.

И попытки превращать отвратительного злодея в эстетически привлекательный персонаж - это попытки не только гнусные с нравственной точки зрения, но и эстетически невыполнимые, не могущие выдать произведение подлинного искусства. За это ручается наука, а не только практика самого подлинного искусства в его борьбе с искусством фальшивым, превращающим белое в черное, а черное в белое, тупого убийцу - в иконописный лик, а доброго и умного человека - в жалкое посмешище.

Все это и нужно, по-видимому, учитывать, рассуждая об искусстве «нравственном и безнравственном».

Подлинное искусство не может быть безнравственным по самой его природе, и, наоборот, безнравственное искусство - всегда фальшивое искусство, не искусство, а бездарный суррогат: формально, может статься, и ловкая, но бессодержательная по существу фальсификация подлинных эстетических ценностей.

А определить, с чем мы столкнулись, можно только одним путем: исходя из ясного, категорического и принципиально продуманного понимания того, что такое человек и в чем суть человеческих отношений, отношений человека к другому человеку и к матушке-природе.

Есть это человеческое отношение человека к другому человеку и к природе - есть и истина, и красота, и добро. Поэтому-то гармоническое соединение истины, добра и красоты - это критерий зрелости подлинно человеческих отношений. И отбрасывать этот критерий нельзя, не утрачивая возможности определять, что в сегодняшнем человеке успело стать человеческим, а что находится еще на звериной стадии, на уровне стадного животного,

№4. Какие виды поступков выделяет И. Кант и А. Шопенгауэр? В чем заключается моральная ценность поступка?

Иммануил Кант «Основы метафизики нравственности».

Я обхожу здесь молчанием все поступки, которые признаются как противные долгу, хотя они и могли бы быть полезными в том или другом отношении; ведь о таких поступках нельзя спрашивать, совершены ли они из чувства долга, поскольку они даже противоречат долгу. Я оставляю без внимания и те поступки, которые, правда, правды, сообразны с долгом, но к которым люди непосредственно не имеют никакой склонности, однако все же совершают их потому, что побуждаются к этому другой склонностью. В таких случаях легко установить, совершен ли сообразный с долгом поступок из чувства долга или с эгоистическими целями. Гораздо труднее заметить это различие там, где поступок сообразуется с долгом и, кроме того, сам субъект непосредственно склонен совершать его. Например, сообразно с долгом, конечно, то, что мелкий торговец не запрашивает слишком много у своего неопытного покупателя; этого не делает и умный купец, у которого большой оборот, а, напротив, каждому продает по твердо установленной общей цене, так что ребенок покупает у него с таким же успехом, как и всякий другой. С каждым, таким образом, поступают здесь честно. Однако этого далеко не достаточно, чтобы на этом основании думать, будто купец поступил так из чувства долга и по принципам честности; того требовала его выгода; но в данном случае нельзя считать, что он, кроме того, еще испытывает прямую симпатию к покупателям, чтобы, так сказать, из любви не оказывать ни одному из них перед другим предпочтение в цене. Следовательно, такой поступок был совершен не из чувства долга и не из прямой симпатии, а просто с корыстными целями...

Оказывается, где только возможно, благодетеля есть долг, и, кроме того, имеются некоторые столь участливо настроенные души, что они и без всякого другого тщеславного или корыстолюбивого побудительного мотива находят внутреннее удовольствие в том, чтобы распространять вокруг себя радость, и им приятна удовлетворенность других, поскольку она дело их рук. Но я утверждаю, что в этом случае всякий такой поступок, как бы он ни сообразовался с долгом и как бы он ни был приятным, все же не имеет никакой истинной нравственной ценности. Он под стать другим склонностям, например склонности к почестям, которая, если она, к счастью, наталкивается на то, что действительно общепольно и сообразно с долгом, стало быть достойно уважения, заслуживает похвалы и поощрения, но никак не высокой оценки. Ведь максиме не хватает нравственного достоинства, а именно совершать такие поступки не по склонности, а из чувства долга. Предположим, что настроение такого человеколюбца заволокло собственной печалью, которая гасит всякое участие к судьбе других; что он все еще имеет возможность помочь другим нуждающимся, но чужая беда его не трогает, так как он занят своей собственной; и вот, когда никакая склонность его уже больше к тому не побуждает, он вырывается из этой полной бесчувственности и совершает поступок без всякой склонности, исключительно из чувства долга, - вот тогда только этот поступок приобретает свою настоящую моральную ценность. Более того: если бы природа вложила в сердце какого-нибудь человека мало симпатии; если бы он (в общем-то честный человек) обладал холодным темпераментом и был равнодушен к страданиям других, может быть, потому, что будучи наделен особым даром терпения и выдержки по отношению к своим собственным страданиям, он предполагает или даже требует того же от всякого другого; если бы природа не сделала такого человека (который вовсе не самое худшее ее произведение), собственно говоря, человеколюбцем, - то неужели он не нашел бы в себе еще источник для того, чтобы самому себе придать гораздо более высокую ценность, чем та, какой может быть ценность благонравного темперамента? Несомненно нашел бы! Именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность характера...

Итак, поступок из чувства долга должен совершенно устранить влияние склонности и вместе с ней всякий предмет воли. Следовательно, остается только одно, что могло бы определить волю: объективно закон, а субъективно чистое уважение к этому практическому закону, стало быть, максима - следовать такому закону даже в ущерб всем своим склонностям.

Таким образом, моральная ценность поступка заключается не в результате, который от него ожидается, следовательно, также и не в каком-нибудь принципе [совершения] поступков, который нуждается в заимствовании своей побудительной причины от этого ожидаемого результата. Ведь ко всем этим результатам (собственному приятному состоянию и даже способствованию чужому счастью) могли бы привести и другие причины, и для этого, следовательно, не требовалось воли разумного существа, а ведь в ней одной можно найти высшее и безусловное благо. Поэтому только представление о законе самом по себе, которое имеется, конечно, только у разумного существа, поскольку это представление, а не ожидаемый результат есть определяющее основание воли, может составлять то столь предпочтительное благо, которое мы называем нравственным и которое имеется уже в самой личности, поступающей согласно этому представлению, а не ожидается еще только в результате [поступка]. Однако что же это за закон, представление о котором, даже безотносительно к ожидаемому от него результату, должно определить волю, дабы последняя могла считаться непосредственно и безусловно доброй?

Это значит: я всегда должен поступать только так, *чтобы я также мог желать превращения моей максимы во всеобщий закон.*

Артур Шопенгауэр «Об основе морали». Существуют вообще лишь три основные пружины человеческих поступков, и только через возбуждение их действуют все, какие только возможно, мотивы. Вот они:

а) эгоизм, который хочет собственного блага (он безграничен);
б) злоба, которая хочет чужого горя (доходит до самой крайней жестокости);
в) сострадание, которое хочет чужого блага (доходит до благородства и великодушия). Всякий человеческий поступок необходимо сводится к одному из этих импульсов, хотя могут действовать и два из них вместе. А так как мы признали морально-ценные поступки фактически данными, то и они должны исходить от одной из этих основных пружин. ... для них не может служить источником *первый* импульс, а еще менее *второй* - так как все получающиеся из последнего поступки морально порочны, тогда как первый отчасти дает поступки морально-безразличные. Итак, они должны брать начало в *третьем* импульсе...

Главная и основная пружина в человеке, как и животном, есть *эгоизм*, т. е. влечение к бытию и благополучию... Вежливость - это условное и систематическое отрицание эгоизма в мелочах повседневного обихода, и она представляет собою, конечно, признанное лицемерие, однако она культивируется и восхваляется, так как то, что она скрывает - эгоизм, настолько гадко, что его не хотят видеть, хотя знают, что оно тут, подобно тому, как желают, чтобы отвратительные предметы по крайней мере были прикрыты занавеской. Так как эгоизм, когда его не сдерживает никакая внешняя власть, к которой надо причислить также всякий страх, будь то перед земными или перед сверхъестественными силами, или когда не противодействует ему подлинный моральный импульс, безусловно стремится к своим целям, то при бесчисленном множестве эгоистичных индивидуумов лозунгом дня, во вред всем, было бы «*bellum omnium contra omnes*» [война всех против всех]...

В предстоящей борьбе *эгоизм*, как главная сила своей стороны, будет направлен главным образом против добродетели *справедливости*, которая, на мой взгляд, первая и действительно подлинная основная добродетель.

Напротив, с добродетелью *човеколюбия* чаще борются *зложелательство* или *ненавистничество*... *Зложелательство* в слабых степенях встречается очень часто, даже почти постоянно, легко достигая высших степеней. *Гёте*, конечно, прав, говоря, что на этом свете равнодушие и антипатия вполне у себя дома. Для нас очень хорошо, что благоразумие и вежливость набрасывают на них свой покров и не позволяют нам видеть, насколько общераспространено взаимное зложелательство и как продолжается, по крайней мере в мыслях, *bellum omnium contra omnes*. Но при случае

оно все-таки выступает на свет, например, в столь обычной и столь беспощадной клевете; вполне же явным становится оно при вспышках гнева, которые большею частью идут во много раз далее своего повода и не могли бы оказываться такими сильными, если бы они, подобно пороху в ружье, не были сжаты в виде долго выношенной, в глубине души питаемой ненависти. В большинстве случаев зложелательство возникает из неизбежных и на каждом шагу происходящих коллизий эгоизма. Затем оно возбуждается также и объективно зрелищем всякого рода пороков, недостатков, слабостей, глупостей, погрешностей и несовершенств, какие, в большей или меньшей степени, всякий являет перед другими, по крайней мере, при случае. Дело может пойти так далеко, что иному, быть может, особенно в минуты ипохондрического настроения, мир покажется с эстетической стороны музеем карикатур, с интеллектуальной - желтым домом, а с моральной - мошенническим притоном. Если такое настроение становится постоянным, возникает мизантропия. Наконец, главный источник зложелательства - *зависть*, или, скорее, она сама уже есть зложелательство, возбуждаемое чужим счастьем, состоянием или преимуществами. Ни один человек вполне от нее не свободен, и уже Геродот сказал: Зависть изначально присуща человеческой натуре]... Зависть и злорадство сами по себе имеют лишь теоретический характер; на практике они становятся злобою и жестокостью...

Но я думаю, что найдутся очень немногие, кто сомневается и не имеет по собственному опыту убеждения в том, что человек нередко поступает справедливо с единственной и исключительной целью, чтобы другой не потерпел несправедливости, и что есть даже люди, которым как бы *врожден* принцип воздавать другому должное, которые поэтому никого намеренно не обижают, не ищут безусловно своей выгоды, но при этом считаются также с правами других, - люди, которые при обоюдном принятии обязательств смотрят не только за тем, чтобы другой *исполнил* свое, но и за тем, чтобы он получил свое, искренно не желая, чтобы терпели ущерб те, кто с ними имеет дело. Это - *истинно честные люди*, немногие *aequi*[справедливые] среди бесчисленного множества *iniqui*[несправедливых]. Но такие люди есть. Равным образом со мною, думаю я, согласится, что иные помогают и дают, оказывают услуги и отказываются от своего, не имея в душе своей никакого иного умысла, кроме того, чтобы была оказана помощь другому, видимо в ней нуждающемуся...

Итак, лишь за этого рода поступками признается подлинная *моральная ценность*. В качестве их своеобразного и характерного признака мы находим исключение такого рода мотивов, которыми вызываются все другие человеческие действия, именно - мотивов *свокорыстных* в самом широком смысле этого слова. Вот почему открытие своекорыстного мотива, если он был единственным, совершенно лишает поступок моральной ценности, а если он действовал как побочный, то умаляет ее. Отсутствие всякой эгоистической мотивации - вот, следовательно, *критерий морально-ценного поступка*. Правда, можно бы возразить, что и поступки чистой злобы и жестокости не *свокорыстны*; ясно, однако, что они не могут здесь подразумеваться, так как они являются противоположностью тем поступкам, о которых идет речь. Впрочем, кто настаивает на строгости определения, тот может прямо выделить первого рода поступки с помощью того существенного для них признака, что они имеют целью чужое страдание. В качестве совершенно интимного и потому не столь очевидного признака морально-ценных поступков присоединяется еще то, что они оставляют после себя известную удовлетворенность самим собою, называемую одобрением совести, подобно тому как, с другой стороны, противоположные им поступки несправедливости и сердечной черствости, а еще того более деяния злобы и жестокости сопряжены с противоположной внутренней самооценкой. Далее, вторичным и случайным внешним признаком служит еще то, что поступки первого рода вызывают одобрение и уважение беспристрастных свидетелей, а второго - наоборот...

При ближайшем рассмотрении указанного выше в качестве этического первофеномена процесса сострадания сразу видно, что существуют две ясно различимые степени, в каких страдание другого может непосредственно стать моим мотивом, т. е. определить меня к активному или пассивному поведению. Именно: первая степень лишь та, что оно, противодействуя эгоистическим или злым мотивам, удерживает меня от того, чтобы я причинял другому страдание, т. е. производил то, чего еще нет, сам становился причиной чужих скорбей; затем вторая, высшая степень - та, когда сострадание, действуя положительно, побуждает меня к деятельной помощи. Разграничение так называемых обязанностей права и обязанностей добродетели, правильнее, справедливости и человеколюбия... это естественная, вполне ясная и резкая граница между отрицательным и положительным, между «не вредить» и «помогать».

№5. В чем различие позиций Л. Троцкого и Д. Дьюи по вопросу о соотношении цели и средств? Кто из них прав и почему?

Лев Троцкий «Их мораль и наша». Наиболее популярное и наиболее импонирующее обвинение направленное против большевистского «аморализма», находит свою опору в так называемом иезуитском правиле большевизма - «цель оправдывает средства». Отсюда уже нетрудно сделать дальнейший вывод, так как троцкисты, подобно всем большевикам (или марксистам), не признают принципов морали, следовательно, между троцкизмом и сталинизмом нет «принципиальной» разницы. Что и требовалось доказать...

Если мы захотим взять господ обличителей всерьез, то должны будем прежде всего спросить их: каковы же их собственные принципы морали? Вот вопрос, на который мы вряд ли получим ответ. Допустим, в самом деле, что ни личная, ни социальная цели не могут оправдать средства. Тогда нужно, очевидно, искать других критериев, вне исторического общества, и тех целей, которые выдвигаются его развитием. Где же? Раз не на земле, то на небесах. Попы уже давно открыли безошибочные критерии морали в божественном откровении. Светские попики говорят о вечных истинах морали, не указывая свой первоисточник. Мы вправе, однако, заключить: раз эти истины вечны, значит, они должны были существовать не только до появления на земле полуобезьяны-получеловека, но и до возникновения Солнечной системы. Откуда же они, собственно, взялись? Без бога теория вечной морали никак обойтись не может.

Моралисты англосаксонского типа, поскольку они не ограничиваются рационалистическим утилитаризмом, этикой буржуазного бухгалтера, выступают в качестве сознательных или бессознательных учеников виконта Шефтсбери

(Shaftesbury), который - в начале 18 века! - выводил нравственные суждения из особого «морального чувства» (moral sense), раз навсегда будто бы данного человеку. Сверхклассовая мораль неизбежно ведет к признанию особой субстанции, «морального чувства», «совести», как некоего абсолюта, который является не чем иным, как философски-трусливым псевдонимом бога. Независимая от «целей», то есть от общества, мораль - выводить ли ее из вечных истин или из «природы человека» - оказывается, в конце концов, разновидностью «натуральной теологии» (natural theology). Небеса остаются единственной укрепленной позицией для военных операций против диалектического материализма...

Иезуитский орден, созданный в первой половине 16 века для отпора протестантизму, никогда не учил, к слову сказать, что всякое средство, хотя бы и преступное с точки зрения католической морали, допустимо, если только оно ведет к цели, то есть к торжеству католицизма. Такая внутренне противоречивая и психологически немыслимая доктрина была злонамеренно приписана иезуитам их протестантскими, а отчасти и католическими противниками, которые не стеснялись в средствах для достижения *своей* цели. Иезуитские теологи, которых, как и теологов других школ, занимал вопрос о личной ответственности, учили на самом деле, что средство само по себе может быть индифферентным, но что моральное оправдание или осуждение данного средства вытекает из цели. Так, выстрел сам по себе безразличен, выстрел в бешеную собаку, угрожающую ребенку, - благо; выстрел с целью насилия или убийства - преступление. Ничего другого, кроме этих общих мест, богословы ордена не хотели сказать. Что касается их практической морали, то иезуиты вовсе не были хуже других монахов или католических священников, наоборот, скорее возвышались над ними, во всяком случае, были последовательнее, смелее и проницательнее других. Иезуиты представляли воинствующую организацию, замкнутую, строго централизованную, наступательную и опасную не только для врагов, но и для союзников. По психологии и методам действий иезуит «героической» эпохи отличался от среднего кюре, как воин церкви от ее лавочника. У нас нет основания идеализировать ни того, ни другого. Но совсем уж недостойно глядеть на фанатика-воина глазами тупого и ленивого лавочника...

Кто не хочет ни возвращаться к Моисею, Христу или Магомету, ни довольствоваться эклектической крошкой, тому остается признать, что мораль является продуктом общественного развития; что в ней нет ничего неизменного; что она служит общественным интересам; что эти интересы противоречивы; что мораль больше, чем какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер.

Но ведь существуют же элементарные правила морали, выработанные развитием человечества как целого и необходимые для жизни всякого коллектива? Существуют, несомненно, но сила их действия крайне ограничена и неустойчива. «Общеобязательные» нормы тем менее действительны, чем более острый характер принимает классовая борьба. Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами. В «нормальных» условиях «нормальный» человек соблюдает заповедь: «Не убий!» Но если он убьет в исключительных условиях самообороны, то его оправдают присяжные. Если, наоборот, он падет жертвой убийцы, то убийцу убьет суд. Необходимость суда, как и самообороны, вытекает из антагонизма интересов. Что касается государства, то в мирное время оно ограничивается легализованными убийствами единиц, чтобы во время войны превратить «общеобязательную» заповедь: «Не убий!» - в свою противоположность. Самые «гуманные» правительства, которые в мирное время «ненавидят» войну, провозглашают во время войны высшим долгом своей армии истребить как можно большую часть человечества.

Так называемые «общепризнанные» правила морали сохраняют по существу своему алгебраический, то есть неопределенный, характер. Они выражают лишь тот факт, что человек в своем индивидуальном поведении связан известными общими нормами, вытекающими из его принадлежности к обществу. Высшим обобщением этих норм является «категорический императив» Канта. Но, несмотря на занимаемое им на философском Олимпе высокое положение, этот императив не содержит в себе ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного. Это оболочка без содержания.

Причина пустоты общеобязательных форм заключается в том, что во всех решающих вопросах люди ощущают свою принадлежность к классу гораздо глубже и непосредственнее, чем к «обществу». Нормы «общеобязательной» морали заполняются на деле классовым, то есть антагонистическим, содержанием. Нравственная норма становится тем категоричнее, чем менее она «общеобязательна». Солидарность рабочих, особенно стачечников или баррикадных бойцов, неизмеримо «категоричнее», чем человеческая солидарность вообще. Буржуазия, которая далеко превосходит пролетариат законченностью и непримиримостью классового сознания, жизненно заинтересована в том, чтобы навязать свою мораль эксплуатируемым массам. Именно для этого конкретные нормы буржуазного катехизиса прикрываются моральными абстракциями, которые ставятся под покровительство религии, философии или того ублюдка, который называется «здравым смыслом». Апелляция к абстрактным нормам является не бескорыстной философской ошибкой, а необходимым элементом в механике классового обмана.

Средство может быть оправдано только целью. Но ведь и цель, в свою очередь, должна быть оправдана. С точки зрения марксизма, который выражает исторические интересы пролетариата, цель оправдана, если она ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком.

Значит, для достижения этой цели все позволено? - саркастически спросит филистер, обнаружив, что он ничего не понял. Позволено все то, ответим мы, что *действительно* ведет к освобождению человечества. Так как достигнуть этой цели можно только революционным путем, то освободительная мораль пролетариата имеет, по необходимости, революционный характер. Она непримиримо противостоит не только догмам религии, но всякого рода идеалистическим фетишам, этим философским жандармам господствующего класса. Она выводит правила поведения из законов развития общества, следовательно, прежде всего из классовой борьбы, этого закона всех законов.

Значит, все же в классовой борьбе с капиталистами дозволены все средства: ложь, подлог, предательство, убийство и прочее? - продолжает настаивать моралист. Допустимы и обязательны те, и только те, средства, отвечаем мы,

которые сплачивают революционный пролетариат, наполняют его душу непримиримой враждой к угнетению, научают его презирать официальную мораль и ее демократических подголосков, пропитывают его сознанием собственной исторической миссии, повышают его мужество и самоотверженность в борьбе. Именно из этого вытекает, что *не* все средства позволены. Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая революционная цель отвергает в качестве средств все те низменные приемы и методы, которые противопоставляют одну часть рабочего класса другим его частям; или пытаются осчастливить массу без ее участия; или понижают доверие массы к себе самой и к своей организации, подменяя его преклонением перед «вождями». Прежде всего и непримиримее всего революционная мораль отвергает сервильизм по отношению к буржуазии и высокомерие по отношению к трудящимся, то есть те качества, которые насквозь пропитывают мелкобуржуазных педантов и моралистов.

Эти критерии не дают, разумеется, готового ответа на вопрос, что позволено и что недопустимо в каждом отдельном случае. Таких автоматических ответов и не может быть. Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики. Правильный ответ на эти вопросы дает живой опыт движения в свете теории.

Диалектический материализм не знает дуализма средства и цели. Цель естественно вытекает из самого исторического движения. Средства органически подчинены цели. Ближайшая цель становится средством для более отдаленной цели. В своей драме «Франц фон Сикинген» Фердинанд Лассаль влагает следующие слова в уста одного из героев:

Укажи не только цель, укажи и путь.

Ибо так нерасторжимо вырастают друг в друга

путь и цель,

Что одно всегда меняется вместе с другим,

И путь иной порождает иную цель...

Допустим или недопустим, например, индивидуальный террор с «чисто моральной» точки зрения? В этой абстрактной форме вопрос совершенно не существует для нас. Консервативные швейцарские буржуа и сейчас воздают официальную хвалу террористу Вильгельму Теллю. Наши симпатии полностью на стороне ирландских, русских, польских или индусских террористов в их борьбе против национального и политического гнета. Убитый Киров, грубый сатрап, не вызывает никакого сочувствия. Наше отношение к убийце остается нейтральным только потому, что мы не знаем руководивших им мотивов. Если бы стало известно, что Николаев выступил сознательным мстителем за попираемые Кировым права рабочих, наши симпатии были бы целиком на стороне убийцы. Однако решающее значение имеет для нас не вопрос о субъективных мотивах, а вопрос об объективной целесообразности. Способно ли минимое средство действительно вести к цели? В отношении индивидуального террора теория и опыт свидетельствуют, что нет. Террористу мы говорим: заменить массы нельзя; только в массовом движении ты мог бы найти целесообразное применение своему героизму. Однако в условиях гражданской войны убийства отдельных насильников перестают быть актами индивидуального терроризма. Если бы, скажем, революционер взорвал на воздух генерала Франко и его штаб, вряд ли это вызвало бы нравственное возмущение даже у демократических евнухов. В условиях гражданской войны подобный акт был бы и политически вполне целесообразен! Так даже в самом остром вопросе - убийство человека человеком - моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка вместе с политической вытекает из внутренних потребностей борьбы.

Джон Дьюи «Цели и средства». С марксистской точки зрения, которая выражает исторические интересы пролетариата, цель обоснована, если она ведет к возрастанию власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком. Это возрастание власти человека над природой, сопровождаемое уничтожением власти человека над человеком, кажется именно целью как таковой, целью, которая не требует обоснования, но сама является обоснованием целей, выступающих по отношению к ней в качестве средств. Добавим, что немарксисты могли бы принять эту формулировку цели и согласиться, что она выражает моральный интерес общества, но только не исторический и не чисто пролетарский интерес...

Дурную славу максимы «цель оправдывает средства» (и сформулированной в ней практики) породило то, что конечная цель - цель избранная и преследуемая (возможно, совершенно искренне) - настолько оправдывает выбор определенных средств, что уже не нужно исследовать, каковы будут реальные последствия их использования. Индивид вполне искренне может считать, что определенные средства «действительно» приведут к избранной и желаемой цели. Однако подлинный вопрос заключается не в чьей-то личной вере, а в ее объективных основаниях, а именно в действительно производимых ими последствиях. Так, когда Троцкий говорит, что «диалектический материализм не знает дуализма целей и средств», естественно предположить, что он рекомендует использование средств, способных по своей собственной природе вести к освобождению человечества как к объективному следствию.

Можно было бы ожидать, что с принятием идеи освобождения человечества в качестве конечной цели все средства, подходящие для ее достижения, будут исследованы вне традиционного понимания, каковы они *должны* быть, и каждое предлагаемое средство будет взвешено и оценено на основе оправданных и ожидаемых от него последствий. Но не в этом направлении развивает Троцкий свою мысль...

Средства «выводятся» не из рассмотрения цели - освобождения человечества, - а из другого, внешнего источника. Избранная цель - конечная цель - освобождение человечества, таким образом, подчинена классовой борьбе как средству, с помощью которого она и достигается. Вместо взаимозависимости цели и средств мы получаем, что цель зависит от средств, но средства не «выводятся» из цели...

Точка зрения, которую я определил как изначальную взаимозависимость средств и целей, вовсе не отбрасывает в сторону классовую борьбу как средство достижения цели. Но она отказывается от дедуктивного метода выбора этого средства и ничего не говорит о его единственности. Выбор классовой борьбы в качестве средства должен быть обос-

нован взаимозависимостью целей и средств не путем дедуктивного метода, а путем непосредственного исследования действительных последствий его использования. Конечно, исторические соображения имеют отношение к такому исследованию. Однако неправильно говорить о наличии фиксированного закона социального развития. Это то же самое, как если бы биолог или врач стали утверждать, что признаваемый ими определенный закон биологии соотносится с целью (здоровьем) настолько, что единственное средство ее достижения может быть выведено из него, и, следовательно, дальнейшие биологические исследования становятся ненужными - все известно заранее.

Одно дело сказать, что классовая борьба является средством достижения цели освобождения человечества, и совершенно другое - что существует абсолютный закон классовой борьбы, который определяет нужные средства. Ибо если он определяет средства, то он также определяет и цель - действительное следствие, и в соответствии с принципом общей взаимозависимости целей и средств весьма спорным следует признать субъективное утверждение, что этим следствием будет освобождение человечества. Освобождение человечества - это цель, к которой следует стремиться в любом принятом смысле «морального», это моральная цель. Никакой научный закон не может обеспечить достижение моральной цели путем игнорирования принципа взаимозависимости целей и средств. Марксист может искренне верить, что классовая борьба является главным законом социального развития. Отвлечемся от факта, что вера закрывает путь для дальнейшего исследования истории. Даже если классовая борьба была бы действительно научным законом истории, из этого не следовало бы, что это — средство достижения моральной цели освобождения человечества. То, что это именно такое средство, должно быть показано путем анализа средств и их последствий, а не выведено из закона истории с помощью дедукции. Речь идет об исследовании, которое осуществляет свободный и непредсказуемый поиск средств достижения заданной цели - освобождения человечества.

Можно добавить еще одно соображение о классовой борьбе как о средстве. Вероятно, существует несколько, возможно даже много, различных путей, способов ведения классовой борьбы. Как же иначе можно сделать выбор между этими различными способами, как не с помощью исследования их последствий относительно цели освобождения человечества? Вера, что закон истории определяет конкретный путь классовой борьбы, безусловно, ведет к фактической и даже мистической привязанности к определенным способам ведения классовой борьбы и исключению всех иных путей. Мне бы не хотелось выходить за рамки теоретического вопроса взаимозависимости целей и средств, но, возможно, что курс, взятый революцией в СССР, становится более объяснимым, если заметить, что средства выводились из предполагаемого научного закона вместо выбора и принятия их на основе их отношения к моральной цели освобождения человечества.

Единственное заключение, к которому я могу прийти, - то, что, избегая один вид абсолютизма, Троцкий впал в другой. Обнаруживается странный переход ортодоксальных марксистов от преданности идеалам социализма и научным методам их достижения (научным, в смысле основанным на объективных отношениях средств и последствий) к классовой борьбе как к закону исторического изменения. Выведение установленных целей, средств и отношений из этого закона как главного делает все моральные вопросы, то есть все вопросы, связанные с конечной целью, бессмысленными.

№6. На какой философской основе базируется тактика ненасильственных действий? Насколько она эффективна? Нет ли противоречий между правилами ненасильственного сопротивления?

Мартин Лютер Кинг «Паломничество к ненасилию». Философию и теологию в Бостонском университете я изучал под руководством Эдгара С. Брайтмена и Л. Харольда де Вулфа. Оба они во многом стимулировали мое мышление. Главным образом под их руководством я познал философию персонализма - учение, в котором ключ к пониманию вечной реальности находится в личности человека. Этот персональный идеализм и сейчас остается моей основной философской позицией. Уверенность персонализма в том, что только личность - ограниченная и беспредельная - является абсолютной реальностью, укрепила два моих убеждения: дала мне метафизическое философское обоснование идеи о персональном Боге, предоставила метафизический базис для утверждения достоинства и ценности всей личности человека...

Когда я ехал служить священником в Монтгомери, у меня не было и мысли, что я окажусь вовлеченным в кризисную ситуацию, когда придется на практике применять метод ненасильственного сопротивления. Я не начинал действий протеста и не предлагал их. Я просто отозвался на людской призыв стать их представителем. Когда начался протест, мои мысли осознанно или неосознанно возвратились к Нагорной проповеди с ее величественным учением о любви и к методу ненасильственного сопротивления Ганди. С течением времени я начал понимать силу ненасилия все глубже и глубже. Пройдя через действительный опыт протеста, ненасилие стало больше чем метод, с которым я был теоретически согласен; оно стало обязательством жить определенным образом. Многие из проблем, касающихся ненасилия, которые я не мог прояснить для себя интеллектуально, разрешились в сфере практических действий.

С тех пор как философия ненасилия сыграла такую важную роль в Движении в Монтгомери, было бы разумно обратиться непосредственно к краткому обсуждению некоторых основных аспектов этой философии.

Во-первых, следует обязательно выделить, что ненасильственное сопротивление - это не метод для трусов, это сопротивление. Если кто-нибудь использует этот метод потому, что боится, или просто потому, что у него не хватает орудий насилия, то он ненастоящий сторонник ненасилия. Поэтому Ганди часто говорил, что если считать трусость единственной альтернативой насилию, то лучше сражаться. Он сделал, это заявление, будучи уверенным, что всегда существует и другая альтернатива: ни один человек, ни группа людей не должны подчиняться никакой несправедливости, не должны они и использовать насилие, чтобы оправдать эту несправедливость, - существует путь ненасильственного сопротивления. Это в конечном счете путь сильных людей. Это не является воплощением инертной пассивности. Фраза «пассивное сопротивление» часто производит ложное впечатление, будто бы это является разновидностью метода неучастия, согласно которому сопротивляющийся спокойно и пассивно принимает зло. Но ничто другое

так не далеко от истины, как это утверждение. На протяжении того времени, в течение которого сторонник ненасильственного сопротивления пассивен, в том смысле, что он не агрессивен физически в отношении своих противников, его разум и эмоции всегда направлены на убеждение противника в его неправоте. Это - метод физической пассивности, но мощной духовной активности. Это не пассивное непротивление злу, а активное ненасильственное сопротивление злу,

Вторым основным моментом для характеристики ненасилия является то, что с его помощью не стремятся победить или унижить противника, но пытаются завоевать его дружбу и понимание. Участник ненасильственного сопротивления вынужден зачастую выражать свой протест путем несотрудничества или бойкотов, но он понимает, что это не является целью самой по себе, а только лишь средством для пробуждения морального стыда у противника. Целью является освобождение и примирение. Последствия ненасилия заключаются в создании общности, тогда как последствием насилия является трагическая горечь.

Третьей характеристикой этого метода является то, что *атака* направлена против сил зла в большей степени, чем против тех людей, которым пришлось творить это зло. Именно зло стремится победить участник ненасильственного сопротивления, а не людей, ставших жертвами этого зла. Если он противостоит расовой несправедливости, то понимает, что основное напряжение связано не с отношением между расами. Как я любил говорить людям в Монтгомери: «Напряжение в городе существует не между белыми и неграми. В своем основании оно существует между справедливостью и несправедливостью, между силами света и силами тьмы. И если будет наша победа, то это будет победа не пятидесяти тысяч негров, но победа справедливости и светлых сил. Мы выступили для того, чтобы победить несправедливость, а не против тех белых людей, которые являются ее носителями».

Четвертым пунктом, характеризующим ненасильственное сопротивление, является желание принимать страдания без возмездия - принимать удары противника, не отвечая на них. «Реки крови, быть может, протекут, пока мы завоем себе свободу, но это должна быть наша кровь», - говорил Ганди своим соотечественникам. Участник ненасильственного сопротивления стремится принять насилие, если это неизбежно, но никогда не нанесет ответный удар. Он не ищет при этом возможности уклониться от тюрьмы. Если тюремное заключение неизбежно, он входит в тюрьму, «как жених входит в комнату невесты».

Каждый может задать справедливый вопрос: «Какое оправдание имеют сторонники ненасильственного сопротивления для тех суровых испытаний, которым они подвергают людей, призывая следовать старинной позиции «подставить другую щеку»? Ответ заключается в том, что незаслуженные страдания являются искуплением. Страдание - в понимании сторонников ненасилия - имеет огромное количество образовательных и преобразовательных возможностей. «Те вещи, которые имеют для людей фундаментальное значение, не могут быть достигнуты с помощью одного лишь разума, их необходимо выстрадать», - говорил Ганди. Он продолжал: «Страдание безгранично сильнее закона джунглей в деле обращения противника в свою веру, чтобы он услышал то, что недоступно для голоса разума».

Пятым пунктом, определяющим ненасильственное сопротивление, является то, что с его помощью можно избежать не только внешнего физического насилия, но и внутреннего насилия духа. Борец за ненасилие отказывается не только стрелять в противника, но и ненавидеть его. Центром ненасилия является принцип любви. Борец за ненасилие будет утверждать, что в борьбе за человеческое достоинство угнетенные люди всего мира не должны уступить искушению ожесточиться или дать себе волю участвовать в кампаниях ненависти. Это бы не привело ни к чему, кроме усиления существующего зла во вселенной. На протяжении всего существования жизни кто-нибудь должен иметь достаточно разума и моральности, чтобы разорвать цепочку зла и ненависти. Этого можно достичь, только возводя мораль любви в центр всей нашей жизни.

Говоря о любви в этом смысле, мы не отсылаем к сентиментальным нежным эмоциям. Было бы нелепо настаивать на том, что люди должны любить и относиться с нежностью к тем, кто их угнетает. В этой связи любовь означает понимание, искупающее добрую волю. Здесь на помощь приходит греческий язык. Для обозначения любви в греческом варианте Нового завета есть три слова. Первое - это эрос. В платонической философии эрос означал стремление души к сфере божественного. Теперь это стало означать разновидность эстетической, романтической любви. Вторых, существует филиа, которая обозначает интимные чувства между людьми. Филиа обозначает вид взаимной любви, когда человек любит, потому что любят его. Когда же мы говорим о любви к тем, кто нам противостоит, мы говорим не о филиа и не об эросе - мы говорим о любви, которая в греческом языке обозначается словом «агапе». Агапе обозначает понимание, распространенное доброй волей всех людей. Это переполняющая любовь, которая чисто спонтанная, немотивированная, необоснованная и созидательная. Она не начинается из-за наличия какого-либо качества или свойства объекта. Это божественная любовь, живущая в сердцах людей.

Агапе - это незаинтересованная любовь. Это любовь, в которой индивид стремится найти добро не для себя, а для своего ближнего (1 Кор., 10; 24). Агапе не начинается с разного отношения к достойным и недостойным людям и качеств, которыми они обладают. Она начинается с любви к другим ради них самих. Это полностью «касающаяся ближнего забота об остальных», которая находит ближнего в каждом встречном человеке. В данном случае агапе не делает различия между другом и врагом, этот вид любви касается обоих. Если кто-то любит кого-то только из чувства дружелюбия, он любит его в большей степени ради пользы, которую он получает в результате этой дружбы, чем ради своего друга. Следовательно, лучшим способом, чтобы убедить себя в незаинтересованности любви, является любовь к своему врагу-ближнему, от которого нельзя ожидать в ответ ничего хорошего, кроме враждебности и преследования.

Другим важным моментом, характеризующим агапе, является то, что она возникает из потребности в другом человеке - его потребности принадлежать к лучшему, что есть в человеческом обществе. Самаритянин, который помог еврею по дороге на Иерихон, был «добрым», потому что чувствовал себя ответственным за потребности всего человечества, которое он представлял. Любовь Бога является вечной и ослабевает не потому, что она нужна человеку. Свя-

той Павел уверил нас, что акт любви-спасения произошел, «когда мы были еще грешниками», - и это пик нашей великой потребности в любви. С тех пор как личность белого человека в большой степени разрушена сегрегацией, он нуждается в любви негра. Негры обязаны любить белых, потому что белые нуждаются в их любви, чтобы стереть пятно напряжения, нестабильности и страха.

Агапе не является слабой, пассивной любовью. Это любовь в действии. Это любовь, стремящаяся защитить и сотворить сообщество. Она настаивает на общности, даже когда кто-то стремится эту общность разрушить. Агапе - это желание идти до конца ради восстановления общности. Она не остановится на первой миле, а пройдет вторую, чтобы восстановить общность. Это желание просить не семь раз, а семьдесят семь, чтобы восстановить общность. Крест - это вечное выражение длины, до которой дойдет Бог, чтобы восстановить общность. Воскрешение является символом божественного превосходства над всеми силами, которые стремятся этой общности препятствовать. Святой дух является продолжающейся общностью, создающей реальность, проходящую через все существующее. Тот, кто действует вопреки общности, действует вопреки творению. Поэтому, если я отвечаю на ненависть эквивалентной ненавистью, я не делаю ничего, кроме усиления раскола в разрушенной общности. Я могу закрыть брешь в разрушенной общности, только встречая ненависть любовью. Если я встречу ненависть ненавистью, я перестану быть личностью, потому что так создано, что личность может быть полной только в контексте общности. Т. Вашингтон был прав: «Не позволяйте человеку завести вас так далеко, чтобы ненавидеть его». Когда он заведет вас так далеко, он приведет вас к той позиции, которая будет против общности, он втянет вас в разрушение создания, разрушив тем самым личность.

В конечном итоге агапе - познание того факта, что жизнь взаимосвязана. Все человечество включено в единый процесс, а все люди - братья. В той мере, в какой я причиняю вред своему брату, независимо от того, что он делает мне, - я причиняю вред себе. Например, белые люди часто отказывают в федеральной помощи образованию, чтобы избежать предоставления неграм их прав, но из-за того, что все люди братья, они не могут отказывать негритянским детям, не причиняя вреда своим собственным. Напротив, их усилия заканчиваются нанесением ущерба самим себе. Почему так происходит? Потому что все люди - братья. Если нанесешь вред мне, нанесешь и себе.

Любовь, агапе, является единственным цементом, способным укрепить разрушенную общность. Когда мне свыше приказано любить, мне приказано соединять разрушенную общность, противостоять несправедливости и удовлетворять потребности моих братьев.

Шестой основной характеристикой ненасильственного сопротивления служит понимание того, что на стороне справедливости находится весь мир. Поэтому тот, кто верит в ненасилие, - глубоко верит в будущее. Вера является причиной, по которой участник ненасильственного сопротивления принимает страдания без возмездия. Он знает, что в его борьбе за справедливость космос на его стороне. Есть преданные, верящие в ненасилие люди, которые не могут верить в существование персонального Бога. Но даже эти люди верят в наличие некой творящей силы, которая действует ради полноты вселенной. И как бы мы ни называли это - неосознаваемым безличностным процессом или Персональным существом, мы признаем существование творящей силы и некой любви, которая действует, чтобы привести несвязанные аспекты реальности в гармонию.

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

№1. Какие представления о смысле жизни Вам близки, а какие вызывают сомнения? Обоснуйте Вашу позицию?

Николай Александрович Бердяев «Самопознание». Я вижу два первых двигателя в своей внутренней жизни: искание смысла и искание вечности. Искание смысла было первичнее искания Бога, искание вечности первичнее искания спасения. Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясен мыслью: пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла. Это был настоящий внутренний переворот, изменивший всю мою жизнь. Я пережил его с энтузиазмом.... Это и было мое настоящее обращение, самое сильное в моей жизни, обращение к исканию Истины, которое тем самым было верой в существование Истины. Искание истины и смысла я противопоставил обыденности, бессмысленной действительности. Но мой переворот не был обращением в какую-либо конфессию, в православие или даже просто в христианство. Это был поворот к духу и обращение к духовности. Я навеки сохранил убеждение, что нет религии выше истины, формула, которой злоупотребляли теософы. Это навсегда положило печать на мою духовную и умственную жизнь.

Альберт Швейцер «Упадок и возрождение культуры». Ценно уже само по себе размышление о смысле жизни. Если оно вновь станет доступным нам, окончательно поблекнут все внешние тщеславием и страстями идеалы, которые, подобно зловредным сорнякам, буйно разрастаются в убеждениях масс. Насколько выиграли бы нынешние условия жизни людей, если бы все мы ежедневно хотя бы по несколько минут своего вечернего времени посвящали размышлениям об окружающей нас вселенной, мысленно обращаясь к бесконечным звездным мирам, а на похоронах предавались бы раздумьям о загадке жизни и смерти, вместо того чтобы бездумно шествовать за гробом, обмениваясь малозначительными репликами с другими участниками процессии. Внешние безумием и страстями идеалы тех, кто формирует общественное мнение и оказывает решающее влияние на события общественной жизни, утратили бы власть над людьми. Люди хоть в какой-то мере стали бы задумываться над бесконечным и конечным, бытием и небытием и отыскивали бы в результате такого самоуглубления критерии суждения об истинном и ложном, действительно ценном и призрачном. Раввины древних времен учили, что царство божье наступит, если только весь Израиль начнет по-настоящему соблюдать субботу. Насколько вернее было бы сказать, что море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество, лишится своей разрушительной силы, если только нам удастся противопоставить ему хоть какое-то подобие раздумий о смысле мира и жизни! Но не опасно ли побуждать людей к раздумьям

ям о смысле жизни и требовать, чтобы наша жажда действий оправдывалась и облагораживалась такими размышлениями? Не утратим ли мы в результате этого нечто невосполнимое - жизненную активность, порождаемую непосредственностью действий? Вопрос о том, насколько сильной или слабой будет наша жажда действий, пройдя через горнило раздумий о смысле жизни, - отнюдь не решающий вопрос, который надо ставить во главу угла. Ведь разумно и рационально в ней только то, что подчинено смыслу, который мы в состоянии придать нашей жизни. Решающей является не количественная, а качественная сторона деяния. Важно, чтобы наша воля к деятельности пришла к осознанию самой себя и перестала быть слепой.

Томас Карлейль «Этика жизни. Трудиться и не унывать!» *Надо жить, а не прозябать.* Да, подумай о том, что надо жить! Жизнь твоя, хотя бы ты был самый жалкий из смертных, - не праздная греза, а действительность, полная высокого смысла! Твоя жизнь - твое достояние; это все, с чем ты можешь пойти навстречу вечности. Действуй поэтому подобно звездам, «не торопясь, но и не зная отдыха».

Сколько возвышенного, торжественного, почти страшного заключается для каждого человека в мысли, что его земное влияние, - влияние, имевшее начало, - никогда, во веки веков не прекратится, хотя бы человек этот был ничтожнейший из нас. Что сделано, того не воротишь, то слилось уже с безграничным, вечно живущим, вечно деятельным миром, то вместе с ним приносит людям пользу или вред, явно либо тайно, на вечные времена.

Жизнь всякого человека можно сравнить с рекой, начало коей ощутимо для всех; дальнейший же бег ее и ее значение, когда она змеей извивается по широким плоскостям, может различить один только Всевидящий. Сольется ли она с соседними реками, увеличивая их объем, или примет их в себя? Останется ли она безымянной речкой; будет ли она питать своими мелкими водами вместе с миллионами других речек и рек какую-нибудь великую реку? Или из нее образуется новый Дунай или Рейн и потоки вод ее явятся вечной пограничной линией на земном шаре, оплотом и водным путем для целых государств и материков? Мы этого не знаем; нам известно лишь одно, что путь ее лежит в Великий Океан и что воды ее, хотя бы их было не более горсточки, *существуют* и не могут быть уничтожены, не могут быть и надолго задержаны.

Тебе дано *время испытания*. Никогда не долучишь ты другой возможности. Вечность пронесется, но тебе не будет дано другого такого времени. Ясные звезды и вечные солнца сияют и поныне для тех, кто способен это узреть. И в наши дни, как и в дни минувшие, раздаются голоса богов вокруг и внутри всякого человека, голоса - всем повелевающие, если даже никто их не слышит, - голоса, внятно произносящие слова: «Встань, сын Адама, сын времени, позаботься о том, чтобы то-то и то-то стало чище, лучше, и ты сам раньше всего! Трудись и не дремли, потому что настанет ночь, когда никто не сумеет работать». У кого уши есть, чтобы слышать, тот может услышать эти слова и ныне.

Есть что-то облагораживающее и даже священное в труде. Как бы ни был человек погружен в мрак ночи, как бы мало ни думал он о своем высоком призвании, на него все еще следует возлагать надежды, пока он действительно серьезно трудится; лишь в праздности - вечное отчаяние. Труд, как бы он ни был низок или корыстен, всегда тесно связан с природой. Уже одно желание трудиться ведет все ближе и ближе к истине, к тем законам и предписаниям природы, которые суть истина. Новейшее Евангелие нашего времени: Познай свое дело и исполни его. «Познай самого себя!» - твое бедное я долгие годы промучило тебя, но ты, по-моему, никогда не сумеешь «познать» его. Не считай же своей задачей познание самого себя, потому что ты представляешь собою существо, которого тебе никогда не познать. Познай же, над чем ты можешь трудиться, и работай, как Геркулес! Ничего лучшего не может быть для тебя...

Говорят: «Значение труда не поддается учету». Человек совершенствуется при помощи труда! Пространства, заросшие сорной травой, расчищаются, на их месте появляются чудные нивы, воздвигаются дивные города, и сам человек перестает быть пашней, заросшей плевелами, или бесплодной, чахлой пустыней. Вспомните, что даже самый низменный труд в известной степени приводит душу в состояние истинной гармонии. Сомнения, страсти, заботы, раскаяние, разочарование, даже уныние - все эти исчадия ада мучительно осаждают душу бедного поденщика точно так же, как и всякого другого человека. Но стоит лишь человеку свободно и бодро приняться за труд, как все они умолкают и, ворча, прячутся по своим конурам. Человек становится воистину *человеком*. Священный жар труда похож на очистительный огонь, истребляющий любой яд, сквозь самый густой дым дающий светлое, чистое пламя! У судьбы нет, в сущности, других средств, чтобы сделать людей культурными...

Благословен тот, кто нашел себе дело...

Бодрость, которую мы желаем себе, заключается не в том, чтоб прилично умереть, а чтобы мужественно жизнь прожить.

Василий Васильевич Розанов «Мечта в щелку»; «Опавшие листья»; «Мимолетное».

- Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

- Ну? Ну?. Хх...

- Это - что частная жизнь выше всего.

- Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

- Да, да! Никто этого не говорил; я - первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

- Ха, ха, ха...

- Ей-ей: это - *общее* религии... Все религии пройдут, а это останется: просто - сидеть на стуле и смотреть вдаль...

- «Что делать?» - спросил нетерпеливый петербургский юноша. - «Как что делать: если это *лето* - чистить ягоды и варить варенье; если *зима* - пить с этим вареньем чай»...

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости...

Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай ее против ума, отстаивай ее против власти.

Будь крепок любви – и Бог тебя благословит.

Ибо любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь...

Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь...

Семья есть самая аристократическая форма жизни...

Любящему мужу в жене сладок каждый кусочек. Любящей жене в муже сладок каждый кусочек...

Благодаря каждый миг бытия и каждый миг бытия увековечивай.

Смысл – не в Вечном; смысл – в Мгновениях.

Мгновения-то и вечны, а Вечное – только «обстановка» для них. Квартира для жильца. Мгновение – жилец, мгновение – «я», Солнце...

Люди, которые никуда не торопятся, – это и есть Божьи люди. Люди, которые не задаются никакою целью, – тоже Божьи люди.

Владимир Сергеевич Соловьев «Оправдание добра». Смысл жизни заключается в ее добре...

Всемирный смысл жизни, или внутренняя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами, она дана от века...

Всякое ... существо, стремясь к своей жизненной цели, необходимо убеждается, что ее достижение, или окончательное удовлетворение воли, не находится во власти человеческой, т.е. всякое разумное существо приходит к признанию своей зависимости от чего-то невидимого и неведомого. Отрицать такую зависимость невозможно. Спрашивается только: то, от чего я завишу, имеет смысл или нет? Если не имеет, то, значит, и мое существование, как зависящее от бессмыслицы, тоже бессмысленно, и в таком случае вовсе не приходится говорить о каких бы то ни было разумно-нравственных принципах и целях, ибо они могут иметь значение только при уверенности в смысле моего существования, только под условием разумности мировой связи, или преобладания смысла над бессмыслицей во вселенной. Если нет целесообразности в общем ходе мировых явлений, то не может быть целесообразной и та часть этого процесса, которую составляют человеческие поступки, определяемые нравственными правилами; а в таком случае не могут устоять и эти правила, как ни к чему не ведущие, ничем не оправдываемые...

Сознательно и разумно делать добро я могу только тогда, когда верю в добро, в его объективное, самостоятельное значение в мире, т.е., другими словами, верю в нравственный порядок, в Провидение, в Бога. Эта вера логически первее всех положительных религиозных воззрений и установлений, равно как и метафизических учений, и она в этом смысле составляет то, что называется естественною религией...

Психологически, т.е. как субъективное состояние, основное религиозное отношение проявляется в чувстве благоговения, или, точнее, благоговейной любви. Это чувство необходимо содержит в себе: 1) самоосуждение того, кто его испытывает, или неодобрение им его наличной действительности; 2) положительное ощущение высшего идеала как другой действительности или как истинно сущего, – благоветь перед заведомым вымыслом или собственной фантазией психологически невозможно; 3) стремление к действительной перемене себя и своей действительности в смысле приближения к высшему совершенству, – без этого стремления религиозное чувство превращается в отвлеченную мысль. Напротив того, действительное стремление к божеству есть уже начало соединения с Ним...

Религиозное чувство, выраженное в форме повелительного наклонения (категорический императив), говорит нам не только желай совершенства, а будь совершен. А это значит: не только имей добрую волю, будь честен, добронравен и добродетелен, а еще – будь безболезненным, будь бессмертным, нетленным, да и не это только, а еще – сделай так, чтобы все твои ближние, ставши нравственно-совершенными, вместе с тем были безболезненны, бессмертны и нетленны в телах своих...

Человек дорог Богу не как страдательное орудие Его воли – таких орудий довольно и в мире физическом, – а как добровольный союзник и соучастник Его всемирного дела. Это соучастие человеческое непременно входит в самую цель Божьего действия в мире, ибо если бы эта цель мыслима была без деятельности человека, то она была бы уже от века достигнута, так как в самом Боге не может быть никакого процесса совершенствования, а одна вечная и неизменная полнота всех благ...

Во всем, что существует, мы должны признавать возможность (потенцию) добра и способствовать к тому, чтобы эта возможность стала действительностью. Прямая возможность совершенного добра дана в существах разумно-свободных, каковы мы сами. Признавая за собою безусловное значение в силу присущего нам сознания абсолютного идеала (образ Божий) и стремления вполне осуществить его (подобие Божие), мы по справедливости должны признать то же самое и за всеми другими и свою обязанность совершенствования понимать не только как задачу личной жизни, но и как нераздельную часть всемирно-исторического делания.

Итак, мы можем дать безусловному началу нравственности следующее полное выражение:

В совершенном внутреннем согласии с высшею волею, признавая за всеми другими безусловное значение, или ценность, поскольку и в них есть образ и подобие Божие, принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире.

Семен Людвигович Франк «Свет во тьме». Задача совершенствования есть в известном смысле основная задача и, можно сказать, само существо христианской жизни; ибо сказано: "Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный", и в этом завете суммированы все заповеди Христова откровения. Стремление к совершенствованию, неустанная внутренняя работа совершенствования есть необходимый определяющий признак духовной жизни как таковой...

Заповедь совершенствования совпадает с заповедью развития в себе благодатных сил любви. А сила любви, по самому своему существу будучи неким излучением вовне, конкретно выражается в нравственной активности, в любовной деятельности на благо ближнего, в излиянии добра в мир. Нравственная активность в мире, этот общий импе-

ратив заповеди любви, совпадает, таким образом, с задачей совершенствования мира в самом широком и общем смысле этого понятия.

Но, чтобы ориентироваться в проблеме совершенствования мира, как задачи христианской активности, мы должны отчетливо различать разные смыслы понятия совершенствования мира. Первое и самое существенное различие, которое мы должны во избежание недоразумений отчетливо воспринять, есть различие между задачей совершенствования мира и жизни, как неустанного восполнения его недостатков, борьбы с грехом, удовлетворения человеческих нужд, утоления страданий - совершенно независимо от мысли об абсолютном улучшении состояния мира и повышении уровня его бытия - и самой этой задачей абсолютного совершенствования мира в смысле увеличения абсолютного количества добра в нем, как умышленно поставленной цели нашей активности. И здесь надо сказать: основная, общая и неустанная задача христианской нравственной активности в мире есть, бесспорно, задача совершенствования мира в первом из этих двух смыслов. Христианская нравственная установка ставит себе только одну умышленную цель: творить добро, вливать в мир силу добра и столь же неустанно бороться с грехом, злом, неустройством мира, с действующими в нем силами разрушения. Христианское сознание конкретно весьма мало озабочено тем, будет ли завтрашний день фактически лучше сегодняшнего, или следующий век - лучше предыдущего; эту заботу оно предоставляет промыслу Божию...

Значительная, наибольшая часть человеческой активности направлена на простое поддержание жизни на раз достигнутом уровне... Нужна огромная и напряженная энергия, чтобы поддерживать жизнь в стационарном состоянии, т.е. на прежнем уровне. То же применимо, конечно, и ко всем областям человеческой культуры: нужны настойчивые усилия, чтобы в смене поколений не растерять накопленный запас знаний, нравственных навыков, чтобы не понизить достигнутого общего уровня жизни. Но политический опыт нашего времени учит, сверх того, что нужна напряженная энергия, чтобы оградить раз достигнутый запас и уровень культуры от могущественных сил, направленных на прямое их разрушение. Всякое дальнейшее обогащение, всякий «прогресс» есть лишь добавочное приобретение, которое может и - согласно нашей мечте, нашим желаниям - должно наслаиваться на это сохранение уже имеющегося, но которое отнюдь не обеспечено и не может быть единственной целью нашей активности. Как бы часто консерватизм ни вырождался в эгоистические стремления господствующих классов оградить свои привилегии, свое исключительное пользование высшим уровнем жизни, от стремления более широких слоев в нем соучаствовать, - по своей идее «консерватизм» - задача поддержания и охраны накопленного в прошлом материального и духовного достояния, спасения его от постоянно угрожающей ему гибели - есть одна из неустрашимых задач человеческого духа - по меньшей мере столь же насущно необходимая, как и стремление к «прогрессу», к дальнейшему совершенствованию жизни. Обе эти задачи часто и даже по большей части сталкиваются и соперничают между собой, находятся в отношении и взаимного конфликта; но это происходит только тогда, когда они поставлены в неправильной форме, когда искажен основной их замысел. Ибо, по существу, всякий прогресс не только, как указано, наслаивается на сохранение уже достигнутого, - нельзя возводить новый этаж дома через разрушение его фундамента, - но и сам творится силами, накопленными в прошлом. Как, по мудрой мысли Дизраэли, свобода обеспечивается только традицией, так и вообще всякое успешное и прочное творчество нового всецело определено устойчивостью здоровых сил общественного организма, твердо укорененного в родной, привычной, старой почве. Более того, обе задачи не только согласимы и связаны между собой, но и имеют в своей основе и тождественную природу.

№2. В чем противоположность отношения к проблеме смысла жизни фашиста и антифашиста? Есть ли связь между определенным решением вопроса о смысле жизни и историческими событиями второй мировой войны?

Альбер Камю «Письма к немецкому другу. Письмо четвертое». (Обращение французского участника движения Сопротивления к фашистским солдатам)

*Человек смертен? Возможно, но давайте
умирать сопротивляясь, и, если уж нам
суждено небытие, то не станем соглашаться,
что это справедливо.
Оберманн. письмо 90*

Вот и наступил день вашего поражения. Я пишу вам из всемирно известного города, который, вам на погибель, готовит завтрашнюю свободу. Он знает, что это не так-то легко и что до победы ему придется побороть ночь еще более мрачную, чем та, которая началась четыре года назад с вашим приходом. Я пишу вам из города, лишённого самого необходимого - света, топлива, продуктов, но непобежденного. Скоро, очень скоро овеет его дыхание свежего ветра, вам еще неведомого. И если нам повезет, мы встанем с вами лицом к лицу. И тогда сможем сразиться с полным знанием дела - я, досконально знающий ваши доводы, и вы, так же хорошо понимающий мои.

Эти июльские ночи одновременно и легки и невыносимо тяжелы. Легки на берегах Сены, под деревьями, тяжелы - в сердцах тех, кто терпеливо ждет того единственно нужного им отныне рассвета. Я тоже жду, и я думаю о вас: мне хочется сказать вам еще одну вещь, теперь уже последнюю. Я хочу рассказать вам, как стало возможным то, что мы, некогда такие похожие, ныне стали врагами, как я мог бы оказаться на вашей стороне и отчего теперь все кончено между нами.

Мы оба долгое время полагали, что в этом мире нет высшего разума и что все мы обмануты. В какой-то мере это убеждение живет во мне и сейчас. Но я сделал из этого и другие выводы, отличающиеся от тех, которыми вы оперировали тогда и которыми вот уже столько лет пытаетесь насильно обогатить Историю. Сегодня я говорю себе, что, прими я эти *ваши* мысли, я вынужден был бы оправдать все, что вы сейчас творите. А это настолько серьезно, что лучше уж мне остаться навсегда здесь, в самом сердце летней ночи, столь богатой надеждами для нас и угрозами для вас.

Вы никогда не верили в осмысленность этого мира, а вывели отсюда идею о том, что все в нем равноценно, что добро и зло определяются желанием человека. Вы решили, что за неимением какой бы то ни было человеческой или божественной морали единственные ценности - это те, которые управляют животным миром, а именно: жестокость и хитрость. Отсюда вы вывели, что человек - ничто и можно убить его душу; что в самой бессмысленной из историй задача индивидуума состоит лишь в демонстрации силы, а его мораль - в реализме завоеваний. По правде сказать, я, думавший, казалось бы, точно так же, не находил контраргументов, ощущая в себе разве лишь жадное желание справедливости, которое, признаться, выглядело в моих глазах столь же необоснованным, как и самая бурная из страстей. В чем же заключалось различие? А вот в чем: вы легко отказались от надежды найти смысл жизни, а я никогда в этом не отчаивался. Вы легко смирились с несправедливостью нашего, людского, положения, а потом решились еще и усугубить его, тогда как мне, напротив, казалось, что человек именно для того и обязан утверждать справедливость, создавать счастье, чтобы противостоять миру несчастий. Именно оттого, что вы обратили свое отчаяние в род опьянения, что вы освободились от него, возведя в принцип, вам так легко разрушать творения человеческих рук и духа и бороться с человеком, стараясь довести до предела извечное его страдание. Я же, отказавшись смириться с этим отчаянием, с этим истерзанным миром, хотел только, чтобы люди вновь обрели солидарность, а затем вместе, сообща начали борьбу со своим жалким уделом.

Как видите, из одного и того же принципа мы извлекли разную мораль. Ибо в пути вы отказались от ясности видения, найдя более удобным (или, по вашему выражению, вполне безразличным), чтобы кто-то другой думал за вас и за миллионы прочих немцев. Оттого что вы устали бороться с небом, вы нашли себе отдохновение в этой изнурительной авантюре, где ваша задача — изуродовать души и разрушить землю. Короче говоря, вы избрали несправедливость, вы уподобили себя богам. А ваши логические выкладки были всего лишь маскировкой.

Я же, напротив, избрал для себя справедливость, чтобы сохранить верность земле. Я продолжаю думать, что мир этот не имеет высшего смысла. Но я знаю также, что есть в нем нечто, имеющее смысл, и это - человек, ибо человек - единственное существо, претендующее на постижение смысла жизни. Этот мир украшен, по крайней мере, одной настоящей истиной - истиной человека, и наша задача - вооружить его убедительными доводами, чтобы он с их помощью мог бороться с самой судьбой. А человек не имеет иных доводов, кроме того единственного, что он - человек, вот почему нужно спасать человека, если хочешь спасти то представление, которое люди составили себе о жизни. Ваша пренебрежительная улыбка скажет мне: «Что это означает - спасти человека?» Но ведь я всем своим существом давно уже кричу вам: это значит не калечить его, это значит дать ему шансы на справедливость, которую он один в целом мире исповедует.

Вот почему мы стоим по разные стороны баррикады. Вот почему мы должны были сперва последовать за вами по тому пути, который нам чужд и который в результате завершился для нас поражением. Ибо вы были сильны своим отчаянием. С того момента, как оно становится одиноким, чистым, уверенным в себе, неумолимым в своих последствиях, отчаяние обретает безжалостную, несокрушимую силу. И эта сила раздавила нас, пока мы колебались, все еще в нерешительности оглядываясь назад, в счастливые прошлые времена. Нам казалось, что счастье - величайшая из побед, что оно - то оружие, которым сражаются с неумолимой судьбой. И даже в крахе разгрома сожаление о нем не оставляло нас.

Но вы свершили предначертанное: мы вошли в Историю. И в течение пяти лет никому больше не было дозволено наслаждаться птичьими трелями в вечерней прохладе. Пришлось поневоле погрузиться в отчаяние. Мы были отрезаны от мира, ибо каждый миг добавлял к этому миру очередной легион смертельных образов. Вот уже пять лет, как на нашей земле не проходит утра без агонии, вечера без ареста, дня без пыток. Да, нам пришлось последовать за вами. Но наш нелегкий подвиг сводился к тому, чтобы, следуя за вами в войне, не забывать при этом о счастье. И сквозь вопли жертв и торжествующий рев жестокости мы пытались уберечь в своих сердцах воспоминание о ласковом море, о незабываемом холме, об улыбке любимой. И вот это было нашим надежнейшим оружием, тем, которое мы никогда не выпустим из рук. Ибо в тот день, когда мы выроним его, мы станем такими же мертвецами, как вы. Просто мы знаем теперь, что оружие счастья требует слишком много времени дляковки и слишком много крови для закалки.

Нам пришлось вникнуть в вашу философию, согласиться слегка походить на вас. Вы избрали для себя бесцельный, слепой героизм — единственную ценность, имеющую хождение в мире, потерявшем смысл. И вот, избрав его для себя, вы принялись навязывать его всему миру, и нам в первую очередь. И мы вынуждены были подражать вам, чтобы не погибнуть. Но тут мы заметили, что наше превосходство над вами заключается как раз в наличии цели. Теперь, когда близится конец, мы можем, сказать вам, чему научились: героизм не стоит ровно ничего - счастье завоевать гораздо труднее.

Вот теперь вам все должно быть ясно, и вы знаете, что мы враги. Вы люди, держащиеся несправедливости, а для меня нет на свете ничего, что я так сильно ненавидел бы. Раньше то было бурное, но неосознанное чувство, ныне я знаю причины. Я побеждаю вас потому, что ваша логика так же преступна, как сердце. И тот ужас, в который вы повергали нас целых четыре года, замешен поровну на разуме и на инстинкте. Вот почему приговор мой окончателен, и вы уже мертвы в моих глазах. Но даже в тот миг, когда я начну судить вас за тяжкие преступления, я вспомню, что и вы, и мы изошли из одного и того же одиночества, что и вы, и мы, вместе со всей Европой, участвовали в одной и той же трагедии разума. И, несмотря на вас самих, я сохраняю за вами звание людей. Чтобы сохранить верность нашей

вере, мы принуждены уважать в вас то, чего вы не уважали в других. Долго, очень долго это было вашим решающим преимуществом, поскольку вы убивали куда легче, чем мы. И до скончания веков это будет преимуществом всех вам подобных. Но до скончания веков мы, которые на вас не походим, будем свидетельствовать в пользу человека, чтобы он, невзирая на тягчайшие свои грехи, получил оправдание и доказательства своей невиновности. Вот почему на исходе этой битвы из самого сердца города, принявшего адский облик смерти, через все муки, принесенные вами, несмотря на наших изуродованных мертвецов и осиротевшие деревни, я могу вам сказать, что в тот самый миг, как мы без всякой жалости уничтожим вас, мы все-таки не будем питать к вам ненависти. И даже если завтра нам, подобно многим другим, придется умирать, мы все-таки умрем без ненависти в душе. Мы не можем ручаться, что не испытаем страха, мы только попытаемся сохранить благоразумие. Но в одном можем поручиться наверняка: ненависти не будет. Есть одно лишь в мире, что я способен сегодня презирать и ненавидеть, но, говорю вам, с этим у нас все улажено, и мы хотим уничтожить вас, раздавив вашу мощь, но не топчя вашу душу.

Итак, вы продолжаете сохранять то, прежнее преимущество над нами. Но в нем же заключается сегодня и наше превосходство. Вот что делает эту ночь такой легкой для меня. Вот в чем наша сила: размышлять, как и вы, о бездонной, бесконечной мудрости мира, не отказываясь ни от чего в пережитой нами трагедии и в то же время сознавать, что на самом краю мировой катастрофы, угрожавшей разуму, спасена идея человека, и черпать из этого сознания неустанный мужество и волю к возрождению. Разумеется, обвинение, которое мы несем миру, от этого не становится менее тяжким. Мы слишком дорого заплатили за это новое знание, чтобы наше положение перестало казаться нам отчаянным. Сотни тысяч людей, казненных на рассвете, мрачные стены тюрем, земля Европы, смердящая от миллионов трупов тех, что были ее детьми; и все это - плата за разъяснение двух-трех нюансов, от которых, может быть, только и будет пользы, что они позволят некоторым из нас достойнее умереть. Да, это может привести в отчаяние. Но нам предстоит доказать, что мы не заслужили столь тяжелой, несправедливой доли. Мы поставили себе такую задачу и завтра же начнем решать ее. В этой европейской ночи, пронизанной дыханием лета, миллионы вооруженных или безоружных людей готовятся к бою. И скоро встанет рассвет - тот, на котором вы будете наконец побеждены. Я знаю, что небо, столь безразличное к вашим чудовищным победам, останется еще более безразличным к вашему справедливому поражению. Сегодня я еще ничего не жду от него. Но мы хотя бы помогли спасти человека от бездны одиночества, в которую вы хотели ввергнуть его. А вам в наказание за то, что вы изменили вере в человека, предстоит тысячами умирать в этом одиночестве. И теперь я могу сказать вам: прощайте!

Июль 1944 г.

№3. Что характерно для природы мужчины и женщины, согласно Ф. Ницше? Есть ли в его представлениях противоречия?

Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра. О старых и молодых бабенках».

«Отчего крадешься ты так робко в сумерках, о Заратустра? И что прячешь ты бережно под своим плащом?

Не сокровище ли, подаренное тебе? Или новорожденное дитя твое? Или теперь ты сам идешь по пути воров, ты, друг злых?»

- Поистине, брат мой! - отвечал Заратустра. - Это - сокровище, подаренное мне: это маленькая истина, что несу я. Но она беспокойна, как малое дитя; и если бы я не зажимал ей рта, она кричала бы во все горло.

Когда сегодня я шел одной своею дорогой, в час, когда солнце садится, мне повстречалась старушка и так говорила к душе моей:

«О многом уже говорил Заратустра даже нам, женщинам, но никогда не говорил он нам о женщине».

И я возразил ей: «О женщине надо говорить только мужчинам».

«И мне также ты можешь говорить о женщине, - сказала она, - я достаточно стара, чтобы тотчас все позабыть».

И я внял просьбе старушки и так говорил ей:

Все в женщине - загадка, и все в женщине имеет одну разгадку: она называется беременностью.

Мужчина для женщины средство; целью бывает всегда ребенок. Но что же женщина для мужчины?

Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки.

Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина - для отдохновения воина; все остальное - глупость.

Слишком сладких плодов не любит воин. Поэтому любит он женщину; в самой сладкой женщине есть еще горькое.

Лучше мужчины понимает женщина детей, но мужчина больше ребенок, чем женщина.

В настоящем мужчине сокрыто дитя, которое хочет играть. Ну-ка, женщины, найдите дитя в мужчине!

Пусть женщина будет игрушкой, чистой и лучистой, как алмаз, сияющей добродетелями еще не существующего мира.

Пусть луч звезды сияет в вашей любви! Пусть вашей надеждой будет: «о, если бы мне родить сверхчеловека!»

Пусть в вашей любви будет храбрость! Своею любовью должны вы наступать на того, кто внушает вам страх.

Пусть в вашей любви будет ваша честь! Вообще женщина мало понимает в чести. Но пусть будет ваша честь в том, чтобы всегда больше любить, чем быть любимой, и никогда не быть второй.

Пусть мужчина боится женщины, когда она любит: ибо она приносит любую жертву и всякая другая вещь не имеет для нее цены.

Пусть мужчина боится женщины, когда она ненавидит: ибо мужчина в глубине души только зол, а женщина еще дурна.

Кого ненавидит женщина больше всего? - Так говорило железо магниту: «я ненавижу тебя больше всего, потому что ты притягиваешь, но недостаточно силен, чтобы перетянуть к себе».

Счастье мужчины называется: я хочу. Счастье женщины называется: он хочет.

«Смотри, теперь только стал мир совершенен!» - так думает каждая женщина, когда она повинуется от всей любви.

И повиноваться должна женщина, и найти глубину к своей поверхности. Поверхность - душа женщины, подвижная, бурливая пленка на мелкой воде.

Но душа мужчины глубока, ее бурный поток шумит в подземных пещерах; женщина чувствует его силу, но не понимает ее. -

Тогда возразила мне старушка: «Много любезного сказал Заратустра, и особенно для тех, кто достаточно молод для этого. Странно, Заратустра знает мало женщин, и, однако, он прав относительно их. Не потому ли это происходит, что у женщины нет ничего невозможного?

А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее!

Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина».

«Дай мне, женщина, твою маленькую истину!» - сказал я. И так говорила старушка:

«Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» -

Так говорил Заратустра.

№4. Что характерно для истинной любви мужчины и женщины? Какая философская теория лучше всего может объяснить возможность истинной любви? Обоснуйте свой ответ.

Анри Барбюс «Ясность». Мари вдруг признается: - У меня была лишь молодость и красота, как и у всех женщин. Молодость моя, красота моя, вот они: Марта. А я?..

Она повторяет горестно: - Я не стара еще, мне тридцать пять лет, но я состарилась слишком рано; у меня седые волосы, вблизи это видно; появляются морщины, и глаза теряют блеск. Я еще живу, существую, занимаю место. Но я лишь то, что я есть! Я еще жива, но будущее кончается раньше жизни. А-а! Настоящее принадлежит только молодости. Молодые лица все схожи и безошибочно узнают друг друга. Они стирают и уничтожают все остальное, заставляют других видеть себя такими, каковы они есть, и признать свою ненужность. Она права, она права! Когда юная девушка расцветает, она заступает место другой в мыслях, в сердце человека и превращает другую в призрак. Это правда. Я это знал... Но я не знал, что это до такой степени правда. Слишком это естественно, слишком ясно. Я не могу этого отрицать, есть вещи, о которых никогда не думаешь: так они печальны. Снова крик утверждения рвется с губ и мешает сказать: нет...

Мари упорно возвращается к своей мысли и говорит: - Женщина существует только любовью и для любви. Если она уже не может внушить любовь, она - ничто.

Она повторяет: - Видишь, я уже ничто.

Она на дне своей бездны; она у предела своего женского горя. Она думает не только о себе. Мысль ее выше и глубже. Когда она говорит: «Я уже ничто», - она думает о каждой женщине, о каждой любви, о каждой возможности. А я, я только присутствую возле нее в эту минуту, и ей не от кого ждать помощи. Я хотел бы успокоить, утешить эту женщину; она - сама женственность и простота, и она горюет здесь, тревожа меня своим присутствием; но именно потому, что она такова, я не могу ей солгать и не могу ей ничем помочь в ее горести, в ее глубокой, прозорливой горести.

- А-а, - вскрикивает она, - если бы родиться снова! Но она все же цепляется за самообман. Я вижу по следам слез - потому, что я на нее смотрю, - она сегодня напудрилась, подкрасила губы и даже, быть может, щеки, как делала это когда-то ради забавы, прихорашиваясь назло мне. Женщина подкрашивается, пытается наперекор времени сохраниться, закрепить себя за собой, - как похоже это на то, что делали глубокий Рембрандт и щедрый, великолепный Тициан: сохранить, спасти! Но на этот раз несколько слезинок смыли ненадежные и недолговечные ухищрения.

И она пытается обмануть себя словами, открыть в них нечто, что преобразило бы ее. Она не может пожертвовать собой: нельзя сдаться, отречься от себя - это ложь! Она, как и прошлым утром, утверждает: «Обольщения необходимы. Нет, нельзя видеть вещи, как они есть». Но ясно, что таких слов не существует. И вот, глядя на меня в смутении, она прошептала:

- У тебя нет больше обольщений, совсем нет. Мне жаль тебя. В эту минуту просветления она думает только обо мне, меня жалеет! В своей безутешности она черпает дары для меня. Она замолкает. Она ищет высшей жалости; она ищет того, что мучительнее всего и проще всего. Она шепчет:

- Истина!

Истина, что любовь - неповторимая пора в жизни людей. Это то, что мы носим в себе, - нечто более смертное, чем мы сами, и все же самое главное в нас. Мы изживаем себя задолго до своей смерти. Есть вещи... как будто их знаешь, и все же они для нас - тайна. Знаем ли мы то, во что верим! Верим в чудеса. Напрягаем все усилия, чтобы побороть себя, чтобы одурманиться. Жаждем показать все, чего достойны. Воображаем, что являемся каким-то исключением и что должно случиться нечто сверхъестественное. Страдаем, насколько хватает сил. Но спокойствие истины нас отрезвляет. Невозможное снова становится невозможным. И мы безмолствуем, как само молчание. До вечера просидели мы на скамье в одиночестве. В тишине и тумане руки и лица наши светились, как зарницы...

И я разоблачаю перед ней мою жизнь, протекавшую все же рядом с ее жизнью; всю мою жизнь, со всеми грехами и грубостью. Я открываюсь перед ней в своих желаниях, потребностях, падениях. Никогда не обрушивалась на женщину исповедь более откровенная. Да, в совместных судьбах мужчин и женщин, чтобы не лгать, надо быть чуть ли не безумцем. Я ворошу прошлое, перечисляю похождения, сменявшие одно другое, и даже неудавшиеся. Я был обыкновенным человеком, не хуже, не лучше других, - вот я, вот мужчина, вот любовник.

Я вижу, она привстает в этой маленькой, вдруг потускневшей комнате. Она боится истины! Она смотрит на меня, как смотрят на святотатца. Но истина овладела мной и не может больше меня освободить. Я вызываю в памяти то, что было: и та, и эта, и все те, кого я любил, не потрудившись никогда узнать того, что каждая приносила мне, принося свое тело. И свирепый эгоизм, который ничто не утешало, и дикость моей жизни рядом с ней. Я говорю все, даже не пытаюсь ослабить удары, умолчать о грубых подробностях, словно выполняя до конца жестокий долг.

Она то шепчет, как бы вздыхает: «Я это знала». То, чуть ли не рыдая, говорит: «Правда». Иногда у нее вырывается робкий протест, упрек. Но вскоре она уже слушала настороженно. Ее словно захватила великая искренность моего признания; и я вижу: в милой, светлой еще стороне комнаты замолкает понемногу женщина, у которой на волосах, на шее и руках блестят крупинцы неба.

...И самым постыдным было то, что в прошлые дни, когда я терял голову от новизны незнакомок, я клялся им в вечной верности, говорил о сверхчеловеческом влечении, божественном экстазе и сакраментальных судьбах существ, которые созданы друг для друга, извечно жаждут друг друга и должны соединиться вопреки всему, - все, что только можно сказать, увы, почти искренне, чтобы добиться своего! Во всем этом я ей исповедовался, каялся, словно освобождаясь наконец от лжи, от зла, причиненного ей, и другим женщинам, и самому себе. Инстинкт есть инстинкт; пусть он существует как сила природы, но ложь растлевет.

Я чувствую, как во мне подымается проклятие этому слепому обожевлению мира плоти, потому что плоть - сила; я был игрушкой в ее руках, как все, всегда и всюду... Нет, два чувственных любовника не два друга. Скорее, два врага, связанные близостью. Я это знаю, я это знаю! Есть, должно быть, совершенные пары - совершенное всегда где-то существует, - но мы, остальные, мы все - люди обыкновенные. Я знаю!

Истинная ценность человека, тонкая прелесть мечтаний и сложная тайна индивидуальности, - любовникам все это безразлично! Очная ставка двух эгоизмов, иступление. Оба полностью жертвуют собою вспышке страсти. Они готовы подчас вырвать радость силой, будь для этого достаточно преступления. Я это знаю, я это знаю от всех, с кем я бывал поочередно близок, и кому я осквернял тело, и кого я презирал, не желая взглянуть на них, - даже от тех, которые были не лучше меня.

И эта потребность новизны отмечает чувственную любовь непостоянством, побуждает искать одну и ту же дрожь в других телах - которые отбрасываешь, как только они теряют новизну - и превращает жизнь в сатанинскую цепь разочарований, злобы, презрения, обращая нас в жертву несбыточной надежды и напрасных раскаяний. Пытаешься забыться, ударившись о предел воли человеческой. О, эти рты, они произносят лишь слова, скрывающие мысли; эти лучистые глаза, они никогда ничего не освещают! Любовники, упорствующие в борьбе, мучают друг друга; имя их общей пытки сначала: отсутствие, затем: присутствие; покинутый не тот, кто возвращается один, как Олимпий; те, что остаются вместе, разлучены бесповоротнее. По какому праву любовь тел говорит: «Я - и сердце и душа, и мы нераздельны, и я влеку за собой все, и в победах и в поражениях. Я - любовь!» Неправда, неправда. Лишь насильем овладевает она мыслями, а поэты и любовники, и те и другие немудрые и ослепленные, наделяют ее величием и глубиной, которых в ней нет. Страсть сильна и прекрасна, но она - безумие и обман. Лица преобразаются, влажные губы шепчут: «Быть безумцем утонченно».

Нет: заблуждение всегда - пятно. В углу комнаты, у занавеса, стоя неподвижно, я говорю вполголоса, но мне кажется, что я кричу, защищаясь от чего-то. Когда я кончил говорить, мы были уже не прежние, потому что не было больше лжи. Минута молчания. Мари подымает голову. Лицо у нее растерянное, глаза пустые. Она спрашивает:

- Но если та любовь - обольщение, что же остается?

Я подхожу к ней, смотрю на нее, хочу ответить. Она сидит спиной к окну, за которым еще брезжит бледное небо, я смотрю на ее волосы, посеребренные лунным светом, и на ее лицо, затененное сумраком. Смотрю вблизи на частицу прекрасного, которым отмечено ее лицо, и думаю, что я бесконечно привязан к этой женщине, и неправда, что она нужна мне меньше потому, что желание не влечет меня к ней, как прежде. Привычка? Нет, не только она. Привычка, простирающая на все свою вкрадчивую силу, быть может, связывает и нас. Но есть и большее. Сближает нас не только теснота комнат. Что-то большее. Что-то большее. И я говорю:

- Существует ты.

- Я? Я - ничто, - говорит она.

- Нет, ты все, ты все для меня.

Она встает. Она пытается что-то сказать, она опускает руки мне на плечи, но, ослабев, падает мне на грудь, цепляется за меня, и я несу ее, как ребенка, на старое кресло в глубине комнаты. Вся моя сила вернулась ко мне. Я не раненый, не больной. Я несу ее на руках. Существо, равное тебе, - тяжелая ноша. Как ни силен ты, едва ее выдержишь. И то, что я говорю, глядя на нее и ощущая ее, я говорю потому, что я силен, а не потому, что я слаб:

- Ты все для меня, потому что ты - это ты, и я люблю тебя всю. И мы думаем вместе, как если бы я говорил, а она слушала: «Ты - живое существо, ты существо человеческое, ты - бесконечность, и все, что ты есть, связывает меня с тобой. Твои страдания, - вот только что, - твои жалобы над обломками юности и призраком любви связывают меня с тобой, я чувствую их и разделяю их. Тебе, как ты есть, могу я, такой, как я есть, сказать наконец: «Я люблю тебя». Я люблю тебя, тебя, которую по-настоящему вижу, и ты по-настоящему моя вторая жизнь. Нам не нужно закрывать глаза, чтобы быть вместе. Все твои мысли, все твои желания, твои замыслы, твои предпочтения находят отклик во мне, и я понимаю, что для этого они не должны быть схожи с моими (ибо свобода каждого - часть его ценности), и мне кажется, что я лгу тебе всякий раз, когда не говорю с тобой». И я только продолжаю свою мысль, когда вслух говорю:

- Я отдам жизнь за тебя и заранее прощаю тебе все, что ты можешь когда-нибудь сделать, чтобы быть счастливой. Она тихонько сжимает меня руками, и я чувствую - слезы ее шепчут и слова поют в созвучие моим. И мне кажется, в нашей маленькой комнате истина нашла свое место, воплотилась и обрела признание в величайшей привязанно-

сти, какой только могут быть связаны два существа, величайшей привязанности, которой мы не знали и в которой все спасение.

- Раньше я любил тебя ради себя, теперь я люблю тебя ради тебя.

№5. Определите, в чем различие взглядов на жизнь, выраженных в обоих текстах и в чем можно найти сходство между ними? Какая точка зрения ближе к истине и почему?

Книга Экклесиаста

1 Слова Кохелета, сына Давида, царя в Иерусалиме:

2 Ничемно всё, - сказал Кохелет, -

Напрасно всё и бесцельно всё.

3 Что пользы человеку в трудах его,
Которыми трудится он под солнцем?

4 Поколения приходят, и поколения уходят,
А земля, как была, остается прежней.

5 Восходит солнце, заходит солнце,
И в том же месте снова восходит.

6 Идет на юг, сворачивает на север,
Кружит, кружит в пути своем ветер,
И на круги свои возвращается ветер.

7 Все реки текут неизменно в море,
Но не переполняется море,
А реки возвращаются вспять, к истокам,
Чтобы оттуда снова течь.

8 Непознаваема суть вещей.
Не выразить ее никакими словами.

Не может глаз ее рассмотреть.

Не может ухо ее расслышать,

9 Что было в прошлом, то и теперь,
И что делалось прежде, то происходит и ныне,
И ничего под солнцем нового нет.

10. Иногда говорят: Смотри, что-то новое!

Но это уже было давным-давно,
В веках, минувших задолго до нас.

11 Никто не помнит живших прежде,
Но и наших потомков не будут помнить
Те, кто придет на смену им.

12 Я, Кохелет, был царем над Израилем, в Иерусалиме.

13 Задумал я охватить умом и понять все, что происходит под небом. Тяжкую задачу задал Бог сынам человеческим, чтобы они терзались ею!

14 Видел я все, что творится под солнцем. Так вот, все бессмысленно, как погоня за ветром.

15 Того, что криво, все равно не исправить,

И того, чего нет, нельзя сосчитать.

16 И подумал я; Ну вот, стал я мудр и превзошел знанием всех, кто до меня правил Иерусалимом. 17 Я жаждал мудрости и обширных знаний, но понял, что это тоже ничемно, 18 ибо всякая мудрость содержит горечь, и чем больше знаний, тем больше скорбь.

2 Тогда я решил пировать и развлекаться, чтобы узнать, наконец, чем благо. Но и это оказалось напрасным.

2 О смехе сказал я: Какая глупость! и о веселье: Нелепость и вздор!

3 Пытался я и вином угождать своей плоти так, чтобы, не теряя окончательно головы, испробовать и глупости, пока не узнаю, что людям стоит делать под небом в считанные дни жизни своей.

4 Затеял я большие работы, построил себе дома, насадил виноградники,

5 разбил сады и парки, насадил плодовых деревьев,

6 устроил пруды, чтобы водой из них поливать идущие в рост посадки,

7 обзавелся доморощенными и покупными рабами, а скота у меня было больше, чем у любого из когда-либо живших в Иерусалиме.

8 Накопил я золота, серебра, драгоценностей от царей и областей, завел певцов, певиц и наложниц - радость сердца мужчины.

9 Я стал богаче любого из моих предшественников в Иерусалиме, и мудрость моя оставалась со мною.

10 Я не отказывал глазам своим ни в зрелищах, и не удерживал сердца ни от какой радости, ибо сердце радовалось о трудах моих, и это мне было за труды наградой.

11 Но взглянул я на все, что сделали мои руки,

Все, над чем я тяжело трудился,

И понял: это бессмысленно, как погоня за ветром,

И нет от этого пользы под солнцем.

12 Взглянул я на мудрость и на глупость с безумием, и сказал себе: Что может сделать идущий вслед за Царем? Не больше того, что давно уже сделано!

13 Я понял, что мудрость настолько же превосходит глупость, насколько свет превосходит тьму.

14 Глаза мудреца при нем, а глупец вынужден вслепую бродить. Но узнал я и то, что один конец ждет их,

15 и подумал: Если участь глупца даже меня постигнет, к чему мне тогда вся моя мудрость? И сказал я себе: Это тоже пустое.

16 И мудрого, и глупого долго не будут помнить. Со временем будут забыты оба. Как и глупый, умник тоже умрет.

17 Возненавидел я жизнь, и в тягость мне стало все, что делается под солнцем, ибо все бессмысленно, как погоня за ветром.

18 Возненавидел я труды, которыми трудился под солнцем, потому что придется оставить их человеку, который будет жить после меня.

19. Кто знает, мудр будет он или глуп? А ведь именно он будет распоряжаться работой, в которую я вложил столько сил. Стало быть, и это.

20. Начал я приходить в отчаяние от трудов, которыми я трудился под солнцем.

21. Ведь как бы человек умело и добросовестно ни трудился, плоды трудов своих он оставляет тому, кто не участвовал в них. Это тоже бессмысленно и нелепо.

22 Что пользы человеку от всех трудов

И забот, которые его терзают под солнцем?

23 Днем его мучит злоба и зависть,

И ночью душа его не знает покоя. Это тоже нелепо.

24 Единственное благо, которое есть у людей, - это еда, питье и удовольствие от работы. Но и это, как узнал я, зависит от Бога.

25 Ведь даже еда не имеет вкуса, если на то нет воли его.

26 И только к кому благосклонен Бог, тому он дает и успех, и мудрость, а неугодных заставляет напрасно копить, чтобы добро их досталось его любимцам. Это так же бессмысленно, как ловля ветра.

3 Всеу свое время, и своя пора

Назначена каждому делу под небом:

2 Время рождаться и время умирать,

Время насаждать и время искоренять,

3 Время убивать и время лечить,

Время ломать и время строить,

4 Время плакать и время смеяться,

Время горевать и время плясать,

5 Время разбрасывать камни и время собирать камни,

Время обнимать и время избегать объятий,

6 Время приобретать и время терять,

Время хранить и время выбрасывать,

7 Время рвать и время сшивать,

Время молчать и время говорить,

8 Время любить и время ненавидеть,

Время войне и время миру.

9 Так в чем же смысл трудов человека? 10 Понял я задачу, которую задал Бог сынам человеческим, чтобы они терзались ею!

11 Все создал он прекрасным в свое время,

И вечность вложил он в сердца людей,

Только не смогут они постичь

Во всей полноте творение Божье.

12 Я понял, что одно хорошо для людей: быть счастливыми и творить добро, пока они живы. 13 Но способность есть, пить и радоваться работе лишь от Бога дается. 14 Все, что делает Бог, пребудет вовек. Ни прибавить к этому ничего, ни убавить, а сделал так Бог, чтобы чтили его.

15 Что было раньше, то и теперь,

И то, что будет, уже было прежде,

А прежнее снова Бог призовет.

16 А еще я видел под солнцем такое: где место суда, там царит беззаконие, и где место справедливости, там произвол.

17 И подумал: Бог рассудит и праведника, и грешника, и каждому воздаст по его делам.

18 А еще я подумал: Так делает Бог, чтобы показать людям, что они не лучше животных.

19. Участь людей и животных — одна.

Как те умирают, так умирают и эти.

Одна душа у тех и других,

И человек не лучше бессловесной твари.

Поистине, все ничтожно.

20 Все идет к одному концу.

Все вышло из праха, и в прах возвратится.
 21 Кто знает, возносится ли душа человека вверх,
 И спускается ли душа животного в землю?
 22 И понял я: Нет у человека большего блага, чем находить радость в работе, ибо в этом и состоит награда его.
 Ведь никто ему не скажет, что будет после него.
 4 А еще оглянувшись я и увидел, сколько несправедливостей творится под солнцем. Угнетенные плачут, а утешить их некому. Притесняют их, и нет им поддержки. 2 И сказал я:
 Покойник, который уже в могиле
 Счастливее тех, кто остался жить
 3 Но еще лучше тому, кто вообще не родился
 И не видел злодеяний, творимых под солнцем.
 4 А еще понял я, что талант и удача в трудах вызывают у ближнего зависть. Это тоже бессмысленно, как ловля ветра.
 5 Глупец сидит сложа руки и разоряется.
 6 Но лучше малая горсть покоя, чем полные пригоршни труда и хлопот.
 7 Увидел я и другой пример того, как бессмысленно все под солнцем.
 8 Иной человек совсем одинок, и нет у него ни сына, ни брата, а он изнуряет себя трудом, одержимый ненасытной жадной богатства, и не скажет себе: Для кого я тружусь и лишаю себя радости жизни? Это тоже нелепость.
 9 Двоим лучше, чем одному. Так им легче заработать на жизнь.
 10 Если один из них упадет, то другой всегда поможет товарищу встать. Но горе одному, если он споткнется и некому будет его поднять.
 11 Если двое вместе лежат, то тепло им, а в одиночку невозможно согреться.
 12 Одного всегда одолеть нетрудно, но двое сумеют постоять за себя, и тройная нить не скоро порвется.
 13 Лучше быть бедным, но умным юношей, нежели старым, но глупым царем, уже неспособным прислушиваться к советам,
 14 ибо тот и из темницы выйдет в цари, а рожденный царствовать станет нищим.
 15 Видел я, как все живое, ликуя, встречает юношу, занявшего место царя.
 16 Несметная толпа окружала его, но она же позднее разочаруется в нем. Это тоже бессмысленно, как погоня за ветром.
 17 Отправляясь в храм Божий, ступай осторожно. Лучше прийти в послушании, чем приносить жертвы, подобно глупцам, которые сами не ведают, что грешат...
 9 Долго я размышлял, и понял,
 Что и праведник, и мудрец во власти Божьей,
 И не дано человеку знать,
 Любви или ненависти он достоин.
 2 Один конец ожидает всех.
 Одинакова участь праведника и грешника,
 Доброго и злого, чистого и нечистого,
 Приносящего жертвы и не приносящего их,
 Добропорядочного и негодая,
 Честного человека и клятвопреступника.
 3 В том-то и состоит самое худшее из всех зол, творимых под Солнцем, - что один конец уготован людям. К тому же, душа их в течение всей их жизни полна злобы и глупости.
 4 У живых есть хотя бы надежда.
 Даже псу живому лучше, чем мертвому льву.
 5 Живые знают хотя бы то, что умрут,
 А мертвые уже ничего не знают.
 Нет им больше доли ни в чем,
 Ибо даже память о них истерлась.
 6 И любовь их, и ненависть, и ревность исчезли.
 Никогда больше не смогут они
 Участвовать в происходящем под солнцем.
 7 Так иди же, весело ешь хлеб, и пей с беззаботным сердцем вино, так как Бог предрешил дела твои.
 8 Постоянно носи белоснежные одежды и щедро душись благовонным маслом.
 9 Наслаждайся счастьем с любимой женой
 Все дни беспечной жизни твоей,
 Которую дал тебе Бог под солнцем,
 Все напрасные дни твои,
 Ибо это - единственная награда
 За все твои тяжкие труды под солнцем.
 10 Любое дело, которое ты найдешь себе,
 Старайся делать как можно лучше,
 Ибо в могиле, куда ты сойдешь,
 Ты не сможешь больше творить и мыслить.

11 Вот что еще я заметил под солнцем: Не всегда достается награда быстроногому, победа храброму, пропитание мудрому, богатство ученому и почет умелому, но все зависит от прихоти случая.

12 Человек не знает своей судьбы,
И как рыба, попавшая в злополучную сеть,
Как птица, запутавшаяся в силках,
Люди беспомощны в час беды,
Внезапно обрушившейся на них.

13 А вот еще поучительный пример, который мне довелось видеть под солнцем.

14 Могущественный царь обложил осадой маленький, беззащитный город.

15 Но нашелся в городе умный бедняк, который своей находчивостью спас сограждан. Тем не менее, бедняка этого быстро забыли.

16 И сказал я себе: Лучше мудрость, чем сила, однако мудрого бедняка презирают и не прислушиваются к его словам.

17 В тихой речи умного человека смысла больше, чем в крике вельможного дурака.

18 Мудрость сильнее осадных орудий, но одна оплошность может испортить все.

Викентий Викентьевич Вересаев «Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше)».

Справедливо ли то, что творят с людьми боги и судьба? Гомеровский эллин об этом не спрашивает. Так есть, так должно случиться... Но всего замечательнее, - и это необходимо еще раз подчеркнуть, - не только сознание неизбежности не убивало в этих людях самостоятельного почина, но даже вполне определенное знание божеского решения и божеской угрозы не останавливало их перед тем, чтобы действовать по велениям собственного духа, хотя бы и вопреки божеской воле. Феакийцы хорошо знают: Посейдон жестоко гневается на них за то, что они на своих кораблях отвозят на родину странников, потерпевших кораблекрушение. И им известно предсказание, что некогда

*Феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращался морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
Град наш задвинет. Исполнит ли то Поссидон-земледержец,
Иль не исполнит, — пусть будет по воле великого бога.*

Пусть будет по его воле, - мы тогда благоговейно-покорно и без жалоб примем свой жребий, а пока... пока мы будем творить волю *свою*, будем делать то, что считаем хорошим *мы*.

От современного человека требуется огромное напряжение фантазии, чтобы представить себе такое состояние религиозного чувства. Мы слишком привыкли соединять с божеством представление о высшем нравственном совершенстве. Поэтому наличность в жизни зла и несправедливости властно ставит перед нами задачу теодицеи, задачу оправдания божества перед лицом мирового зла. И мы не смущаемся тем, что при каждой попытке такого оправдания неизменно упираемся в безвыходный тупик. Гомеровский эллин умел совмещать в своей душе настроения, казалось бы, совершенно несовместимые: глубоко религиозное отношение к жизни и полнейшее отсутствие потребности в теодицее или в космодицее. Жизнь божественна и в то же время с несомненною очевидностью *несправедлива*. И он эту несправедливостью не возмущается, он спокойно принимает ее, как наличный факт.

На деяния Богов не негодую я, -

беспечно говорит Архилох. Существом совсем из другого мира должны представляться нам эти люди, радостно, бодро и религиозно жившие среди прекрасного мира, беззаботные к вечно нависшей над ними божественной угрозе и божественной несправедливости.

Мы начинаем нащупывать основной нерв гомерово-архилоховского отношения к жизни. Божественная сущность жизни вовсе не скрывала от человеческого взора ее аморального, сурового и отнюдь не идиллического отношения к человеку: жизнь была полна ужасов, страданий и самой обидной зависимости. И тем не менее гомеровский эллин смотрел на жизнь бодро и радостно, жадно любил ее «нутром и чревом», любил потому, что сильной душе его все скорби и ужасы жизни были *нестрашны*, что для него «на свете не было ничего страшного». Мрачное понимание жизни чудесным образом совмещалось в нем с радостно-светлым отношением к ней. Ужасы и скорби не в силах были опровергнуть в его глазах основной божественности жизни, которую он непрестанно чувствовал душою...

И как сверкает, как кипит и пенится в гомеровском эллине эта сила жизни! Весь строй его души, весь *тонус* ее - совсем другой, чем у нас. Только в детях можем мы еще наблюдать это яркое, свежее, радостно-жадное переживание жизни во всех ее проявлениях. Мы говорим: «когда они поели»... Гомер говорит: «когда насладились они едою и питьем». Мы «разговариваем», гомеровские люди «наслаждаются беседой взаимной».

*Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блистающий, с черным подножьем; на нем предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напиток,
С медом свежим и ячной мукою священной; подле
Кубок прекрасный поставила, из дому взятый Нелидом.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине Прамнийском: натерла козьего сыра
Теркою медной, и ячной присыпала белой мукою.
Мужжи, когда пилием утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.*

Именно, как ребенок, с его неисчерпанною полнотою восприятия впечатлений жизни, Гомер жадно наслаждается всем, что вокруг, все для него прекрасно - и стол, и кубок, и богиням подобная рабыня Гекамеда, и какая-то гадость из лука, меда и ячной муки, наверно, не более вкусная, чем те маковки и рожки, которые мы с таким непонятным наслаждением поедали в детстве.

В лесу работает тяжелую свою работу дровосек. В полдень, когда он уже устал, он садится за обед. «Когда он уже устал»... Это по-нашему. Гомер же говорит:

Когда он уж руки насытил,

Лес повергая высокий...

Руки человеческие *голодают* по работе, и процесс работы для Гомера - сладостное утоление этого голода.

Сходятся друг с другом лютые враги - Ахиллес, убивший ненавистного Гектора, и Приам, осиротелый отец Гектора.

Долго Приам-Дарданид удивлялся царю-Ахиллесу,

Виду его и величию; казалось, бога он видит.

Царь-Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму.

Глядя на образ почтенный и слушая старцевы речи.

Оба они наслаждались, один на другого взирая.

Сам Гомер совсем так же «наслаждается», взирая на врагов-троянцев. Как благороден и как прекрасен у него образ божественного Гектора, главного врага ахейцев! Как серьезно, как глубоко уважительно относится он вообще к троянцам! И как это необычно, как... почти противоестественно! ...

Самое высокое и самое прекрасное, чем может человек прославить бога, что он должен нести ему, - это собственная радость и счастье. Вот - основное положение аполлоновой религии. И чисто аполлоновскую, для нас такую чуждую мысль высказывает один поздний греческий писатель, географ Страбон, говоря так: «Хотя верно сказано, что люди тогда наиболее подражают богам, когда совершают добрые дела, но еще правильнее было бы сказать, что *люди наиболее уподобляются богам, когда они счастливы*».

На этом необходимо остановиться подробнее. Для нас - что такое для нас вообще счастье, радость? Конечно, всякий желает счастья, но всякий в то же время сознает, что оно касается только лично его, что только для него самого оно близко и ценно. Даже больше. Ощущение радости и счастья в большинстве случаев соединяется у нас с безотчетным чувством какой-то виновности, с сознанием мелкости и несерьезности счастья. Радость, блеск, красоту жизни мы способны трактовать только как веселое «удовольствие», как «наслаждение». И с большим только трудом можем мы представить себе радость как торжественную серьезность, как *таинство*, открывающее нам божественную сущность жизни.

А именно такой характер носила радость в религии аполлоновского эллина. В наших представлениях на этот счет царит большая путаница. Конечно, кто же не знает, что древние эллины любили жизнь и ее радости? Ну, там - Анакреон, «утехи Вакха и Киприды», гедонизм киренаиков, эпикурейство. Но это все было выражением уже полнейшего разложения эллинской жизни, как и столь ненавистная Ницше «александрийская веселость». Глубокая, серьезная жизнь превратилась в предмет удовольствия, наслаждения. С этим плоским, мертвым, безрелигиозным смакованием жизни и ее мгновений не имеет решительно ничего общего та глубокая, светлая радость, которая составляет сущность аполлоновой религии.

Эта радость носила характер глубоко религиозный. Она-то именно и была тою основною стихией, из которой рождались эллинские боги, - «блаженные», «легко живущие». Мы видели - с горем своим, с тяжкими ударами судьбы тогдашний эллин умел справляться силою собственного духа, не для этого ему нужны были боги. Несмотря на скорби, несмотря на несправедливость судьбы, он жадно любил жизнь «нутром и чревом», детская радость жизни переполняла его душу. Эта радость не вмещалась в плоскость видимого, осязаемого мира, жизнь углублялась и начинала как бы светиться изнутри таинственным светом: за нею - точнее, в ней - чувствовалось нечто значительное, бесконечное огромное, нечто *божественное* (theion). И это «божественное» составляло для эллина основную сущность жизни.

Через радость свою эллин приобщался божеству. Не с покаянными вздохами шел он к своим богам, не с мольбами о помиловании. Он шел к ним в белой одежде, с венком из цветов на голове - символом радости; танцами молился им и хороводами.

И, рожденные из радости, боги его шли навстречу радости человека. Нам трудно это представить себе: в жизни древнего эллина не было радости, которая, говоря нашим языком, носила бы *светский* характер. В любви к женщине и в мирном покое домашнего очага, в красоте мужского и женского тела, в состязаниях в силе и ловкости, в веселом пире и танце - везде эллин чувствовал присутствие и благословение божества. На саму радость это накладывало торжественный, серьезный отпечаток и создавало такой тип религиозной жизни, которого мы, может быть, уже не в состоянии даже представить себе.

Олеарий рассказывает про московитов XVII века: когда муж ложится со своею женою в постель, он предварительно завешивает в спальне иконы. Что это значит? Божество не должно видеть того, что творится, это оскорбляет его взор. Любовь переживается человеком как нечто *свое*, узко личное, как секретное «баловство», очень, конечно, сладкое, но поганое и грязное. У эллина же над ложем его любви стояла золотовенчанная Афродита, радовалась на ласки и соприкасающуюся наготу и, как светлую жертву себе, принимала блаженные стоны и судороги любви. И московит, и древний эллин любили как будто одинаково. Но отношение их к любви было глубоко различно, поэтому и переживания имели очень мало общего. Для московита любовь была приятным, но нечистым удовольствием, для эллина - божественно радостным таинством.

И так было у эллина со всякою радостью.

Мир - этот, здешний мир - был для эллина прекрасен и божествен, боги составляли неотрывную его часть. Столь же неотрывную часть этого мира составлял и человек. Только в нем, в здешнем мире, была для него истинная жизнь...

Бессмертие было для древнего эллина желанно и ценно, но бессмертие вовсе не этой бескровной, вяло-призрачной «души», лишенной жизни. Было желанно бессмертие человека, *как такового*. Та же жизнь, только уярченная и облегченная, тот же *тип* жизни, удлинённый навеки, - вот что было наградою любимцам богов, бессмертие не представлялось чем-то противоположным этой жизни. В Элизий, царство блаженных, перенесены не души любимых богами, а сами они, все целиком. Находится он не в потустороннем каком-нибудь мире, а здесь же, на нашей земле, только у крайних ее пределов, близ океана. Там ведут блаженные ту самую «легчайшую жизнь», какую ведут и «легко живущие» олимпийские боги, - легко живущие жизнью здешнего, земного типа. Какой желать другой жизни, если эта жизнь может быть так чудесно ярка и прекрасна?

Человек неотрывно связан с жизнью, душа его неотрывно связана с телом. И весь целиком человек должен быть прекрасен и светел. Тело, как душа, тоже должно быть «добродетельно». И душевные, и телесные достоинства для древнего эллина одинаково были добродетелями. Красота, сила и ловкость телесная, это тоже были добродетели. Пенелопа в Одиссее говорит: Боги мою добродетель, - мой вид и наружность, - сгубили.

Даже быстроту в беге Пиндар называет «добродетелью ног». Совершенство телесное и душевное, гармоническое соединение прекрасного тела и прекрасной души - знаменитая «калокагия» - было основным идеалом эллина.

Прекрасное тело - и прекрасная душа... Достоевский говорит: «ненормальность и грех исходят из самой души человеческой». Для древнего эллина грех, преступление не вытекали из существа человека, они только снаружи ложжились на душу пачкающим пятном. «На преступление, - говорит Преллер, - древние эллины смотрели как на осквернение (μίασμα) как на следствие и причину внутреннего расстройства и тяжелого повреждения духа. Когда грешник в раскаянии прибегает к Аполлону, то находит у него очищение и искупление. Аполлон - истинный спаситель и очиститель. В этом отношении он - полная противоположность тем темным силам судьбы и мести, которые живут во мраке и действуют из мрака. Существо Аполлона - блеск и ясность. Он не терпит ничего угрюмого и злого, озаряет это злое своим мягким светом и находит средство к исцелению и примирению. «Поистине сияющий», как выражается о нем Плутарх».

Нельзя лучше охарактеризовать всю сущность гомерово-аполлоновского отношения к жизни, чем это сделал Гёте в своей статье о Винкельмане.

«Чувство и созерцание не были еще в то время раздроблены на куски, в здоровой человеческой силе еще не произошло едва исцелимого разобщения. Натуры эти были в высшей степени способны не только к наслаждению счастьем, но и к перенесению несчастья. Как здоровое волокно сопротивляется вредному влиянию и при каждом болезненном поражении поспешно восстанавливается, так способен был и здоровый дух этих людей быстро и легко восстанавливаться по отношению ко всем внутренним и внешним бедствиям. Таков был античный дух - в деятельности, наслаждении и лишении, в радости и горе, в обладании и потере, в возвышении и унижении всегда довольный прекрасной землею, на которой царит над нами такая переменчивая судьба»...

Так не только с природою, а и с жизнью вообще. Наш ум, малый наш разум, руководствуется определенными, объективными нормами мышления, общеобязательными методами наблюдения и исследования. Почему же один человек видит погребение там, где другой видит жизнь и блеск? Потому что ценность жизни определяется не малым разумом, не логическими нормами и методами, а великим разумом «нутра», творящим человеческое «я».

Нутро одного человека - здоровое, крепкое, насквозь освещенное радостно-ярким инстинктом жизни; он жадно и безотчетно влюблен в жизнь, бодро переносит во славу ее жесточайшие удары судьбы. Такое отношение к жизни вызывает и соответственную оценку жизни. Нутро другого - болезненное, темное, упадочное; жизнь томит его, как плен, на всякий удар жизненного грома он в смятении вздрагивает своими издерганными нервами; он не в состоянии понять, что можно любить в этой жизни, где все только страхи и скорби. И когда человек, в соответствии с этим, строит свое жизнепонимание, - то что же? *Возражать ему, опровергать* его доводы, стараться *убедить* его?.. Какой вздор! Никакие доводы и возражения здесь недействительны. Один лишь совет можно дать таким людям: «Вы должны не переучиваться, не переучивать, но только сказать «прости» своему собственному телу - и замолчать... Верьте, братья мои! Это - тело, которое отчаялось в теле, это - тело, которое отчаялось в земле». Так говорил Заратустра...

Кто жив душою, в ком силен инстинкт жизни, кто «пьян жизнью», - тому и в голову не может прийти задавать себе вопрос о смысле и ценности жизни, и тем более измерять эту ценность разностью между суммами жизненных радостей и горестей. В огне не могут водиться черви. В жарко и радостно пылающем огне живой жизни не могут жить вопросы, порожаемые разложением. А именно только чудовищное разложение жизненных инстинктов делает возможным, что человек стоит среди жизни и спрашивает: «для чего? какая цель? какой смысл?» - и не может услышать того, что говорит жизнь, и бросается прочь от нее, и только богом, только «тем миром» способен оправдать ее...

Этот путь, которым слепо шел человек, - тот же путь, которым идет все живущее, руководимое непогрешимо мудрым слепцом - инстинктом жизни; путь живой жизни, о которой говорит у Достоевского Версилов:

«Что такое живая жизнь, я не знаю. Знаю только, что это должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтобы оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая».

№6. Каковы аргументы представителей оптимизма и пессимизма? Какие из них основательнее? Чем характеризуется позиция прагматизма? Чья точка зрения, по Вашему мнению, ближе к истине и почему?

Лейбниц «Начала природы и благодати, основанные на разуме». Из высочайшего совершенства Бога следует, что при творении универсума он избрал план наилучший, соединяющий в себе величайшее разнообразие вместе с величайшим порядком. Наиболее экономичным образом распорядился он местом, пространством, временем; при по-

мощи наипростейших средств он произвел наибольшие действия - наибольшее могущество, наибольшее знание, наибольшее счастье и наибольшую благодать в творениях, какие только доступны универсуму. Ибо так как все возможно в разумении Бога по мере своих совершенств стремятся к осуществлению, то результатом всех, этих стремлений должен быть наиболее совершенный действительный мир, какой только возможен. Иначе невозможно было бы указать основания, почему вещи сотворены именно так, а не иначе...

Вот почему все духи, будут ли то духи людей или духи гениев, в силу своего разума и вечных истин вступают в некоторого рода общение с Богом и через это являются членами Града Божия, т. е. всесовершеннейшего государства, образованного и управляемого величайшим и превосходнейшим из монархов, где нет ни вины без возмездия, ни добрых дел без соответствующей награды, где, наконец, столько добродетели и счастья, сколько только возможно; и это не путем расстройств природы, как если бы то, что Бог уготовляет душам, нарушало законы вещественного мира, но путем того же самого естественного порядка вещей, в силу гармонии, на все времена предустановленной между царством природы и царством благодати, гармонии между Богом-строителем и Богом-монархом; в силу этой гармонии сама природа ведет к благодати, а благодать совершенствует природу, ставя ее себе на службу. Таким образом, хотя разум не дает нам постичь подробностей великого будущего, предоставленных откровению, но мы можем быть уверены, по внушению того же самого разума, что вещи устроены так, что превосходят наши желания...

Что касается несчастий, которые постигают хороших людей, то можно сказать с уверенностью, что в конечном счете посредством их достигается еще большее благо; и это справедливо не только в теологическом, но и в физическом смысле. Брошенное в землю зерно страдает, прежде чем произвести плод. И можно утверждать, что бедствия, тягостные временно, в конечном счете благодетельны, поскольку они суть кратчайшие пути к совершенству. Так, в физике жидкости, которые бродят более медленно, не так скоро очищаются, как те, которые при более сильном брожении выбрасывают с большей силой известные части и потому скорее приходят в надлежащий вид. Об этом можно сказать, что для того, чтобы прыгнуть дальше, надо отступить назад.

Итак, все это положение следует рассматривать не только как приятное и утешительное, но и как вполне истинное. И вообще ничего нет в универсуме истиннее счастья, ничего блаженнее и приятнее истины. К довершению красоты и общего совершенства божественных творений надо признать, что во всей вселенной совершается известный непрерывный и свободный прогресс, который все больше продвигает культуру. Так, цивилизация с каждым днем охватывает все большую и большую часть нашей земли.

И хотя верно, что некоторые ее части дичают или же разрушаются и подавляются, но это надо принимать так как мы только что интерпретировали несчастья, т. е. так что эти разрушения и падения способствуют достижению более высокой цели, вроде того как мы извлекаем известную пользу из самой потери. Что же касается возможного возражения, что в этом случае мир давно стал бы раем, то ответить на него легко. Хотя многие существа достигли уже совершенства, но из того, что непрерывное делимо до бесконечности, следует, что в бесконечной глубине вещей всегда остаются части как бы уснувшие, которые должны пробудиться, развиваться, улучшиться и, так сказать, подняться на более высокую ступень совершенства и культуры. Нет, следовательно, какого-либо предела для прогресса...

Можно сказать даже, что уже теперь любовь к Богу дает нам наслаждаться предвкушением будущего блаженства. И хотя эта любовь совершенно бескорыстна, она сама по себе составляет наивысшее для нас добро и благо, если даже в ней этого блага не ищут и, не обращая внимания на производимую ею пользу, имеют в виду лишь удовольствие, ею доставляемое; она заставляет нас вполне уповать на благодать нашего Творца и Господа, а это упование дает нам истинное спокойствие духа не так, как у стойков, насильно вынуждаемых к терпению, но путем настоящего удовлетворения, уверяющего нас и в будущем блаженстве. Но и оставляя в стороне блага настоящего времени, ничто не может быть полезнее для будущего, ибо любовь к Богу исполняет наши надежды и ведет нас на путь высшего блаженства, так как в силу совершенного порядка, установленного в универсуме, все устроено возможно наилучшим образом как по отношению к общему благу, так и по отношению к наивысшему частному благу тех, которые убеждены в этом и находят довольство в правлении Бога, а этого не может не быть у тех, которые умеют любить источник всякого блага.

Правда, наивысшее счастье, каким бы *блаженным созерцанием* или познанием Бога оно ни сопровождалось, никогда не будет полно, ибо Бог в силу своей бесконечности никогда не может быть познан вполне. Таким образом, наше счастье никогда не будет и не должно состоять в полном удовлетворении, в котором более нечего было бы желать и которое притупило бы наш дух; оно состоит в непрестанном переходе к новым радостям и новым совершенствам.

Артур Шопенгауэр «О ничтожестве и горестях жизни». Явно софистическим доказательствам Лейбница, будто этот мир - лучший из возможных миров, можно вполне серьезно и добросовестно противопоставить доказательство, что этот мир - *худший* из возможных миров. Ибо «возможное» - это не то, что вздумается кому-нибудь нарисовать себе в своей фантазии, а то, что действительно может существовать и держаться. И вот наш мир устроен именно так, как его надо было устроить для того, чтобы он мог еле-еле держаться; если бы он был еще несколько хуже, он бы совсем уже не мог существовать. Следовательно, мир, который был бы хуже нашего, совсем невозможен, потому что он не мог бы и существовать, и значит, наш мир - худший из возможных миров...

Таким образом, как для жизни целого, так и для жизни каждого отдельного существа условия даны лишь в обрез и скупое не более того, сколько нужно для удовлетворения потребностей; оттого жизнь индивидуума проходит в непрерывной борьбе за самое существование, на каждом шагу ей угрожает гибель. Именно потому, что эта угроза так часто приводится в исполнение, явилась нужда в невероятно большом избытке зародышей для того, чтобы вместе с индивидуумами не гибли и роды, в которых одних природа серьезно заинтересована. Мир, значит, так дурен, как только он может быть дурен, коль скоро ему следует быть вообще, что и требовалось доказать...

Оптимизм, это - в сущности незаконное самовосхваление истинного родоначальника мира, т. е. воли к жизни, которая самодовольно любит себя в своем творении и вот почему оптимизм - не только ложное, но и пагубное

учение. В самом деле: он изображает перед нами жизнь как некое желанное состояние, целью которого является будто бы счастье человека. Исходя отсюда, каждый думает, что он имеет законнейшее право на счастье и наслаждение; и если, как это обыкновенно бывает, последние не выпадают на его долю, то он считает себя несправедливо обиженным и не достигшим цели своего бытия, между тем гораздо правильнее было бы видеть цель нашей жизни в труде, лишениях, нужде и скорбях, венчаемых смертью (как это и делают брахманизм и буддизм, а также и подлинное христианство), потому что именно эти невзгоды вызывают у нас отрицание воли к жизни. В Новом Завете мир изображается как юдоль печали, жизнь - как процесс очищения и символом христианства служит орудие муки...

Все в жизни говорит нам, что человеку суждено познать в земном счастье нечто обманчивое, простую иллюзию. Для этого глубоко в сущности вещей лежат задатки. И оттого жизнь большинства людей печальна и кратковременна. Сравнительно счастливые люди по большей части счастливы только на вид, или же они, подобно людям долговечным, представляют редкое исключение, для которого природа должна была оставить возможность, как некую приманку. Жизнь рисуется нам как непрерывный обман, и в малом, и в великом. Если она дает обещания, она их не сдерживает или сдерживает только для того, чтобы показать, как мало желательно было желанное. Так обманывает нас то надежда, то ее исполнение. Если жизнь что-нибудь дает, то лишь для того, чтобы отнять. Очарование дали показывается нам райские красоты, но они исчезают, подобно оптической иллюзии, когда мы поддаемся их соблазну. Счастье, таким образом, всегда лежит в будущем или же в прошлом, а настоящее подобно маленькому темному облаку, которое ветер гонит над озаренной солнцем равниной: перед ним и за ним все светло, только оно само постоянно отбрасывает от себя тень. Настоящее поэтому никогда не удовлетворяет нас, а будущее ненадежно, прошедшее невосвратно. Жизнь с ее ежечасными, ежедневными, еженедельными и ежегодными, маленькими, большими невзгодами, с ее обманутыми надеждами, с ее неудачами и разочарованиями - эта жизнь носит на себе такой явный отпечаток неминуемого страдания, что трудно понять, как можно этого не видеть, как можно поверить, будто жизнь существует для того, чтобы с благодарностью наслаждаться ею, как можно поверить, будто человек существует для того, чтобы быть счастливым. Нет, это беспрестанное очарование и разочарование, как и весь характер жизни вообще, по-видимому, скорее рассчитаны и предназначены только на то, чтобы пробудить в нас убеждение, что нет ничего на свете достойного наших стремлений, борьбы и желаний, что все блага ничтожны, что мир оказывается полным банкротом и жизнь - такое предприятие, которое не окупает своих издержек; и это должно отвратить нашу волю от жизни...

И оттого наша жизнь прежде всего подобна платежу, который весь подсчитан из медных копеек и который надо все-таки погасить: эти копейки - дни, это погашение - смерть. Ибо в конце концов время - это оценка, которую делает природа всем своим существам: оно обращает их в ничто:

Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,

Годна вся эта дрянь, что на земле живет.

Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться! И. В. Гете Фауст

Так старость и смерть, к которым неуклонно поспешает всякая жизнь, являются осуждающим приговором над волей к жизни: выносит этот приговор сама природа, и гласит он, что эта воля - стремление, которому во веки веков не суждено осуществиться. «Чего ты хотел, - гласит он, - имеет такой конец: восхоти же чего-нибудь лучшего». Таким образом, урок, который всякий выносит из своей жизни, заключается в том, что предметы наших желаний всегда обманывают нас, колеблются и гибнут, приносят больше горя, чем радости, пока, наконец, не рухнет та почва, на которой все они зиждутся, и не погибнет самая жизнь, в последний раз подтверждая, что все наши стремления и желания были обманом, были ошибкой:

И старость, и опыт ведут заодно

К последнему часу, когда суждено

Понять после долгих забот и мученья,

Что в жизни брели мы путем заблужденья.

Уильям Джеймс «Прагматизм». Но было бы противоречием самому духу жизни утверждать, будто бы мы должны обнаруживать индифферентность, равнодушие в вопросах, подобных вопросу о спасении мира. Человек, уверяющий нас в данном случае в своем равнодушии, доказывает этим попросту то, что он дурак и лжец. Все мы желаем свести к минимуму ненадежность вселенной. Все мы страдаем, и не можем не страдать, когда мы видим, что она открыта всяческим вражеским нападениям и разрушающим жизнь силам. Тем не менее имеются такие несчастные, которые думают, что спасение мира невозможно. Их учение известно под именем «пессимизма». Напротив того, оптимизм - это учение, согласно которому спасение мира неизбежно.

Между этими двумя мировоззрениями, в середине, находится учение, которое можно назвать мелиоризмом. До настоящего времени оно фигурировало не столько как учение, сколько как известная практическая точка зрения. В европейской философии всегда царил оптимизм. Пессимизм был лишь недавно введен Шопенгауэром и насчитывает и до сих пор лишь немного последовательных сторонников. Мелиоризм не считает спасение мира ни неизбежным, ни невозможным. Он рассматривает его как возможность, становящуюся все более вероятной, по мере того как множатся реальные условия спасения.

Прагматизм, очевидно, должен склоняться в сторону мелиоризма. Некоторые из условий спасения мира имеются уже и теперь налицо, и прагматизм ни в коем случае не может закрыть глаза на этот факт. Если же появятся дополнительные условия, то спасение станет свершившимся фактом...

Возьмем, например, кого-нибудь из нас, здесь присутствующих, с дорогими ему идеалами, ради которых он готов жить и работать. Осуществление каждого подобного идеала является событием, благоприятствующим спасению мира. Но эти личные идеалы не представляют собой голых и абстрактных возможностей. Они обоснованы, они *живые* возможности, ибо мы являемся живыми борцами и заложниками за них, и, если окажутся налицо дополнительные условия, наши идеалы станут реальными фактами.

Но что же такое эти дополнительные условия? Это, во-первых, такая комбинация вещей, которая, когда приходит время, дает нам благоприятный шанс, во-вторых, это лазейка, которой мы можем воспользоваться, и, наконец, наше *собственное* действие.

Но значит ли это, что наше деяние *творит* спасение мира, поскольку оно создает простор для себя, использует лазейку? Значит ли это, что оно творит - не спасение всего мира, разумеется, - но именно той части, на которую проектируется его влияние?

Здесь я хватаю, как говорится, быка за рога, и, несмотря ни на каких решительно монистов и рационалистов, я спрашиваю: *а почему нет?* Наши дела, наши переломные моменты, в рамках которых, нам кажется, мы сами создаем себя и растем, - это те части мира, к которым мы ближе всего, те части его, которые мы знаем наиболее полно и интимно. Почему бы нам не принимать их ценность такую, какою мы ее видим? Почему бы им не быть реальными поворотными пунктами и местами роста вселенной, какими они кажутся нам, почему бы им не быть мастерскими бытия, где мы застаем факты в процессе их становления? Почему бы не принять, что мир нигде не растет и не развивается иначе, чем таким образом?...

Мы можем говорить сколько угодно о логике, необходимости, категориях, абсолютном, обо всем, что только имеется в складах философии, но единственное *реальное* основание, которое я могу придумать, почему вообще что-либо появляется на свет, это то, что *кто-то желает, чтобы оно появилось*. Оно *требуется*, требуется, может быть, для того только, чтобы принести искупление ничтожнейшей доле мирового целого. Это - *живое основание*, и по сравнению с ним материальные причины и логические необходимости - это какие-то бесплотные тени...

Предметом нашего обсуждения была концепция, будто мир растет не целиком, а кусками, благодаря деятельности своих отдельных частей. Взгляните на эту гипотезу серьезно как на живую гипотезу. Предположим, что создатель мира перед сотворением его изложил бы вам все дело так:

«Я собираюсь сотворить мир, не предназначенный непременно для спасения, мир, совершенство которого будет условным, причем условием этим будет то, что каждый отдельный участник его постарается сделать со своей стороны все возможное. Я вам предлагаю возможность принять участие в подобном мире. Как вы видите, безопасность его не обеспечена. В нем имеется реальная опасность, но есть и возможность полной победы. Этот мир своего рода кооперация, коллективный труд, который должно исполнять честно. Желаете ли вы принять участие в этой общей работе? Имеете ли вы настолько доверия к себе и к другим участникам дела, чтобы отважиться на этот риск?»

Если бы вам было предложено участвовать в подобном мире, неужели вы вполне серьезно решились бы отказаться от этого ввиду недостаточной безопасности такого мира? Неужели вы бы ответили, что предпочитаете снова впасть в дрему небытия, из которой вас извлек на мгновение голос искусителя, чем быть частичкой столь иррационального и насквозь плюралистического мира?

Если только вы нормальный человек, вы, разумеется, не сделали бы ничего подобного. В большинстве из нас много той здоровой бодрости, к которой вполне подошел бы устроенный таким образом мир. Мы бы поэтому приняли предложение – «*Topp und Schlag auf Schlag*» [По рукам и одним махом! (нем.)]. Ведь такой мир был бы похож на тот, в котором мы фактически живем, и преданность и привязанность к нашей старой кормилице Природе помешала бы нам сказать «нет». Предлагаемый нам мир показался бы нам достаточно «рациональным» для жизни в нем.

Большинство из нас, утверждаю я, охотно бы приняли это предложение и присоединили бы свое «Да будет!» к творческому «Да будет!» Создателя...

Я лично охотно готов принять мир со всеми его опасностями и всем его риском, я не намерен воскликнуть: «Отказываюсь от игры!» - и затем бежать. Я готов думать, что, хотя во многих случаях нам приходится быть в состоянии блудного сына, но оно не есть то истинное и окончательное положение, которое нам приходится занять относительно жизни в ее целом. Я готов принять, что в жизни имеются реальные потери и реальные теряющие люди и что не все, что есть, сохраняется. Я могу верить в идеал как в нечто конечное, а не изначальное, как в квинтэссенцию, а не как в целое. Когда чаша опорожнена, осадок на дне остается навсегда, но содержащийся в чаше напиток настолько сладок, что мы смиримся и с осадком...

Моряк, чье тело похоронено на этом берегу после кораблекрушения, взывает к тебе.

Готовься к плаванию, когда мы погибли, другие корабли продолжали свой путь.

(Греческая эпитафия)

Зло нужно выкинуть, выбросить за борт, через него нужно перешагнуть и принять участие в образовании такого мира, который забудет о самом его имени и месте. Можно, таким образом, вполне искренно принять «горький» мир, мир, из которого не изгнан элемент серьезности. Кто поступает так, тот, по-моему, настоящий прагматист. Он решает-ся принять жизнь, имея перед собой не нечто надежное и прочное, а ряд возможностей, которым он доверяет. Для осуществления задуманных им идеалов он готов, если это понадобится, заплатить собственной жизнью.

№7. Какое отношение к смерти представляется вам наиболее правильным и почему? С какими рассуждениями вы не согласны? Что Вы можете им противопоставить?

Эпикур «Эпикур приветствует Менекея». Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, - не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия. И действительно, нет ничего страшного в жизни тому, кто всем сердцем постиг (вполне убежден), что в не-жизни нет ничего страшного. Таким образом, глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причинит страдание, когда придет, но потому, что она причиняет страдания тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только еще ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого

отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют.

Люди толпы то избегают смерти, как величайшего из зол, то жаждут ее, как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни, но и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не представляется каким-нибудь злом. Как пищу он выбирает вовсе не более обильную, но самую приятную, так и временем он наслаждается не самым долгим, но самым приятным. Кто советует юноше прекрасно жить, а старцу прекрасно кончить жизнь, тот глуп - не только вследствие привлекательности жизни, но также и потому, что забота о прекрасной жизни есть та же самая, что и забота о прекрасной смерти. Но еще хуже тот, кто говорит, что хорошо не родиться, «а родившись, как можно скорее пройти врата Аида». Если он говорит так по убеждению, то почему не уходит из жизни? Ведь это в его власти, если это было действительно им твердо решено. А если в шутку, то напрасно он говорит это среди людей, не принимающих его мнения.

Паскаль «Мысли». Вообразите, что перед вами множество людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах у остальных, и те понимают, что им уготована такая же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди. Такова картина человеческого существования.

Анаксагор Смерть, которая кажется людям горькой, при более глубоком исследовании оказывается весьма прекрасной. Она доставляет покой старости, не имеющей вовсе сил, и юности, которую окружают скорби, и отроческому возрасту, чтобы он не мучился, не трудился, не строил, не насаживал и не приготавливал для других [возрастов]. Она освобождает должника от кредиторов, которые требуют капитала и процентов. Ибо мы не должны досадовать ни на то, что из того что установлено; ведь досада не может этого устранить, а более веселое настроение может скрыть [от нас] это, хотя бы на время. Ибо не тяготит более гавань, если ты в ней медлишь. И если она [смерть] представляется неприятной взору зрителя, то закрой на некоторое время свои глаза. И вот я увидел, как прекрасна смерть и достойна того, чтобы ее просили те, которые здесь терзаются и мучаются. А это свидетельствует о том, как покойна и прекрасна жизнь в преисподней.

Ле-Цзы «О чем же мне сожалеть?»

— Вы, уважаемый, в юности не пеклись о добронравном поведении, в зрелые годы не стремились к успеху, в преклонном возрасте не имеете ни жены, ни детей, а смерть ваша уже близка. Какое же счастье привалило вам в жизни, что вы поете, подбирая в поле колоски?

-- Причины для радости у меня такие же, как у всех людей, - ответил с улыбкой Линь Лэй. - Но люди так часто делают их причинами своих забот. В молодости я не радел о благонравном поведении, а в зрелые годы не стремился к успеху - вот почему я смог прожить так долго. В преклонном возрасте у меня не было ни жены, ни детей, а смерть моя уже близко - вот почему я могу радоваться жизни сейчас.

— Но человеку свойственно держаться за жизнь и бояться смерти. Отчего же дума о смерти вас радует?

— Смерть - это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Как же могу я знать, что, умерев сейчас здесь, я не буду рожден где-нибудь еще? Откуда мне знать, не является ли моя любовь к жизни заблуждением? Откуда мне знать, что моя смерть не будет лучше моей жизни?

Николай Федорович Федоров «Горизонтальное положение и вертикальное».

Действительно смерть может быть названа только тогда, когда никакими средствами восстановить жизнь невозможно или когда все средства, какие только существуют в природе, какие только могут быть открыты человеческим родом, были уже употреблены. Не нужно думать, чтобы мы надеялись на открытие какой-либо силы, специально для этого назначенной; мы полагаем, что обращение слепой силы природы в сознательную и есть это средство. Смертность есть индуктивный вывод; она значит, что мы сыны множества умерших отцов; но как бы ни было велико количество умерших, оно не может дать основание к безусловному признанию смерти, так как это было бы отречением от сыновнего долга, от сыновства. Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть...

Таким образом, мы совершенно лишены способности, желательной для пессимистов, доказать действительность смерти, т. е. невозможность воскрешения. Смерть есть явление, внешнее для нас, а потому и может быть познаваема лишь индуктивно, тогда как воскрешение есть естественный всей природе нашей ответ на это чуждое нам явление...

Представим же себе, что мир, вдруг или не вдруг, осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах - не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы были в минутной дружбе одна с другой, в каком доме или организме они гостили вместе или какого целого они составляли часть, принадлежность... Радикальное разрешение санитарного вопроса состоит в возвращении разложенных частиц тем существам, коим они первоначально принадлежали; всякое другое решение этого вопроса не представляет полной гарантии безвредности частиц (молекул), подвергавшихся процессу смерти в целом ряде существ. Таким образом, вопрос санитарный, как и продовольственный, приводит нас ко всеобщему воскрешению.

Лев Платонович Карсавин «О личности». Про несовершенную личность нельзя сказать, что она есть, ни - что она не есть. Ее единство и покой несовершенны, неполны. Она не бытие и не небытие, а - нечто нелепое и непонятное, нечто среднее между бытием и небытием, полуживое-полумертвое. Она не знает смерти, «бессмертна», но не знает и жизни, «безжизненна». Было бы неправильно заключать отсюда, что она знает умирание и воскресение. Какое же это умирание, которое не доходит до смерти? какое же воскресение, когда не все умерло? а умершее не вполне воскресло? Умирание и воскресение несовершенной личности тоже ни «есть» ни «не есть», «ни то ни се». Это - умирание, которое никогда не кончается, и воскресение, которого хватает лишь на то, чтобы умирание не умерло. Это - дурная бесконечность умирания.

Как же, скажут нам, умирание не кончается, если всякое существо умирает и существует эмпирическая смерть? - В том-то и дело, что эмпирическая смерть, будучи актом несовершенной личности, сама не может быть совершенною, совершенным, т.е. полным прекращением личного существования. Эмпирическая смерть не перерыв личного существования, а только глубокий его надрыв, несовершенный предел, поставленный внутри дурной бесконечности умирания, между эмпирическим и метаэмпирическим бытием, «врата адовы», «верей адские». По-видимому, эмпирическая смерть - наибольшее приближение личности к небытию: до нее и после нее личность от небытия все более удаляется, и в этом вольное ее несовершенство. Так птица падает на водную поверхность, чтобы, едва задев ее крылом, снова подняться над ней.

Дурная бесконечность умирания не что иное, как недостижимый в вечном стремлении к нему и потому преодолимый предел разъединения и воссоединения личности. Это - ее «преимущественная разъединенность» и особого рода не извне, а изнутри утверждаемая «предельность». Несовершенная личность разъединена и разъединяется, но не может, ибо не хочет, разъединиться до конца, а бессмысленно вертится в кругу, как белка в колесе. Потому она не может преодолеть свою разъединенность и воссоединиться. Такая разъединенность, или предельность, личности и есть непонятным образом живущая смерть, смерть «вошедшая» в род человеческий и «жалящая». В совершенстве этой смерти нет, и по отношению к ней совершенство - «жизнь бессмертная». Вернее: в совершенстве эта смерть и ад, как истинное существо ее, побеждены. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?»

Но чем можно победить несовершенную смерть? - Так как существо ее в том, что она каким-то образом живет, победа возможна лишь тогда, когда умирание личности - здесь ли, за гранью ли эмпирии - достигнет конца. Тогда дурная или «первая» смерть умрет сама собою, т.е. станет хорошою и «второю» - полным концом и полною определенностью личности, а тем самым и полным ее воскресением. Смерть побеждается лишь смертью, дурная - истинною. Но, если дурная смерть есть что-то, истинная смерть есть небытие того, что есть. В истинной смерти нет личности; но, так как личность выше бытия и небытия, она есть чрез истинную смерть.

Мигель де Унамуно «О трагическом чувстве жизни у людей и народов». Половая любовь это зародыш всякой другой любви. В любви и посредством нее мы ищем вечности, но на земле мы можем продолжить себя только при условии, что умрем, отдадим свою жизнь другому. Простейшие, самые крохотные живые существа размножаются делением, распадаясь, переставая быть тем целым, которым были прежде.

Но исчерпанная в конце концов жизненная сила существа, размножающегося посредством такого деления, должна время от времени возобновлять источник жизни путем соединения двух ослабевающих индивидов, то есть посредством так называемого спрядения одноклеточных. Они соединяются, чтобы затем вновь, с еще большей энергией разъединиться. И всякий акт рождения есть некое - полное либо частичное - прекращение бытия того, что было, некое распадение целого, частичная смерть. Жить это значит отдавать себя, продолжать себя в другом, а продолжать себя в другом, отдавать себя - это значит умирать. Быть может, высшее наслаждение зачатия новой жизни - это не что иное, как предвкушение смерти, разбиение своего собственного жизненного ядра. Мы соединяемся с другим, но лишь для того, чтоб разъединиться; наше интимнейшее объятие - не что иное, как интимнейший разрыв. По сути своей сексуальное любовное наслаждение, родовый спазм, это ощущение воскресения, воскресения в другом, ведь только в других мы и можем воскреснуть, чтобы продолжить свое существование.

Несомненно, в основе любви, какой она предстает перед нами в своей первоначальной животной форме, в том неодолимом инстинкте, который заставляет самца и самку соединяться в каком-то неистовом порыве, есть что-то трагически разрушительное. Ведь именно то, что соединяет тела, в определенном отношении, разъединяет души: заключающая объятия, двое столь же ненавидят друг друга, сколь и любят, а главное - они вступают в борьбу, борьбу за некоего третьего, еще не появившегося на свет.

Любовь - это борьба, и есть такие животные, у которых самец после соития с самкой, обращается с ней жестоко, а также такие, у которых самка пожирает самца после того, как он оплодотворит ее.

О любви говорят, что это взаимный эгоизм. Действительно, каждый из любовников стремится овладеть другим, а домогаться посредством другого, в то же время не помышляя и не помня о нем, своего собственного увековечения, которое и является в данном случае целью, что это, если не алчность? И может быть, кто-то, чтобы увековечить себя и еще больше преуспеть в этом, станет хранить девство. И делать это он будет ради того, чтобы увековечить нечто более человеческое, нежели тело.

Ведь на земле любовники увековечивают не что иное, как скорбную плоть, боль, смерть. Любовь - сестра, дочь и в то же время мать смерти, которая приходится ей сестрою, матерью и дочерью. И потому в глубинах любви таится бездна вечного отчаяния, из которой пробиваются на свет надежда и утешение. Ибо из той плотской, примитивной любви, о которой я веду речь, из любви всякой плоти со всеми ее чувствами, из того, что является тем животным началом, из которого ведет свое происхождение человеческое общество, из этой любовной страсти возникает любовь духовная, любовь, сопряженная с болью и страданием.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

№1. В чем сущность идеалистического понимания истории, по Гегелю? На какие периоды делится история? Какова роль в истории всемирно-исторических личностей и всемирно-исторических народов?

Гегель «Философия истории». Субстанция материи находится вне ее, дух есть у себя бытие. Именно это есть свобода, потому что, если я являюсь зависимым, то отношу себя к чему-то другому, чем я не являюсь; я не могу быть без чего-то внешнего; я свободен тогда, когда я есть у самого себя. Это у себя бытие духа есть самосознание, сознание самого себя. В сознании следует различать две стороны: во-первых, что (dass) я знаю, и, во-вторых, что (was) я знаю.

В самосознании обе эти стороны совпадают, потому что дух знает самого себя: он является рассмотрением (Beurtheilen) своей собственной природы и в то же время он является деятельностью, состоящей в том, что он возвращается к самому себе и таким образом сам себя производит, делает себя тем, что он есть в себе. После этого отвлеченного определения можно сказать о всемирной истории, что она является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю. Восточные народы еще не знают, что дух или человек как таковой в себе свободен; так как они не знают этого, то они не свободны; они знают только, что один свободен, но именно поэтому такая свобода оказывается лишь произволом, дикостью, тупостью страсти, обуздыванием страсти, или же нежностью, которая сама оказывается лишь случайностью природы или произволом. Следовательно, этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком. Лишь у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой; этого не знали даже Платон и Аристотель. Поэтому у греков не только были рабы, с которыми были связаны их жизнь и существование их прекрасной свободы, но и сама эта свобода отчасти являлась лишь случайным, недолговечным и ограниченным цветком, отчасти она вместе с тем была тяжким порабощением человеческого, гуманного начала. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы; это сознание сперва появилось в религии, в сокровеннейшей сфере духа, но проведение этого принципа в мирских делах являлось дальнейшей задачей, разрешение и выполнение которой потребовали тяжелой продолжительной культурной работы. Например, рабство не прекратилось непосредственно по принятии христианской религии, в государствах не сразу стала господствовать свобода; правительство и государственное устройство не сразу организовались разумно, не сразу начали основываться на принципе свободы. Это применение принципа свободы к мирским делам, это внедрение и проникновение принципа свободы в мирские отношения является длительным процессом, который составляет самую историю. Я уже обращал внимание на это отличие принципа как такового от его применения, т. е. его проведения и осуществления в действительности духа и жизни; это различие является основным определением в нашей науке, и его следует постоянно иметь в виду. Это различие, на которое я здесь предварительно указал по отношению к христианскому принципу самосознания, свободы, имеет существенное значение и по отношению к принципу свободы вообще. Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, - прогресс, который мы должны познать в его необходимости.

Из того, что было сказано в общей форме о различии знания о свободе, а именно, что восточные народы знали только, что один свободен, а греческий и римский мир знал, что некоторые свободны, мы же знаем, что свободны все люди в себе, т. е. человек свободен как человек, - вытекает как деление всемирной истории, так и то, каким образом мы будем рассматривать ее... Сама в себе свобода заключает в себе бесконечную необходимость осознать именно себя и тем самым становится действительной, потому что по своему понятию она есть знание о себе, она является для себя целью, и притом единственной целью духа, которую она осуществляет. Эта конечная цель есть то, к чему направлялась работа, совершавшаяся во всемирной истории; ради нее приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли. Одна лишь эта конечная цель осуществляет себя, лишь она остается постоянно при изменении всех событий и состояний, и она же является в них истинно деятельным началом. Эта конечная цель есть то, что бог имеет в виду в мире; но бог есть совершенство, и поэтому он не может желать ничего иного, кроме самого себя, своей собственной воли. Но то, в чем состоит природа его воли, т. е. его природа вообще, мы, выражая религиозные представления в мыслях, называем здесь идеей свободы. Теперь можно, следовательно, непосредственно поставить вопрос: какими средствами пользуется она для своего осуществления? Это и есть второй пункт, который здесь следует рассмотреть.

Постановка этого вопроса о средствах, благодаря которым свобода осуществляет себя в мире, приводит нас к самому историческому явлению. Если свобода как таковая прежде всего есть внутреннее понятие, то средства, наоборот, оказываются чем-то внешним, тем, что является, что непосредственно бросается в глаза и обнаруживается в истории. Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы и лишь они играют главную роль. Конечно, там можно найти и общие цели, желание добра, благородную любовь к отечеству; но эти добродетели и это всеобщее играют ничтожную роль в отношении к миру и к тому, что в нем творится...

Наоборот, страсти, своекорыстные цели, удовлетворение эгоизма имеют наибольшую силу; сила их заключается в том, что они не признают никаких пределов, которые право и моральность стремятся установить для них, и в том, что эти силы природы непосредственно ближе к человеку, чем искусственное и продолжительное воспитание, благодаря которому человек приучается к порядку и к умеренности, к соблюдению права и к моральности...

Итак, мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, - то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершалось без страсти...

Но всемирная история не начинается с какой-нибудь сознательной цели, как это бывает у отдельных групп людей. Сознательной целью простого стремления их к совместной жизни является уже обеспечение безопасности их жизни и собственности, а когда осуществляется эта совместная жизнь, эта цель расширяется. Всемирная история начинается со своей общей целью, заключающейся в том, чтобы понятие духа удовлетворялось лишь в себе, т. е. как природа. Этой целью является внутреннее, сокровеннейшее, бессознательное стремление, и все дело всемирной истории заключается, как уже было упомянуто, в том, чтобы сделать это стремление сознательным. Таким образом, то, что

было названо субъективной стороной, - потребность, стремление, страсть, частный интерес, проявляясь в форме естественного состояния, естественной воли, тотчас оказываются налицо сами для себя, подобно мнению и субъективному представлению. Эта неизмеримая масса желаний, интересов и деятельностей является орудием и средством мирового духа, для того чтобы достигнуть его цели, сделать ее сознательной и осуществить ее; и эта цель состоит лишь в том, чтобы найти себя, прийти к себе и созерцать себя как действительность. Но то положение, что живые индивидуумы и народы, ища и добываясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют, могло представляться и представлялось сомнительным, много раз оспаривалось и вызывало насмешки и пренебрежение как пустая фантазия и философия. Но я с самого начала высказался относительно этого и отстаивал наше предположение (которое, однако, должно было лишь в конце вытекать как результат) и нашу веру в то, что разум правит миром и что таким образом он господствовал и во всемирной истории...

Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения. Как на подходящий пример можно указать на действия человека, который из мести, может быть справедливой, т. е. за несправедливо нанесенную ему обиду, поджигает дом другого человека. Уже при этом обнаруживается связь непосредственного действия с дальнейшими обстоятельствами, которые, однако, сами являются внешними и не входят в состав вышеупомянутого действия, поскольку оно берется само по себе в его непосредственности. Это действие как таковое состоит, может быть, в поднесении огонька к небольшой части бревна. То, что еще не было сделано благодаря этому, делается далее само собой: загоревшаяся часть бревна сообщается с его другими частями, бревно - со всеми балками дома, а этот дом - с другими домами, и возникает большой пожар, уничтожающий имущество не только тех лиц, против которых была направлена месть, но и многих других людей, причем пожар может даже стоить жизни многим людям. Это не заключалось в общем действии и не входило в намерения того, кто начал его...

В этом примере следует обратить внимание именно только на то, что в непосредственном действии может заключаться нечто, выходящее за пределы того, что содержалось в воле и в сознании виновника. Однако, кроме того, этот пример свидетельствует еще и о том, что субстанция действия, а следовательно и самое действие вообще, обращается против того, кто совершил его; оно становится по отношению к нему обратным ударом, который сокрушает его...

Великие исторические отношения имеют другой характер. Именно здесь возникают великие столкновения между существующими, признанными обязанностями, законами и правами и между возможностями, которые противоположны этой системе, нарушают ее и даже разрушают ее основу и действительность, а в то же время имеют такое содержание, которое также может казаться хорошим, в общем полезным, существенным и необходимым. Теперь эти возможности становятся историческими; они заключают в себе некоторое всеобщее иного рода, чем то всеобщее, которое составляет основу в существовании народа или государства. Это всеобщее является моментом творческой идеи, моментом стремящейся к себе самой и вызывающей движение истины. Историческими людьми, всемирно-историческими личностями являются те, в целях которых содержится такое всеобщее.

К числу таких людей принадлежит Цезарь, которому грозила опасность быть побежденным теми, которые готовились стать его врагами, и лишиться достигнутого им положения, занимая которое, он был если не выше других лиц, стоявших во главе государства, то по крайней мере равен им. На стороне этих врагов Цезаря, которые вместе с тем преследовали свои личные цели, были формальная конституция и сила юридических формальностей. Цезарь боролся в своих интересах, чтобы сохранить свое положение, честь и безопасность, и его победа над врагами означала вместе с тем завоевание целого государства, так как их могущество состояло в господстве над провинциями римского государства; таким образом он, сохранив форму конституции, стал единоличным властелином в государстве. Но то, что ему таким образом принесло осуществление его прежде всего отрицательной цели, а именно единоличная власть над Римом, оказалось вместе с тем само по себе необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось, таким образом, не только его личным достижением, но инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременным. Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа. Их следует называть героями, поскольку они черпали свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующею системою хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия; из внутреннего духа, который еще находится под землей и стучится во внешний мир, как в скорлупу, разбивая ее, так как этот дух является иным ядром, а не ядром, заключенным в этой оболочке. Поэтому кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их созданием.

Такие лица, преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что своевременно. Именно это является правдой их времени и их мира, так сказать, ближайшим родом, который уже находился внутри. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Поэтому всемирно-исторических людей, героев какой-нибудь эпохи, следует признать проникательными людьми; их действия, их речи - лучшее в данное время. Великие люди желали доставить удовлетворение себе, а не другим. Те благонамеренные планы и советы, которые им могли бы дать другие, явились бы скорее ограниченными и ложными, потому что именно великие люди и являлись теми, которые всего лучше понимали суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирялись с ним. Ведь далее подвинувшийся в своем развитии дух является внутренней, но бессознательной душой

всех индивидуумов, которая становится у них сознательной благодаря великим людям. Другие идут за этими духовными руководителями именно потому, что чувствуют непреодолимую силу их собственного внутреннего духа, который противостоит им. Далее, если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа, оказывается, что эта судьба не была счастлива. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены...

Всемирно-исторической личности не свойственна трезвенность, выражающаяся в желании того и другого; она не принимает многого в расчет, но всецело отдается одной цели. Случается также, что такие личности обнаруживают легкомысленное отношение к другим великим и даже священным интересам, и, конечно, подобное поведение подлежит моральному осуждению. Но такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути.

Итак, частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания. Частные интересы вступают в борьбу между собой, и некоторые из них оказываются совершенно несостоятельными. Не всеобщая идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и невредимой на заднем плане. Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов.

С годами вообще люди становятся мягче; молодежь всегда бывает недовольна; у пожилых людей зрелость суждения способствует тому, что они не только благодаря отсутствию интересов примиряются и с дурным, но, усвоив себе более глубокие взгляды под влиянием серьезных уроков жизни, они обращают внимание на субстанциальное, положительное существо дела. Философия же должна, в противоположность вышеупомянутым идеалам, способствовать пониманию того, что действительный мир таков, каким он должен быть, что истинное добро, всеобщий божественный разум, является и силою, способною осуществлять себя. Это добро, этот разум в его конкретнейшем представлении есть бог. Бог правит миром; содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осуществлено, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование. Пред чистым светом этой божественной идеи, которая не является только идеалом, исчезает иллюзия, будто мир есть безумный, нелепый процесс. Философия стремится познать содержание, действительность божественной идеи и оправдать презираемую действительность. Ведь разум есть познание божественного творения...

Но вообще следует заметить, что существует и нечто высшее по сравнению с тем, что имеет в мире право на существование, как нечто благородное и прекрасное. Право мирового духа выше всех частных прав...

Дух по существу есть результат своей деятельности: его деятельность есть выход за непосредственность, отрицание ее и возвращение в себя. Мы можем сравнить его с семенем: ведь с него начинается растение; но и оно есть результат всей жизни растения. Но бессилие жизни проявляется и в том, что начало и результат не совпадают; то же наблюдается и в жизни индивидуумов и народов. Жизнь народа ведет к созреванию плода, так как его деятельность клонится к тому, чтобы осуществить его принцип. Однако этот плод не падает обратно в недра того народа, который его породил и дал ему созреть, наоборот, он становится для него горьким напитком. Он не может отказаться от него, потому что он бесконечно жаждет его, однако отведывание напитка есть его гибель, но в то же время и появление нового принципа.

Мы дали выше разъяснения относительно конечной цели этого движения вперед. Принципы духов народов в необходимом преемстве сами являются лишь моментами единого всеобщего духа, который через них возвышается и завершается в истории, постигая себя и становясь всеобъемлющим.

№2. В чем заключается основная идея материалистического понимания истории? Насколько она, по вашему мнению, верна? Какие способы производства выделяет Карл Маркс? Какой способ производства у нас в стране?

Карл Маркс «К критике политической экономии». В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или - что является только юридическим выражением последних - с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче - от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном чело-

веке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества...

Карл Маркс, Фридрих Энгельс «Немецкая идеология». Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это - производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно - уже для одного того, чтобы люди могли жить...

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии - вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства - шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им жизненные средства, люди косвенным образом производят и саму свою материальную жизнь. Способ, каким люди производят необходимые им жизненные средства, зависит прежде всего от свойств самих жизненных средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению.

Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это - определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством - совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят. Что представляют собой индивиды - это зависит, следовательно, от материальных условий их производства. Это производство начинается впервые с ростом населения. Само оно опять-таки предполагает общение [Verkehr] индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обусловливается производством...

Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае - на опыте и без всякой мистификации и спекуляции - выявить связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов - не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они *в действительности*, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя при наличии определенных материальных, не зависящих от их произвола границ, предпосылок и условий. Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание [das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewusste Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, - мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание.

При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как *их* сознание...

Эта концепция показывает, что история не растворяется в «самосознании», как «дух от духа», а что каждая её ступень застаёт в наличии определённый материальный результат, определённую сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определённое развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства...

Карл Маркс «Ниццета философии». Предположим вместе с г-ном Прудоном, что действительная история, история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма - XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежал веку, а век принципу. Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю. Но если, - чтобы спасти как принципы, так и историю, - мы спросим себя, далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырьё; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале...

С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов...

Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю...

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Разве это не означает, что способ производства, те отношения, в рамках которых развиваются производительные силы, менее всего являются вечными законами, а соответствуют определенному уровню развития людей и их производительных сил, и что всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях. Так как важнее всего не лишиться плодов цивилизации - приобретенных производительных сил, то надо разбить те традиционные формы, в которых они были произведены. С этого момента прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата феодальных времен. В ходе своего исторического развития буржуазия неизбежно развивает свой антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой; что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, т. е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата...

Фридрих Энгельс «Письмо Энгельс – Блоху, 21 сентября 1890 г.». Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение

всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени.

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую...

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее...

Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определенным образом ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, – опять-таки, в конечном счете, экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится – более или менее удачная, но с течением времени находит. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т.д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Мишель, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это открытие должно было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

№3. Что такое метаистория? С каким типом времени она связана? На какую теорию бытия опирается концепция метаистории?

Николай Александрович Бердяев «Опыт эсхатологической метафизики». Философия истории есть прежде всего философия времени. Мы воспринимаем историю как течение времени - эпохи, десятилетия, столетия, тысячелетия. Но в том ли самом времени происходят события истории, в каком происходят явления природы? От нагревания расширилось какое-либо тело, произошло соединение химических элементов, выделилась желчь или началась Пелопонесская война, Лютер прибил свои тезисы, была разрушена Бастилия. Это - ряд событий, в которых время имеет иное значение и разное отношение к смыслу... Есть время космическое, время историческое и время экзистенциальное. Время космическое исчисляется математически по движению вокруг солнца, с ним связаны календари и часы, оно символизируется круговоротом. Время историческое как бы вставлено во время космическое, и оно может исчисляться математически по десятилетиям, столетиям, тысячелетиям, но в нем каждое событие неповторимо и оно символизируется линией, устремленной вперед, к грядущему, к новизне. Время экзистенциальное не исчисляется математически, его течение зависит от напряженности переживаний, от страдания и радости, в нем происходит творческий подъем и бывают экстазы, оно более всего символизируется точкой, говорящей о движении вглубь. История происходит в своем историческом времени, но она не может ни в нем остаться, ни в нем кончиться. История выходит или во время космическое, это утверждает натурализм и он соглашается на окончательную объективацию человеческого существования, человек оказывается лишь подчиненной частью мирового природного целого, или во время экзистенциальное, и это означает выход из царства объективации в духовный план. Экзистенциальное время, известное по опыту всякому человеку («счастливые часов не наблюдают»), свидетельствует о том, что время - в человеке, а не человек во времени и что время зависит от изменений в человеке. На большей глубине мы знаем, что временная жизнь совершается в вечности. Развитие духа в истории - сверхвременно. Гегель думает, что в историчности дух преодолевает историю, осуществляет вечность, но он не понимает трагедии истории. В экзистенциальном времени, которое ближе к вечности,

нет различия между будущим и прошлым, концом и началом. В нем происходит вечное свершение мистерии духа. Вследствие событий, происходящих в экзистенциальном времени, в истории есть развитие, обогащение и есть возврат к чистым истокам. Периодически раскрываются чистые ключи, бьющие из экзистенциальных недр. И получается иллюзия перенесения откровения вечного в древнее прошлое. Время не есть образ вечности (Платон, Плотин), а распад вечности. Космическое и историческое время не походит на вечность. Но вместе с тем христианство дает смысл времени, истории во времени. История во времени есть путь человека к вечности, в ней накапливается обогащающий опыт человека. Но совершенно невозможно мыслить ни творения мира во времени, ни конца мира во времени. В объективированном времени нет ни начала, ни конца, а лишь бесконечная середина. Начало и конец - в экзистенциальном времени. Кошмарное учение о предопределении возможно было лишь благодаря ложному, иллюзорному пониманию объективированного времени. На этой же почве возникает и учение о вечных адских муках. Все это есть выбрасывание вовне, в объектность событий, происходящих в экзистенциальном времени. Вечная судьба человека не есть судьба в бесконечном времени, она разрешается через конец времени. Глубоким является учение о предсуществовании, ибо оно основано на памяти об экзистенциальном времени.

Идея прогресса имеет мессианскую основу и без нее превращается в идею естественной эволюции. Суждение о ценности связано с этой мессианской основой, а не с естественной эволюцией, которая может вести к дурному и нежеланному. Прогресс должен иметь конечную цель, и в этом он эсхатологичен. Но исторический прогресс заключает в себе непреодолимое противоречие, неразрешимое внутри его. Противоречие это связано с тем, что человек есть существо историческое, лишь в истории осуществляющее полноту своего существования, и вместе с тем есть непреодолимое в пределах истории столкновение человеческой личности и истории. Человек вкладывает в историю свою творческую силу и делает это с энтузиазмом. История же не хочет знать человека, пользуется им как материалом для нечеловеческого строительства, имеет свою нечеловеческую и античеловеческую мораль. И история есть жестокая борьба людей, классов, наций и государств, вероисповеданий и идеологий. Она движется ненавистью, и с остротой ненависти связаны наиболее динамические ее моменты. Эта безумная борьба ведется людьми во имя исторических целей, но она жестоко ранит человеческую личность, причиняя ей непомерные страдания. В сущности, история делалась, как преступление. И вместе с тем мы не можем сбросить с себя тысячелетнюю историю, не можем перестать быть историческими существами. Это был бы слишком легкий выход. Но нельзя видеть в истории прогрессивное торжество разума. Герой «Записок из подполья» у Достоевского говорит: «однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся, и прежде дрались, - согласитесь, что это даже уж слишком однообразно. Одним словом, все можно сказать о всемирной истории, все, что только самому расстроенному воображению может в голову прийти. Одно только нельзя сказать, - что безразумно». С этим связана основная тема Достоевского: о своеволии человека и о мировой гармонии. Своеволие человек ставит выше благополучия. Человека терзает воля к могуществу и к принудительному мировому единству. Человек терзает себя и других иллюзорными целями исторической мощи и величия. Образование и разрушение царств - одна из главных целей истории. Об этом говорится в первой философии истории - в книге Даниила, - и там прогревается судьба царств. Все могущественные и великие царства, во имя создания которых принесены неисчислимые человеческие жертвы, обречены на гибель и погибли. Погибли все древние восточные империи, погибла империя Александра Македонского, который знал об этом в час своей смерти, погибла Римская империя, погибла Византийская империя, рухнули все теократии, и мы присутствовали при гибели Российской империи. И так же погибнут все империи, которые будут созданы. Царство кесаря и слава его быстро проходят. История предполагает свободу человека. Детерминизм природы не может быть перенесен на историю. Это глубоко понимал Достоевский, глубже всех. История предполагает свободу человека, и она отрицает и попирает свободу человека, почти не дает ему свободно передохнуть. Трагедия и мука истории суть прежде всего трагедия и мука времени. История имеет смысл только потому, что она кончится. Смысл истории не может быть имманентным, он лежит за пределами истории. Прогресс, который имеет обыкновение жертвовать всяким живущим человеческим поколением и всякой живущей человеческой личностью во имя грядущего совершенства, которое превращается в вампира, приемлем лишь в том случае, если будет конец истории, и в этом конце результатами истории воспользуются все прошлые поколения, всякая человеческая личность, жившая на земле. Исторический пессимизм в значительной степени прав, исторический оптимизм не имеет эмпирических оснований. Но окончательная истина лежит по ту сторону пессимизма и оптимизма. Все восходит к тайне отношения между временем и вечностью. Есть мгновения приобщения к вечности. Эти мгновения проходят, и я вновь впадаю во время. Но проходит не это мгновение, прохожу я в своей падшей овременности, мгновение же остается в вечности. Задача, стоящая передо мной, в том, чтобы целостная личность вошла в вечность, а не разорванные ее части.

В истории мира действуют три силы - Бог, рок и свобода человека. И потому так сложна история. Если бы действовал только Бог или только свобода человека, то этой сложности не было бы. Ошибочно думать, что христианство должно отрицать рок. Христианство признает победимость рока. Христос победил неотвратимый рок. Но рок победим лишь во Христе. Те же, которые вне Христа и против Христа, подчиняют себя власти рока. И страшная власть рока действует в истории народов, обществ, государств. Рок действует в образовании великих империй и в их разрушении, в революциях и контрреволюциях, в сумасшедшей погоне за богатством и в разорениях, в соблазненности наслаждениями жизни и в непомерных страданиях. Рок превращает личность человека в игральное поле иррациональных сил истории. Гегелевская хитрость разума есть рок. Роковыми оказываются и силы иррациональные и силы рационализирующие. Роковой оказывается сила техники, созданная человеческим разумом для роста человеческого могущества. В известные времена своей истории народы особенно подпадают власти рока, ослабляется действие свободы человека и переживается богооставленность. Это очень чувствуется в судьбе русского народа, в судьбе германского народа. Это - судьбы, наиболее значительные в настоящую историческую эпоху. Богооставленность, сопровождающуюся и ослаблением свободы, переживают и отдельные люди, и целые народы. Смысл истории неуловим и необъясним в ее объек-

тивации, ибо в перспективе объективации закрывается конец истории. При натуралистическом взгляде на историю можно только говорить о молодости и старости народа, но нельзя говорить о прогрессе. Высшей целью может быть признано лишь переживание подъема сил молодости. Есть смена сравнительной грубости и примитивности жизненного подъема народов и утонченной и усложненной упадочности. Существуют бесконечные возможности развития в человеческом мире по сравнению с миром животным, хотя это не касается органического, биологического развития, где есть скорее регресс. В человеке есть вечное начало, и этим определяется его судьба. Но человек не есть неизменная величина в истории. Человек изменяется в истории, переживает новый опыт, усложняется, развертывается. Есть развитие человека, но оно не происходит по прямой восходящей линии. Роль свободы разная в исторической судьбе человека. И нельзя сказать, вслед за Гегелем, что в истории есть поступательное развитие к свободе! Может развиваться небывалая свобода человека, но и небывалое рабство его. За феноменами истории действуют нумеральные реальности, и потому только возможна свобода и возможно развитие. За историей скрыта метаистория, и нет абсолютной изоляции плана исторического от плана метаисторического. За происходящим в историческом времени скрыто происходящее в экзистенциальном времени. Явление Христа-Освободителя есть явление метаисторическое, и оно произошло во времени экзистенциальном. Но в этом центральном мессианском явлении метаистория прорывается в историю, хотя и воспринимается ею в замутненной среде. Не только это центральное смысловое событие было метаисторическим. Метаисторический элемент, не объяснимый детерминизмом истории, есть и во всяком явлении творческого гения, всегда таинственном, во всяком подлинном освобождении от детерминирующей власти феноменального мира. Метаисторическое приходит из мира нумерального в этот объектный мир и переворачивает его. Настоящая глубокая революция в истории мира есть революция нумеральная, но она захлестывается страшным детерминизмом мира феноменального. История христианства стоит под этим знаком. Революция духа не удалась в истории, и потому неизбежен переход к эсхатологическому христианству. Но в эсхатологическом христианстве есть обратное действие на историческое прошлое, действие воскрешающее.

Сергей Николаевич Булгаков «Апокалиптика и социализм». Апокалипсис по своей задаче отнюдь не представляет собой социологического обобщения и символического изображения хода исторических событий, как они доступны нашему опыту. Апокалипсис не есть ни социология, ни философия истории в смысле обобщенного и символизированного в понятиях изображения исторических событий, как это можно сказать про большинство иудейских апокалипсисов. Предмет Апокалипсиса есть метаистория, нумеральная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история. Это - историческая онтология, в которой раскрывается внутренний механизм мирового и исторического процесса. Апокалипсис есть откровение не столько о будущем, сколько о подлинно существующем во вневременных глубинах бытия и соответственно созреванию раскрывающемся в истории. Откровение нужно не только для проникновения в будущее, но и для проникновения через кору феноменов в область нумеров. События Апокалипсиса готовятся и развертываются в двух мирах, на небе и на земле, в мире сил духовных и в человеческой истории, причем почти непроницаемая перегородка, разделяющая для нас в теперешнем состоянии оба мира, не существует для тайновидца, прозирающего за этими событиями порождающие их духовные силы. В центре внимания при этом изображении остаются судьбы Церкви, и притом не в земной только истории, но и за ее пределами. Эта метэмпирическая мировая трагедия выражена символами, нередко заимствованными из ходячего апокалиптического лексикона, и по характеру предмета они и не могут быть нами поняты до конца, но лишь намекают на стоящее за ними содержание, которое усваивается не только соответственно историческому возрасту эпохи, но и личному религиозному возрасту. Ибо эти же духовные силы, раздирающие мир своим противоборством, опознаются и в личном религиозном опыте, и в этом смысле можно сказать, что и индивидуальная душа имеет свой личный Апокалипсис.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

№1. В чем различие между культурой и природой? Объективна культура или субъективна?

Генрих Риккерт «Науки о природе и науки о культуре». Слова «природа» и «культура» далеко не однозначны, в особенности же понятие природы может быть точнее определено лишь через понятие, которому его в данном случае противопоставляют. Мы лучше всего избежим кажущейся произвольности в употреблении слова «природа», если будем сразу придерживаться первоначального его значения. Продукты природы - то, что свободно произрастает из земли. Продукты же культуры производит поле, которое человек ранее вспахал и засеял. Следовательно, природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности.

Как бы широко мы ни понимали эту противоположность, сущность ее останется неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком *ценности*, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям, а если оно и на самом деле есть не что иное, как природа, то и должно быть рассматриваемо таким образом. В объектах культуры, следовательно, заложены ценности. Мы назовем их поэтому *благами* (Güter), для того чтобы таким образом отличить их как ценные части действительности от самих ценностей, как таковых, которые не представляют собой действительности и от которых мы здесь можем отвлечься. Явления природы мыслятся не как блага, а вне связи с ценностями, и если поэтому от объекта культуры отнять всякую ценность, то он точно так же станет частью простой природы. Благодаря такому либо суще-

ствующему, либо отсутствующему отнесению к ценностям мы можем с уверенностью различать два рода объектов и уже потому имеем право делать это, что всякое явление культуры, если отвлечься от заложенной в нем ценности, должно быть рассмотрено как стоящее также в связи с природой и, стало быть, как составляющее часть природы.

Что же касается рода ценности, превращающей части действительности в объекты культуры и выделяющей их этим самым из природы, то мы должны сказать следующее. О ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только что они значат (gelten) или не имеют значимости. Культурная ценность или фактически признается общезначимой, или же ее значимость и тем самым более чем чисто индивидуальное значение объектов, с которыми она связана, постулируется по крайней мере хотя бы одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле этого слова, речь здесь должна идти не об объектах простого желания (Begehren), но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем, или по какому-либо другому основанию. Этим самым мы отделяем объекты культуры как от того, что оценивается и желается только инстинктивно (triebartig), так и от того, что имеет ценность блага, если и не на основании одного только инстинкта, то благодаря прихотям настроения...

Явления культуры должны быть рассматриваемы не только по отношению к ценности, но также и по отношению к оценивающему их психическому существу, потому что ценности оцениваются только психическим существом, - обстоятельство, благодаря которому психическое вообще рассматривается как нечто более ценное по сравнению с телесным. Так что на самом деле существует связь между противоположением природы и культуры, с одной стороны, и природы и духа - с другой, поскольку в явлениях культуры, представляющих собою блага, всегда должна участвовать оценка, а потому вместе с ней и духовная жизнь.

Георг Зиммель «Понятие и трагедия культуры». В этом-то наконец и проявляется обусловленность культуры, обусловленность, посредством которой культура представляет собой разрешение субъект-объектного уравнения. Мы отказываемся признавать ее наличие там, где совершенство не воспринимается в качестве самостоятельного развития душевного центра; однако она не имеет места также и там, где присутствует в качестве исключительно такого самостоятельного развития, которое не нуждается ни в каких внешних для нее самой средствах и этапах развития. В самом деле, многообразны движения, ведущие душу к ней самой, как того требует соответствующий идеал, т.е. к осуществлению предопределенного для нее, однако первоначально наличного в качестве одной только возможности полного и в высшей степени собственного ее бытия. Однако постольку или в меру того, как она достигает этого чисто внутренним образом: в религиозных порывах, нравственной самоотдаче, господствующей интеллектуальности, гармонии целостной жизни - она может быть все же лишена специфического обладания культурностью...

Однако культурность в ее чистейшем, глубочайшем смысле не имеет места там, где душа преодолевает этот свой путь от себя самой к себе же самой, от своих возможностей к своей действительности - исключительно посредством своих субъективных личностных сил, пусть даже с наиболее возвышенной точки зрения именно эти ее достижения и являются наиболее ценными... Но специфический смысл культуры оказывается выявленным лишь там, где человек в ходе этого развития овладевает чем-то для него внешним, где путь души пролегает через ценности и последовательности, не являющиеся субъективно-душевыми. Те объективные духовные образования, о которых я говорил вначале: искусство и мораль, наука и целесообразно созданные предметы, религия и право, техника и общественные нормы, - все это этапы, через которые должен пройти субъект, чтобы приобрести особую самоценность, называемую его культурой. Парадокс культуры состоит в том, что субъективная жизнь, которую мы ощущаем в ее непрерывном потоке и которая сама по себе стремится к достижению своего внутреннего совершенства, совершенно не в состоянии, если смотреть на это с точки зрения культуры, достичь этого совершенства сама по себе, но лишь посредством этих совершенно для нее чужеродных, кристаллизировавшихся до состояния самодостаточной замкнутости форм. Культура возникает тогда (и этот момент является определяющим для ее понимания), когда встречаются два элемента, каждый из которых не содержит ее сам по себе: субъективная душа и объективное духовное произведение... Тут имеет место объективация субъекта и субъективизация объективного, что и составляет специфический момент культурного процесса.

№2. Правильно ли указаны С. Хантингтоном отличительные черты Запада? Чем отличается Россия и Запад, если сопоставить их по данным чертам?

Самюэль Хантингтон «Столкновение цивилизаций».

Каковы же были эти отличительные черты западного общества, которыми оно обладало в течение сотен лет до его модернизации? Ответы на этот вопрос, которые предоставили нам различные исследователи, расходятся в деталях, но сходятся в определении ключевых институтов, обычаев и убеждений, которые можно по праву назвать стержневыми для западной цивилизации. Их список приводится ниже.

АНТИЧНОЕ (КЛАССИЧЕСКОЕ) НАСЛЕДИЕ

Запад как цивилизация третьего поколения многое унаследовал от предыдущих цивилизаций. Особенно это касается античной цивилизации. Запад унаследовал от античной цивилизации многое, включая греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство. Исламская и православная цивилизации также получили наследство от античной цивилизации, но в значительно меньшей мере, чем Запад.

КАТОЛИЦИЗМ И ПРОТЕСТАНТСТВО

Западное христианство, сначала католицизм, а затем католицизм и протестантство, — это, несомненно, самая важная историческая особенность западной цивилизации. В течение большей части первого тысячелетия то, что сейчас известно как западная цивилизация, называлось западным христианством. Среди народов западного христианства существовало хорошо развитое чувство единства; люди осознавали свои отличия от турок, мавров, византийцев и других народов, и жители Запада шли завоевывать мир в шестнадцатом веке не только во имя золота, но и во имя Бога.

Реформация и Контрреформация, а также разделение западного христианства на протестантство на севере и католицизм на юге также оказали влияние на западную историю, которая абсолютно отличается от восточного православия и весьма далека от латиноамериканского опыта.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Язык как фактор определения людей одной культуры уступает только религии. *Запад*, отличается от большинства остальных цивилизаций своим многообразием языков. Японский, мандаринский, русский и даже арабский признаны стержневыми языками своих цивилизаций. Запад унаследовал латынь, но появилось множество народов, а с ними и национальных языков, которые объединены в широкие категории романских и германских. К шестнадцатому веку эти языки, как правило, уже приобрели свою современную форму.

РАЗДЕЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В течение всей западной истории сначала церковь вообще, затем многие церкви существовали отдельно от государства. Бог и кесарь, церковь и государство, духовные и светские власти - таков был преобладающий дуализм в западной культуре. Только в индусской цивилизации было столь же четкое деление на религию и политику. В исламе Бог - это кесарь; в Китае и Японии кесарь - это Бог, в православии кесарь - младший партнер Бога. Это разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой из цивилизаций не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе.

ГОСПОДСТВО ЗАКОНА

Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны были применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (шестнадцатый—семнадцатый века) торжество права наблюдалось скорее в *нарушении* закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* [Не под человеком, но под Господом и законом]. Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против применения деспотической власти. В большинстве других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Исторически западное общество было в высшей степени плюралистичным. Как пишет Дойч, Запад отличается от того, что там «возникли и продолжают существовать разнообразные автономные группы, не основанные на кровном родстве или узах брака». Начиная с седьмого - восьмого веков эти группы сначала включали в себя монастыри, монашеские ордена и гильдии, затем они расширились и к ним во многих регионах Европы присоединилось множество союзов и сообществ. Помимо этого союзного плюрализма существовал плюрализм классовый. В большинстве европейских обществ были относительно сильная и автономная аристократия, крепкое крестьянство и небольшой, но значимый класс купцов и торговцев. Сила феодальной аристократии была особенно значима в сдерживании тех пределов, в которых смог прочно укорениться среди европейских народов абсолютизм. Этот европейский плюрализм резко контрастирует с бедностью гражданского общества, слабостью аристократии и силой централизованных бюрократизированных империй, которые одновременно существовали в России, Китае и на Османских землях, а также в других не-западных обществах.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Социальный плюрализм рано дал начало сословиям, парламентам и другим институтам, призванным выражать интересы аристократов, духовенства, купцов и других групп. Эти органы обеспечили формы представительства, которые во время модернизации развились в институты современной демократии. В некоторых случаях во времена абсолютизма эти органы были запрещены или их власть существенно ограничили. Однако даже когда это происходило, они могли, как во Франции, возрождаться вновь, чтобы стать средством для возросшего политического участия народа. Ни одна другая современная цивилизация не имеет даже сравнимой тысячелетней истории в области представительных органов. На местном уровне начиная с девятого века также *стали* возникать органы самоуправления, сначала в итальянских городах, а затем они распространились на север, «заставляя епископов, местных баронов и других представителей знати делиться властью с гражданами и в конце концов уступать им» [32]. Таким образом, представительство на национальном уровне дополнялось значительной автономией на местном, чего не было в других регионах мира.

ИНДИВИДУАЛИЗМ

Многие из перечисленных выше отличительных черт западной цивилизации способствовали возникновению чувства индивидуализма и традиции индивидуальных прав и свобод, не имеющих равных среди цивилизованных обществ. Индивидуализм развился в четырнадцатом - пятнадцатом веках, а принятие права на индивидуальный выбор - то, что Дойч назвал «революцией Ромео и Джульетты», - доминировало на Западе уже к семнадцатому веку. Даже призывы к *равным* правам для всех индивидуумов - «у самого последнего бедняка в Англии такая же жизнь, как у первейшего богача» - были слышны повсюду, если не повсеместно приняты. Индивидуализм остается отличительной чертой Запада среди цивилизаций двадцатого века. В одном анализе, который сравнивал одинаковые показатели в пятидесяти странах, двадцать государств с наибольшим показателем индивидуализма включали все западные страны, кроме Португалии и Израиля. Автор другого межкультурного исследования индивидуализма и коллективизма также подчеркнул преобладание индивидуализма на Западе и превалирование коллективизма во всех других культурах и пришел к выводу, что «ценности, которые наиболее важны на Западе, менее важны во всем мире». Снова и снова жители Запада и не-Запада указывают на индивидуализм как на центральную отличительную черту Запада.

Приведенный выше список не ставит своей целью полное перечисление отличительных характеристик западной цивилизации. Не означает он также, что эти характеристики всегда и повсеместно присутствовали в западном обществе. Очевидно, что они порой отсутствовали: многие деспоты в западной истории регулярно игнорировали господство закона и распускали представительные органы. Не утверждается и того, что ни одна из этих характерных черт не проявлялась в других цивилизациях. Очевидно, они имеют место: Коран и *шариат* составляют основополагающий закон для исламских государств; в Японии и Индии существуют классовые системы, весьма схожие с сословиями Запада (возможно, в результате этого только эти две основные не-западные цивилизации могут выдержать демократическое правительство в течение любого времени). По отдельности ни один из этих факторов не был уникален для Запада. Однако их сочетание было уникально, и это дало Западу его отличительные особенности. Эти концепции, принятые практики и общественные институты просто были более широко распространены на Западе, чем в других цивилизациях. Они - то, что сделало Запад Западом, причем уже давно. И они же во многом стали факторами, которые позволили Западу занять ведущую роль в модернизации самого себя и всего мира.

№3. Какова основная идея О. Шпенглера? Подтверждают или опровергают эту идею факты, изложенные в тексте Р. Генона?

Освальд Шпенглер «Закат Европы». Но у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей. «Человечество» - пустое слово. Стоит только исключить этот фантом из круга проблем исторических форм, и на его месте перед нашими глазами обнаружится неожиданное богатство настоящих *форм*. Тут необычайное обилие, глубина и разнообразие жизни, скрытые до сих пор фразой, сухой схемой или личными «идеалами». Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории, держаться за которую можно только закрывая глаза на подавляющее количество противоречащих ей фактов, я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал - человечество - свою *собственную* форму и у каждой своя *собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь*, желания и чувствования и, наконец, *собственная смерть*. Вот краски, свет, движение, каких не открывал еще ни один умственный глаз. Есть расцветающие и стареющие культуры, народы, языки, истины, боги, страны, как есть молодые и старые дубы и пинии, цветы, ветки и листья, но нет стареющего человечества. У каждой культуры есть свои собственные возможности, выражения, возникающие, зреющие, вянущие и никогда вновь не повторяющиеся. Есть многочисленные, в самой своей сути друг от друга отличные, пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной жизненной длительностью, каждая замкнутая в себе, подобно тому как у каждого вида растений есть свои собственные цветы и плоды, свой собственный тип роста и смерти. Культуры эти, живые существа высшего порядка, вырастают со своей возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мировой природе Ньютона. Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм. А присяжный историк видит в ней подобие какого-то ленточного червя, неутомимо наращивающего эпоху за эпохой...

Таким образом, каждая из великих культур обладает тайным языком мироощущения, вполне понятным только тому, чья душа принадлежит к этой культуре. Не будем заблуждаться. Мы можем, пожалуй, случайно прочесть немного в античной душе, чей язык форм представляет приблизительно полную противоположность западному; с очень трудного вопроса о том, в какой мере это возможно и было достигнуто, приходится начинать всякую критику Ренессанса. Но когда мы слышим, что - по всей вероятности, размышление о столь гетерогенных проявлениях бытия при всяких обстоятельствах останется в высшей степени сомнительной попыткой - древние индийцы обладали представлением чисел, которые, по нашему понятию, не имеют ни значимости, ни величины, ни качеств, выражающих отношения, которые становились положительными, отрицательными, большими, малыми единствами лишь на основании положения, на основании известных сторонних признаков, - то и мы должны сознаться, что наше мышление лишено возможности точно пережить душевный склад, лежащий в основе этого числового феномена. Так, 3 для нас постоянно есть нечто, будь то положительное или отрицательное; для греков оно было непременно величиной + 3; для индийца оно означает лишенную сущности возможность, для которой слово «нечто» *еще не имеет значения*, по ту сторону бытия и небытия, которые со своей стороны суть только случайные признаки. Плюс — 3, 1/3 суть эманулирующие действительности низшего порядка, заключенные совершенно непонятным для нас образом в загадочной субстанции (3). Нужно иметь *браминскую* душу, чтобы воспринимать эти числа как само собой понятное, как идеальных представителей завершенной в себе формы мира; Для нас это так же непонятно, как нирвана системы йогов, которая находится по ту сторону жизни и смерти, сна и созерцания, страдания, сострадания и бесстрастности, и все же представляет собою некоторую действительность, для выражения которой у нас даже нет нужных слов. Только из этой духовной стихии могла возникнуть грандиозная концепция, трактующая ничто как некоторое настоящее число, а именно концепция нуля, и именно индийского нуля, для которого «обладающее сущностью» и «лишенное сущности» одинаково внешние обозначения. Этот нуль, быть может наводящий на догадки об индийской идее протяженности, о трактуемой в «Упанишадах» совершенно чуждой нашему чувству пространства пространственности мира, конечно, был совершенно чужд античности. Совершенно преобразовавшийся по пути через арабскую математику, он был впервые введен в 1544 г. у нас Штифелем, причем сущность его принципиально изменилась, и он занял середину между плюс 1 и минус 1, сделавшись разрезом линейной числовой непрерывности, т.е. он был ассимилирован западным миром чисел в совершенно неиндийском смысле.

Рене Генон «Влияние исламской цивилизации на Европу». Большинство европейцев неспособно ни в должной мере оценить всю важность вклада, полученного ими от исламской цивилизации, ни осмыслить суть этих заимствований, а кое-кто не имеет обо всем этом даже приблизительного понятия. Подобное положение дел объясняется тем, что

исторические дисциплины, в том виде, в каком они преподаются, привыкли не только произвольно истолковывать факты, но и намеренно искажать их. Эта система образования кичится своим пренебрежительным отношением к исламской цивилизации и старается при каждом удобном случае умалить ее заслуги. Курсы истории, читаемые в европейских университетах, ни в коей мере не отражают влияния, о котором идет речь. То, что следовало бы всячески распространять как в устной, так и в письменной форме, систематически замалчивается, особенно когда речь идет о наиболее важных исторических проблемах.

Общеизвестно, например, что Испания в течение нескольких веков жила по законам Ислама, однако никогда не говорится, что так обстояло дело и в других областях Европы, скажем, в Сицилии и южной части теперешней Франции. В прошлом это умолчание еще можно было как-то объяснить наличием определенных религиозных предрассудков. Но что сказать о современных историках, в большинстве своем людях безрелигиозных, а то и противниках любой религии, когда они спешат подхватить лживые домыслы своих предшественников?

Причины всего этого следует искать в гордыне и самомнении европейцев, мешающих им осознать всю важность вклада, полученного с Востока. Поразительнее всего в этом отношении то, что они мнят себя прямыми наследниками эллинской цивилизации, хотя факты полностью опровергают подобные притязания. История со всей очевидностью установила, что греческая наука и философия дошли до европейцев через мусульманских посредников. Иначе говоря, духовное наследие эллинов было воспринято Европой лишь после того, как его серьезнейшим образом изучили и усвоили на Ближнем Востоке; не будь исламских ученых и философов, европейцы еще долго пребывали бы в полном незнании этого наследия, а может быть, так никогда и не познакомились бы с ним.

Следует заметить, что речь здесь идет о влиянии исламской цивилизации в целом, а не только ее арабской ветви, как это нередко понапрасну утверждается. Ведь большинство из тех, кто служил проводником этого влияния на Западе, не принадлежало к арабской расе и пользовалось арабским языком лишь вследствие того, что приняло религию Ислама.

Поскольку мы упомянули об арабском языке, приведем еще одно доказательство распространения мусульманского влияния на Западе: оно заключается в куда более широком, чем принято считать, заимствовании арабских терминов и корней, которые вошли почти во все европейские языки и используются вплоть до теперешнего дня, хотя большинство европейцев и не подозревают об их истинном происхождении. А поскольку слова являются не чем иным, как переносчиками идей и средством передачи мыслей, нетрудно понять, что этот факт свидетельствует о передаче самих исламских идей и понятий.

Обширное влияние исламской цивилизации явственно ощущалось во всех областях жизни, в науке, в искусствах, философии и т.д. В свое время важнейшим оплотом и основным центром распространения этой цивилизации была Испания...

Возьмем проблему наук -как естественных, так и математических. Можно с уверенностью сказать, что некоторые из естественных отраслей знания были в полном объеме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих пор сохранила свое арабское наименование, восходящее, как известно, к древнему Египту, несмотря на то, что первоначальный и углубленный смысл этой науки стал совершенно недоступен нашим современникам и, можно сказать, навсегда утрачен для них.

Или астрономия. Соответствующие ей технические термины во всех европейских языках по большей части свидетельствуют об их арабском происхождении; названия большинства небесных тел тоже звучат по-арабски в устах астрологов всего мира. Это объясняется тем, что труды античных астрономов, таких как Птолемей Александрийский, стали известны в Европе только благодаря арабским переводам и сочинениям их мусульманских последователей. Столь же легко можно было доказать, что большинство географических знаний, касающихся наиболее отдаленных краев Азии или Африки долгое время добывалось исключительно арабскими путешественниками, посещавшими эти края; подобные факты можно умножать до бесконечности. Относительно многих изобретений, являющихся всего-навсего прикладной стороной естественных наук, можно сказать, что и они попадали в Европу через мусульманских посредников; достаточно вспомнить хотя бы о знаменитых водяных часах, подаренных Карлу Великому халифом Харуном эль-Рашидом.

Что же касается математических наук, то им в этой связи следует уделить особое внимание. Дело в том, что данные, относящиеся к этой обширной области знания, полученные на Западе от арабской цивилизации, происходили не только из древнегреческих, но и из индийских источников. Греки, как известно, особенно преуспели в развитии геометрии, так что даже арифметика у них была прежде всего связана с рассмотрением соответствующих геометрических фигур. Предпочтение, отдаваемое геометрии, особенно видно на примере Платона. Существует, однако, раздел математики, родственной арифметике, который, в противоположность остальным ее разделам неизвестен в европейских языках под греческим названием по той причине, что сами древние греки не имели о нем понятия. Раздел этот именуется алгеброй и берет свое начало в Индии, а его арабское название ясно показывает, каким образом он попал на Запад.

Еще один факт, который, несмотря на его меньшее значение, уместно здесь привести, послужит лишним подтверждением всего вышесказанного: употребляемые европейцами цифры повсюду известны под именем арабских, на самом же деле они индийского происхождения, поскольку знаки нумерации, использовавшиеся арабами, были не чем иным, как буквами алфавита.

Перейдя от наук к искусствам, заметим, что многие из идей, порожденных мусульманскими писателями и поэтами, развивались в свое время и в европейской литературе, причем иные из западных авторов не гнушались простым подражанием. Следы исламского влияния можно проследить в архитектуре, причем особенно отчетливо они проявляются в Средние века; так стрельчатый, или готический свод, давший название целому архитектурному стилю, несомненно берет свое начало из арабской архитектуры, хотя многочисленные надуманные теории стараются всячески

опровергнуть эти истины. Теории эти противоречат традиции самих европейских строителей, утверждающей, что их знания были получены ими с Ближнего Востока.

Эти знания, носившие тайный характер, облекали их искусство символическим смыслом; они были тесно связаны с наукой чисел и неизменно возводились к тем зодчим, которые строили храм царя Соломона.

Каково бы, впрочем, ни было происхождение этих знаний, они не могли попасть в Европу иначе, чем через посредство мусульманского мира. По этому поводу уместно заметить, что члены зодческих корпораций, придерживавшихся специальных обрядов, ощущали и именovali себя "чужаками", даже находясь в своей родной стране, и это само их название сохранилось до наших дней, хотя происхождение его покрыто мраком и понятно лишь узкому кругу людей.

В этом беглом изложении следовало бы особо упомянуть еще одну область - область философии, в которой исламское влияние было в Средние века столь значительным, что ни один из ярких противников Востока не смог бы отрицать его силу. Можно со всей уверенностью сказать, что в ту пору в Европе не существовало иных путей знакомства с греческой философией: бывшие тогда в ходу латинские переводы Платона и Аристотеля делались не непосредственно с греческих оригиналов, а с арабских переводов, к которым прилагались комментарии тогдашних мусульманских философов, таких как Аверроэс, Авиценна и т.д.

Средневековая философия, известная под именем схоластики, делилась на мусульманскую, иудейскую и христианскую. Но именно мусульманская ее отрасль являлась истоком двух остальных, и в особенности иудейской, которая процветала тогда в Европе на основе арабского языка, как о том можно судить, например, по важнейшим трудам Мусы ибн-Маймуна, вдохновившим последующую иудейскую философию на целые столетия, вплоть до Спинозы, у которого еще прослеживаются некоторые идеи ибн-Маймуна.

Вряд ли необходимо продолжать перечисление подобных фактов, известных каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей философии. Предпочтительней напоследок обратить внимание на вещи совершенно иного порядка, абсолютно неизвестные современникам, особенно европейцам, тогда как с нашей точки зрения они представляют куда больший интерес, нежели все внешние познания в области науки и философии. Мы имеем в виду эзотеризм вкупе со всем, что к нему относится и из него проистекает, образуя совокупность наук, не имеющих ничего общего с теми, что известны людям современности.

В сущности, в теперешней Европе не сохранилось ничего, что могло бы напомнить об этих науках; более того, Запад и понятия не имеет об истинных знаниях, каковыми являются эзотеризм и его аналогии, тогда как в Средние века все обстояло совершенно иначе; в данной области, как и в других, исламское влияние сказывалось в ту пору самым ясным и очевидным образом. Следы этого влияния легко прослеживаются в тех многозначных произведениях, чья истинная цель не сводится к чисто литературным упражнениям.

Некоторые из европейских исследователей, занимающиеся, в частности, изучением Данте, начинают догадываться о подлинной природе его творчества, не поднимаясь, однако, до полного его осмысления. Несколько лет назад испанский ориенталист Мигель Асин Паласиос опубликовал исследование о мусульманских влияниях на творчество Данте, в котором показал, что многие из символов и выражений, использованных поэтом, уже употреблялись до него такими мусульманскими эзотеристами, как Мухиддин ибн-Араби; к сожалению, в этом исследовании не выявлена вся важность подобной символики. Недавно скончавшийся итальянский писатель Луиджи Валли, попытавшийся чуть глубже вникнуть в творчество Данте, пришел к заключению, что символическими средствами, заимствованными из персидской и арабской эзотерической поэзии, пользовался отнюдь не только этот поэт: многие из его литературных современников и соотечественников были членами тайной организации, носившей название «Fidei d'Amoze», а сам он являлся одним из ее руководителей. Но когда Луиджи Валли сделал попытку прояснить смысл их «тайного языка», ему оказалось не под силу раскрыть подлинный характер этой организации, равно как и прочих объединений такого рода в Средневековой Европе. Истина заключается в том, что за этими организациями стояли, вдохновляя их, некие неизвестные лица, скрывавшиеся под различными именами, главное из которых было «братья-розенкрейцеры». Не обладая никаким писаным уставом и не составляя, в сущности, никакого сообщества, они, разумеется, не проводили и регламентированных собраний, и все, что можно о них сказать, сводится к тому, что они достигли той степени духовного совершенства, которая позволяет нам назвать их «европейскими суфиями» или, по меньшей мере, «мутасаввуфинами», обладателями высших чинов в своей иерархии. Кроме того, о «розенкрейцерах» известно, что, пользуясь в качестве прикрытия теми корпорациями зодчих, речь о которых шла выше, они занимались распространением алхимии и прочих наук, идентичных тем, которые процветали тогда в мире Ислама. Они поистине служили связующим звеном между Востоком и Западом, поддерживая постоянный контакт с мусульманскими суфиями, - контакт, символическим напоминанием о котором служат путешествия, приписываемые легендарному основателю их братства.

Грустно сознавать, что подобные факты находятся вне поля зрения теперешней исторической науки, чьи исследования ограничиваются внешней стороной вещей, тогда как именно эти факты могли бы послужить ключом к разрешению стольких загадок, остающихся до сих пор таинственными и неразрешенными.

№4. В каком смысле используется понятие «цивилизация» С. Хантингтоном, Н. А. Бердяевым и О. Шпенглером? Какие существуют цивилизации?

Самюэль Хантингтон «Столкновение цивилизаций». Человеческая история - это история цивилизаций. Невозможно вообразить себе развитие человечества в отрыве от цивилизаций. История охватывает целые поколения цивилизаций - от древних (шумерской и египетской, классической и мезоамериканской) до христианской и исламской цивилизаций, а также проявления синской и индуистской цивилизаций. В течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентификации...

Во-первых, существует различие в восприятии понятия «цивилизация» как единственная таковая и понятия «цивилизация» как одна из многих. Идея цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции «варварства». Цивилизованное общество отличается от примитивного тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Быть цивилизованным хорошо, а нецивилизованным - плохо. Концепция цивилизации установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно «цивилизованных», чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа. Но в то же самое время люди все чаще говорили о цивилизациях во множественном числе. Это означало «отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала» и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным «ограниченным, - по словам Броделя, - несколькими привилегированными народами или группами, «элитой» человечества». Вместо этого появлялось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему. Короче говоря, понятие «цивилизация» «утратило свойства ярлыка» и одна из множества цивилизаций может на самом деле быть довольно нецивилизованной в прежнем смысле этого слова...

Во-вторых, цивилизация означает культурную целостность повсюду, кроме Германии. Немецкие мыслители девятнадцатого века провели четкую грань между понятиями «цивилизация», которое включало в себя технику, технологию и материальные факторы, и «культура», которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Это разделение до сих пор принято в Германии, но больше нигде. Некоторые антропологи даже перевернули это взаимоотношение и заговорили о культурах как о характеристиках примитивных, застывших, неурбанизированных обществ, в то время как более сложные, городские и динамичные общества - это цивилизации. Эти попытки провести разграничение между культурой и цивилизацией, однако, не были подхвачены, и вне Германии бытует единодушное согласие насчет того, что «было бы заблуждением на немецкий манер пытаться отделить культуру от ее основы - цивилизации».

И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация - это явно выраженная культура. Оба этих понятия включают в себя «ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в данной культуре придавали первостепенное значение». По Броделю, цивилизация - это «район, культурное пространство, собрание культурных характеристик и феноменов». Валлерстайн определяет ее как «уникальную комбинацию традиций, общественных структур и культуры (как материальной, так и «высокой»), которое формирует ту или иную историческую целостность и которая сосуществует (коль скоро их вообще можно отделить друг от друга) с другими подобными феноменами». Даусон считает цивилизацию продуктом «особого оригинального процесса культурного творчества определенного народа», в то время как для Дюркгейма и Мосса - это «своего рода духовная среда, охватывающая некоторое число наций, где каждая национальная культура является лишь частной формой целого». По Шпенглеру, цивилизация - «неизбежная судьба культуры... Наиболее внешние и искусственные состояния, которые способны принимать разновидности развитого человечества. Она - завершение, она следует как ставшее за становлением». Культура - общая тема практически каждого определения цивилизации.

Ключевые культурные элементы, определяющие цивилизацию, были сформулированы еще в античности афинянами, когда те убеждали спартанцев, что они не предадут их персам:

«Ибо есть причины, их множество и они сильны, которые запрещают нам делать это, даже если бы у нас были такие намерения. Первое и главное - это статуи и обители богов, сожженные и лежащие в руинах: за это мы должны отомстить, не щадя живота своего, а не входить в сговор с тем, кто совершил такие злые деяния. Во-вторых, у эллинского народа одна кровь и один язык; мы возводим храмы и приносим жертвы одним и тем же богам; и обычаи наши схожи. Посему нежего афинянам предавать все это».

Кровь, язык, религия, стиль жизни - вот что было общего у греков и что отличало их от персов и других негреков. Из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным, однако, является религия, и на это и делали акцент афиняне. Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди общей этнической принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания, могут вести кровопролитные братоубийственные войны, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане.

Существует корреляция между разделением людей по культурным признакам и их разделением на расы по физическим признакам. И все же нельзя ставить знак равенства между цивилизациями и расами. Люди одной и той же расы могут быть разделены на различные цивилизации; людей различных рас может объединять одна цивилизация. В частности, самые распространенные миссионерские религии, христианство и ислам, охватывают людей многих рас. Коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи.

В-третьих, цивилизации являются всеобъемлющими, то есть ни одна из их составляющих не может быть понята без соотнесения с соответствующей цивилизацией. Цивилизации, как заметил Тойнби, «охватывают, не будучи охвачены другими». По словам Мелко, цивилизации «имеют некоторую степень интеграции. Их части определяются отношениями между ними и к ним в целом. Если цивилизация состоит из стран, у этих стран будут более тесные взаимоотношения, чем у государств, не принадлежащих к этой цивилизации. Они могут часто сражаться и будут чаще вести дипломатические переговоры. Они будут иметь большую степень экономической взаимозависимости. Эстетические и философские течения будут в таком случае взаимопроникающими».

Цивилизация является наивысшей культурной целостностью. Деревни, районы, этнические группы, национальности, религиозные группы - у них у всех сформирована культура на различных уровнях гетерогенности. Культура деревни на юге Италии может отличаться от культуры деревни на севере Италии, но они будут разделять общую

итальянскую культуру, которая отличает их от немецких деревень. Европейские сообщества, в свою очередь, будут обладать общими культурными чертами, которые отличают их от китайских или индийских сообществ. Китайцы, индусы и жители Запада, однако, не являются частями культурной категории более высокого порядка. Они образуют разные цивилизации. Цивилизация, таким образом, - наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Есть несколько уровней идентификации людей: житель Рима может ощущать себя в различной степени римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем и жителем Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, является самым высоким уровнем, который помогает ему четко идентифицировать себя. Цивилизации - это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них». Цивилизации могут состоять из большого количества людей, как китайская цивилизация, или очень небольшого, как англоязычные жители островов Карибского моря. В течение всей истории существовало множество мелких групп людей, которые обладали индивидуальной культурой, но не имели никакой культурной идентичности более высокого уровня. Принято также делать различия по размеру между главными и периферийными цивилизациями (Бэгби) и по значимости - между главными и запаздывающими или прерванными цивилизациями (Тойнби). Эта книга посвящена тому, что принято считать главными цивилизациями в истории человечества.

У цивилизаций нет четко определенных границ и точного начала и конца. Люди могут идентифицировать себя по-разному и делают это. В результате состав и форма цивилизаций меняются со временем. Культуры народов взаимодействуют и накладываются друг на друга. Степень, с которой культуры цивилизаций разнятся или походят друг на друга, также сильно варьируется. Цивилизации, таким образом, являются многосторонними целостностями, и все же реальны, несмотря на то что границы между ними редко бывают четкими. В-четвертых, цивилизации хотя и смертны, но живут они очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций, «реальностями чрезвычайной *tongue duree*» [Продолжительности (*dur.*)]. Их «уникальная и особенная сущность» заключается в «длительной исторической непрерывности. На самом деле, жизнь цивилизации является самой долгой историей из всех». Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят - цивилизации остаются и «переживают политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения». «Международная история, - приходит к выводу Боземен, - точно подтверждает тезис о том, что политические системы являются недолговечными средствами для достижения цели на поверхности цивилизации и что судьба каждого сообщества, объединенного лингвистически и духовно, зависит в конечном счете от выживания определенных фундаментальных идей, вокруг которых сплачивались многочисленные поколения и которые, таким образом, символизируют преемственность общества». Практически все основные цивилизации, существующие в мире в двадцатом веке, возникли по крайней мере тысячу лет назад или, как в случае с Латинской Америкой, являются непосредственными «отпрысками» другой, давно живущей цивилизации.

Пока цивилизации противостоят натиску времени, они эволюционируют. Они динамичны; они знают взлеты и падения, они сливаются и делятся; и как известно любому студенту, они также исчезают и их хоронят пески времени. Фазы их эволюции можно описать по-разному. Куигли видит семь стадий, сквозь которые проходят цивилизации: смесь, созревание, экспансия, время конфликта, всеобщая империя, упадок и завоевание. Другую общую модель изменений выводит Мелко: от выкристаллизованной феодальной системы - через феодальную систему переходного периода - через выкристаллизованную государственную систему - через государственную систему переходного периода - до выкристаллизованной имперской системы. Тойнби считает, что цивилизация возникает в ответ на брошенные ей вызовы и затем проходит сквозь период роста, включающий усиление контроля над средой, чем занимается творческая элита, далее следует время беспорядков, возникновение всеобщего государства, а затем - распад. Несмотря на то что между этими теориями есть различия, все они сходятся в том, что цивилизация в своей эволюции проходит времена беспорядков или конфликтов, затем создания единого государства и, наконец, упадка или распада.

В-пятых, поскольку цивилизации являются культурными единствами, а не политическими, они сами не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем заняты правительства. Политическое устройство отличается у различных цивилизаций, а также в разное время в пределах какой-либо из них. Цивилизация, таким образом, может содержать одно или более политических образований. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, федерациями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех них могут быть различные формы правления. По мере того как цивилизация эволюционирует, число и природа составляющих ее образований обычно меняются. В некоторых случаях цивилизация и политическая целостность могут совпадать. Как отметил Люциан Пай, Китай - это «цивилизация, претендующая на то, чтобы быть государством». Япония - это цивилизация, являющаяся государством. Однако в большинство цивилизаций входит более одного государства или других политических единиц. В современном мире большинство цивилизаций включают в себя по два или более государств.

И наконец, исследователи обычно согласны в идентификации важнейших цивилизаций в человеческой истории и тех, что существуют в современном мире. Их мнения тем не менее часто расходятся в том, что касается общего числа существовавших в истории цивилизаций. Куигли отстаивала шестнадцать явных исторических случаев и еще восемь очень вероятных. Тойнби сначала назвал число двадцать два, затем - двадцать три; Шпенглер выделил восемь основных культур. Макнил называл во всей истории девять цивилизаций; Бэгби тоже видел девять важнейших цивилизаций или двенадцать, если из китайской и западной выделить японскую и православную. Бродель называл девять, а Ростовани - семь важнейших современных цивилизаций. Эти различия отчасти зависят от того, считать ли такие культурные группы, как китайцы и индусы, единой исторической цивилизацией или же двумя близкими друг другу

цивилизациями, одна из которых отпочковалась от другой. Несмотря на эти различия, идентичность не оспаривается. Сделав обзор литературы, Мелко приходит к заключению, что существует «разумное согласие» относительно двенадцати важнейших цивилизаций, из которых семь уже исчезли (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центрально-американская, андская), а пять продолжают существовать (китайская, японская, индуистская, исламская и западная). К этим пяти цивилизациям целесообразно добавить православную, латиноамериканскую и, возможно, африканскую цивилизации.

Николай Александрович Бердяев «О рабстве и свободе человека». Различение культуры и цивилизации стало популярным со времени Шпенглера, но оно не есть его изобретение. Терминология тут условна. Французы, например, предпочитают слово «цивилизация», понимая под этим культуру, немцы предпочитают слово «культура». Русские раньше употребляли слово «цивилизация», а с начала XX века отдали предпочтение слову «культура». Но славянофилы, К. Леонтьев, Достоевский и др. уже отлично понимали различие между культурой и цивилизацией. Ошибка Шпенглера заключалась в том, что он придал чисто хронологический смысл словам «цивилизация» и «культура» и увидел в них смену эпох. Между тем как всегда будут существовать культура и цивилизация, и в известном смысле цивилизация старше и первичнее культуры, культура образуется позже. Изобретение технических орудий, самых элементарных орудий примитивными людьми есть цивилизация, как цивилизация есть всякий социализирующий процесс. Латинское слово «цивилизация» указывает на социальный характер указываемого этим словом процесса. Цивилизацией нужно обозначать более социально-коллективный процесс, культурой же процесс более индивидуальный и идущий вглубь. Мы, например, говорим, что у этого человека есть высокая культура, но не можем сказать, что у этого человека очень высокая цивилизация. Мы говорим «духовная культура», но не говорим «духовная цивилизация». Цивилизация означает большую степень объективации и социализации, культура же более связана с личностью и духом.

Культура означает обработку материала актом духа, победы формы над материей. Она более связана с творческим актом человека. Хотя различие тут относительное, как и все установленные классификацией различия. Эпохой цивилизации по преимуществу можно назвать такую эпоху, в которой преобладающее значение получают массы и техника. Это обыкновенно говорят о нашей эпохе. Но и в эпоху цивилизации существует культура, как и в эпоху культуры существует цивилизация. Техника, охватывающая всю жизнь, действует разрушительно на культуру, обезличивает ее. Но всегда в такую эпоху есть элементы, которые восстают против победного шествия технической цивилизации. Такова роль романтиков. Существуют гениальные творцы культуры. Но культурная среда, культурная традиция, культурная атмосфера так же основана на подражательности, как и цивилизация. Очень культурный человек известного стиля обычно высказывает обо всем мнения подражательные, средние, групповые, хотя бы эта подражательность сложилась в культурной элите, в очень подобранной группе. Культурный стиль всегда заключает в себе подражательность, усвоение традиции, он может быть социально оригинальным в своем появлении, но он индивидуально не оригинален. Гений никогда не мог вполне вписаться в культуру, и культура всегда стремилась превратить гения из дикого животного в животное домашнее. Социализации подлежит не только варвар, но и творческий гений. Творческий акт, в котором есть дикость и варварство, объективируется и превращается в культуру. Культура занимает среднюю зону между природой и техникой, и она часто бывает раздавлена между этими двумя силами. Но в мире объективированном никогда не бывает цельности и гармонии. Существует вечный конфликт между ценностями культуры и ценностями государства и общества. В сущности, государство и общество всегда стремились к тоталитарности, делали заказы творцам культуры и требовали от них услуг. Творцы культуры всегда с трудом защищали свою свободу, но им легче это было делать при меньшей унификации общества, в обществе более дифференцированном. Ценности низшего порядка, например государство, всегда стремились подчинить и поработить себе ценности высшего порядка, например ценности духовной жизни, познания, искусства. М. Шелер пытался установить градации ценностей: ценности благородства выше, чем ценности приятного, ценности духовные выше ценностей витальных, ценности святости выше духовных ценностей. Но совершенно несомненно, что ценности святости и ценности духовные имеют гораздо меньше силы, чем ценности приятного или ценности витальные, которые очень деспотичны. Такова структура объективированного мира. Очень важно определить соотношение между аристократическими и демократическими началами в культуре.

Культура основана на аристократическом принципе, на принципе качественного отбора. Творчество культуры во всех сферах стремится к совершенству, к достижению высшего качества. Так в познании, так в искусстве, так в выработке душевного благородства и культуре человеческих чувств. Истина, красота, правда, любовь не зависят от количества, это качества. Аристократический принцип отбора образует культурную элиту, духовную аристократию. Но культурная элита не может оставаться замкнутой в себе, изолированной, самоутверждающейся под страхом удаления от истоков жизни, иссякания творчества, вырождения и умирания. Всякий групповой аристократизм неизбежно вырождается и иссыхает. Как не может творчество культурных ценностей сразу быть распространено на бескачественную массу человечества, так же не может не происходить процесса демократизации культуры. Истина аристократична в том смысле, что она есть достижение качества и совершенства в познании, независимо от количества, от мнения и требования человеческих количеств. Но это совсем не значит, что истина существует для избранного меньшинства, для аристократической группы, истина существует для всего человечества, и все люди призваны быть приобщенными к ней. Нет ничего противнее гордости и презрительности замкнутой элиты. Великие гении никогда не были такими. Можно даже сказать, что образование касты культурно утонченных и усложненных людей, теряющих связь с широкой и глубиной жизненного процесса, есть ложное образование...

Можно было бы установить различие между ценностями демократическими и ценностями аристократическими внутри культуры. Так, ценности религиозные и ценности социальные должны быть признаны демократическими, ценности же, связанные с философией, искусством, мистикой, культурой эмоций, должны быть признаны аристократическими. У Тарда есть интересные мысли о разговоре как форме общения. Разговор есть порождение высокой куль-

туры. Можно различать разговор ритуальный, условный, утилитарный и разговор интеллектуальный, бесполезный, искренний. Именно второй тип разговора и есть показатель высокой культуры. Но трагедия культуры в том, что всякая высокая качественная культура не имеет перед собой перспективы бесконечного развития. Цветение культуры сменяется упадком. Образование культурной традиции означает высокую культуру, при этом являются не только творцы культуры, но и культурная среда. Слишком же затверделые и закреплённые традиции культуры означают ослабление культурного творчества. Культура всегда кончается декадансом, в этом ее рок. Объективация творчества означает охлаждение творческого огня. Эгоцентризм и изоляция культурной элиты, которая делается более потребительской, чем творческой, ведет к подмене жизни литературой. Образуется искусственная атмосфера литературы, в которой люди ведут призрачное существование. Культурные люди становятся рабами литературы, рабами последних слов в искусстве. При этом эстетические суждения бывают не личными, а элитски-групповыми.

Культура и культурные ценности создаются творческим актом человека, в этом обнаруживается гениальная природа человека. Огромные дары вложил человек в культуру. Но тут же обнаруживается и трагедия человеческого творчества. Есть несоответствие между творческим актом, творческим замыслом и творческим продуктом. Творчество есть огонь, культура же есть уже охлаждение огня. Творческий акт есть взлет, победа над тяжестью объективированного мира, над детерминизмом, продукт творчества в культуре есть уже притяжение вниз, оседание. Творческий акт, творческий огонь находится в царстве субъективности, продукт же культуры находится в царстве объективности. В культуре происходит как бы все то же отчуждение, экстерниоризация человеческой природы. Вот почему человек попадает в рабство у культурных продуктов и ценностей...

Освальд Шпенглер «Закат Европы». Культура зарождается в тот момент, когда из первобытно-душевного состояния вечно-детского человечества пробуждается и выделяется великая душа, некий образ из безобразного, ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго ограниченной местности, к которой она и остается привязанной, наподобие растения. Культура умирает после того, как эта душа осуществит полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, верований, искусств, государств и наук и, таким образом, вновь возвратится в первичную душевную стихию. Ее жизненное существование, целый ряд великих эпох, в строгих контурах отмечающих постоянное совершенствование, есть глубоко внутренняя, страстная борьба за утверждение идеи против внешних сил хаоса и внутренней бессознательности, где угрожающе затаились эти противоборствующие силы. Не только художник борется с сопротивлением материала и уничтожением идеи внутри себя. Каждая культура находится в глубоко символической связи с материей и пространством, в котором и через которое она стремится реализоваться. Когда цель достигнута и идея, т.е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, умирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются - она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира. Так, античная цивилизация времен империи необъятно разрасталась с кажущейся юношеской силой и изобилием и отнимала воздух и свет у молодой арабской культуры Востока.

Таков смысл всех падений в истории, к числу которых принадлежит наиболее отчетливо рисующееся перед нами «падение античного мира», и мы уже сегодня определенно ощущаем вокруг нас первые признаки того, касающегося нас самих и по течению и длительности вполне тождественного с первым событием, которого заполнит первые века ближайшего тысячелетия и которое будет «падением Запада». Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость...

Культура и цивилизация - это живое тело души и ее мумия...

Переход от культуры к цивилизации протекает в античности в IV столетии, на Западе в XIX. С этого момента ареной больших духовных решений становится не «вся страна», как это было во время орфического движения и реформации, когда, собственно, каждая деревня играла свою роль, а три или четыре мировых города, которые всосали в себя все содержание истории и по отношению к которым вся остальная страна культуры нисходит на положение провинции, имеющей своим исключительным назначением питать эти мировые города остатками своего высшего человеческого материала. Мировой город и провинция - этими основными понятиями всякой цивилизации открывается совершенно новая проблема формы истории, которую мы сейчас переживаем, не имея вместе с тем никакого представления о значении этой проблемы. Вместо мира - город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа - новый кочевник, паразит, житель большого города, человек абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству (и к его высшей форме - провинциальному дворянству), следовательно, огромный шаг к неорганическому, к концу, - что значит все это? Франция и Англия уже сделали этот шаг. Германия готовится его сделать. Вслед за Сиракузами, Афинами, Александрией следует Рим. Вслед за Мадридом, Парижем, Лондоном следует Берлин. Стать провинциями - такова судьба целых стран, которые не входят в круг излучения этих городов, как некогда это было с Критом и Македонией, а теперь - со Скандинавским севером...

Мировой город - это означает космополитизм вместо «отечества», холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца, «общество» вместо государства, естественные права вместо приобретенных. Деньги в качестве неорганического абстрактного фактора, лишенного связи с сущностью плодородной земли, с ценностями первоначального уклада жизни...

В мировом городе нет народа, а есть масса. Присущее ей непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против культуры, против знати, церкви, привелигий, династий, преданий в искусстве, границ познаваемого в науке, ее превосходящая крестьянский ум острая и холодная рассудочность, ее натурализм совершенно нового склада, идущий гораздо дальше назад, чем Руссо и Сократ, и непосредственно соприкасающийся в половых и социальных вопросах с

первобытными человеческими инстинктами и условиями жизни, то «*anem et circenses*», которое в наши дни опять оживает под личиной борьбы за заработную плату и спортивных состязаний, - все это признаки новой по отношению к окончательно завершенной культуре и к провинции, поздней и лишенной будущего, однако неизбежной формы человеческого существования...

По моему убеждению империализм, окаменелые формы которого вроде египетской, китайской, римской империй, индийского мира, мира Ислама, могут просуществовать еще целые столетия и тысячелетия, переходя из рук одного завоевателя к другому - в качестве мертвых тел, бездушных человеческих масс, использованного материала истории, - следует понимать как символ начала конца. Империализм - это чистая цивилизация. В его появлении лежит неотвратимая судьба Запада. Энергия культурного человека устремлена во внутрь, энергия цивилизованного - на внешнее. Поэтому в Сесиле Родсе я вижу первого человека новой эпохи. Он являет собой политический стиль дальнейшего, западного, германского, в особенности немецкого будущего. Его слова: «Расширение, - это все» содержат в своей наполеоновской формулировке подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Это столь же применимо к римлянам, арабам и китайцам. Здесь нет выбора. Здесь не имеет никакого значения даже сознательная воля отдельного человека, или целых классов и народов. Тенденция к расширению, - это рок, нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов, заставляющее его служить себе независимо от того, хочет ли он этого или не хочет, знает ли он об этом или нет. Жизнь, - это осуществление возможностей, а для мозгового человека остается одна только возможность распространения...

№5 В чем проявляется упадок культуры, и в чем его причины, согласно И. Ильину и А. Швейцера? Какие способы выхода из кризиса культуры они предлагают? Насколько их позиция близка к истине?

Иван Александрович Ильин «Путь к очевидности». Человечество попыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение...

У современных поколений западного человечества возникла нынешняя бессердечная культура. И все мы должны постоянно думать о том, сможет ли она дальше существовать в таком виде и как можно было бы спасти ее... Потому что предварительные итоги ее развития являют картину сущего крушения, а может быть, и величайшей катастрофы...

Культура последнего века покоится на некоторых основных предпосылках, которые редко выговариваются открыто, но которые внушают современному «культурному человеку» с самого детства как нечто само собой понятное и не допускающее никаких сомнений. Именно поэтому он впитывает их в себя как бы с молоком матери и живет ими всю жизнь. Вот эти предпосылки.

- Сердце существует только для глупых людей; умные люди не считаются с ним и не поддаются его напештам. Совесть есть выдумка блаженных; с нею носятся только сентиментальные люди: только нежизнеспособные фантазеры дрожат перед этим призраком добродетели. Вера изжита и стала пережитком; она прощительна только наивным и непросвещенным людям; а умные и образованные люди могут только притворяться верующими, и притом в силу расчета и лукавства. Любовь есть или здоровый половой инстинкт, нужный для деторождения, или же старомодная сентиментальность, лицемерная фраза, остаток первобытного прошлого, которому нет места в современной культурной жизни...

Мы, конечно, отметим и признаем в современной культуре начало общественной благотворительности; но при ближайшем рассмотрении окажется, что в основе ее лежит волевая дисциплина, соображение о пользе и умелая организация, - а совсем не любовь, не совесть и не чувство. Общественная благотворительность на Западе обдуманна и умна; почти всегда хорошо налажена и приносит немало пользы; но она почти всегда жестка и холодна, нелюбозна и неделикатна, ограничена определенными социальными группами и никак не связана с живою добротою... Она благовоспитана с выхолощенным сердцем. Именно в этом все дело: западноевропейская культура сооружена как бы из камня и льда. Здесь религия, искусство и наука (за немногими гениальными исключениями!) холодны; а политика, техника, хозяйство и деловой оборот - жестки и суровы и вменяют себе эту жесткость в великую заслугу («высший уровень культуры!»)... Любовь мешает уму и воле; а культура считается именно делом воли и ума. Проявлять жизнь чувства ребячливо, несерьезно, просто - смешно! А стать смешным - это самое страшное дело для «серьезного» человека... Культура есть дело строгое; а строгость формальна, холодна и жестка.

Умный английский философ Гоббс формулировал однажды социологический закон: «человек человеку - волк» (*homo homini - lupus*). Было бы несправедливо сказать, что это и есть закон современной культуры. Однако «культурное приличие» требует того, чтобы люди обращали друг на друга как можно меньше внимания: не обременяли друг друга ненужным наблюдением и общением. Человек человеку - прохожий. Или, как тонко подметил Чехов, человек человеку не то запертый сундук, не то источник недоразумений. Люди подобны деревянным шарикам, которые чокаются друг о друга и отскакивают в разные стороны. Люди друг другу - соперники или конкуренты; и каждый опасается чужого недоброжелательного ока и осуждающего разговора. Они заботятся друг о друге лишь в меру ожидаемой от другого имущественной или служебной пользы, или в меру своего тщеславия, или еще - в меру чувственного влечения. А использованного человека «списывают со счета» и при первом удобном случае предают. И делают это совершенно сознательно и довольно ловко. И зная это, для приличия время от времени декламируют о гуманности; и расчетливо, с навязчивой рекламой, организуют «гуманные заведения». А в прочем люди, как деревянные шары, случайно натапливаются друг на друга, отскакивают и катятся дальше своею случайной дорогой. Люди относятся друг к другу так, как если бы их нормальное «рядомительство» было подготовительной стадией для столь же нормального «взаимного нападения». Но именно поэтому, как только дело доходит до борьбы, так оказывается, что «человек человеку - волк»...

Поэтому эти судорожные спазмы современной культуры - революции, гражданские и международные войны - не случайны: они суть естественные выражения сердечной жесткости, алчности, зависти и ненависти. Жестокость этих столкновений уже заложена в повседневной жесткости и бессердечной жизни. И неудивительно, что антракты между революциями заполняются систематической подготовкой новых революций; и что революция стремится захватить всю вселенную. И антракты между войнами заняты изобретениями новых оружий; и «наука» уже торгует своими военными изобретениями, продавая их из страны в страну. Оружия эти становятся все более разрушительными, убийственными и мучительными; и уже направляются на мирное население. И уже работают везде школы взаимного выслеживания, замучивания и искоренения. И все это не случайно, а заложено глубоко в бессердечии современной культуры.

Вот почему надо признать и громко выговорить, что двигаться по этому пути далее невозможно. Бессердечная культура подрывает сама себя: в изобретении атомной бомбы она дошла до вселенского самоубийства, а изобретение это, наверное, не составляет последнего слова разрушительной техники. Источники и основы современной культуры должны быть в корне пересмотрены. Человечество творит свою культуру неверным внутренним актом, из состава которого исключены: сердце, совесть и вера, а сила созерцания - заподозрена, осмеяна и сведена к подчиненному, почти подавленному состоянию. Так создаваемая культура есть больная культура; и то, что мы переживаем ныне, все наши бедствия, страдания и тревоги, суть естественные последствия этой больной культуры.

Современное человечество, «христианское» и противохристианское, должно понять и убедиться, что это есть ложный и обреченный путь, что культура без сердца есть не культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь.

Но если человек не живет сердцем, то нет ничего удивительного, что оно глохнет и отмирает и что это отмирание становится наследственно-потомственным. При этом люди не замечают, однако, что отрицательные чувства, дурные и злые (гнев, злоба, зависть, мстительность, ревность, жадность, тщеславие, гордость, жестокость и др.), остаются и беспрепятственно расцветают, тем более что они, по-видимому, проявляют силу человека. Они импонируют большинству людей, ибо обнаруживают в человеке энергию, волю, настойчивость и властность; они внушают окружающим сначала опасение, а потом и страх, и даже незаслуженное уважение... Отсюда эта жалкая картина: современный «культурный» человек стыдится своей доброты и нисколько не стыдится своей злобы и порочности. Так развернулась больная культура наших дней: она строилась и создавалась при бессилии добрых чувств, из заглохшего и омертвевшего сердца. И тот, кто присмотрится к этому своеобразному душевному состоянию, тот неизбежно придет к следующим выводам. Современный человек привык творить свою жизнь - мыслью, волею и отчасти воображением, исключая из нее добрые побуждения сердца; и, привыкнув к этому, он не замечает, куда это ведет: он не видит, что создаваемая им культура оказывается безбожною, впадает в пошлость, вырождается и близится к крушению...

Альберт Швейцер «Упадок и возрождение культуры». Но сейчас уже для всех очевидно, что самоуничтожение культуры идет полным ходом. Даже то, что еще уцелело от нее, ненадежно. Оно еще производит впечатление чего-то прочного, так как не испытало разрушительного давления извне, жертвой которого уже пало все другое. Но его основание также непрочное, следующий оползень может увлечь его с собой в пропасть. Как, однако, могло случиться, что источники культуротворящей энергии иссякли?...

Несвободный, разобщенный, ограниченный современный человек одновременно находится под угрозой стать негуманным. Нормальное отношение человека к человеку стало затруднительным для нас. Постоянная спешка, характерная для нашего образа жизни, интенсификация взаимного общения, совместного труда и совместного бытия многих на ограниченном пространстве приводит к тому, что мы, беспрестанно и при самых разнообразных условиях встречаясь друг с другом, держимся отчужденно по отношению к себе подобным. Обстоятельства нашего бытия не позволяют нам относиться друг к другу как человек к человеку. Навязанное нам ограничение в деятельности, присущей человеческой природе, носит настолько универсальный и систематический характер, что мы привыкаем к нему и уже больше не воспринимаем наше безликое поведение как нечто противоестественное. Мы уже не страдаем от того, что в таких-то и таких-то ситуациях не можем больше проявлять подлинно человеческое участие к своим ближним, и в конечном счете деградируем к отречению от истинно человеческих отношений и там, где они возможны и уместны. Безусловно, психика жителя крупного города и в этом отношении подвергается наиболее неблагоприятному влиянию и затем в свою очередь оказывает неблагоприятное воздействие на состояние духовной жизни общества.

Мы утрачиваем чувство родства со своим ближним и скатываемся таким образом на путь антигуманности. Когда исчезает сознание, что любой человек нам в какой-то мере небезразличен как человек, тогда расшатываются устои культуры и этики. Регресс гуманности в этом случае является лишь вопросом времени. И действительно, уже в течение жизни двух поколений обитают среди нас во всей своей отвратительной наготе идеи законченной негуманности, подкрепленные авторитетом логических принципов. В обществе сложились взгляды, уводящие индивидов от гуманности. Присущее человеку от природы участливое отношение к ближнему исчезает. На смену ему приходит проявляющаяся в более или менее разнообразных формах абсолютная индифферентность. Всячески подчеркиваемые в отношении незнакомых людей высокомерие и безучастность уже не воспринимаются как проявления внутренней неотесанности и грубости, а квалифицируются как светское поведение. Да и само наше общество перестало признавать за всеми людьми, как таковыми, человеческую ценность и человеческое достоинство. Определенная часть человечества стала для нас человеческим материалом, вещами. Если десятилетиями среди нас со все возрастающей легкостью могли говорить о войнах и завоеваниях, словно речь шла только о столкновениях на шахматной доске, то это предопределялось лишь внедрением всеобщего убеждения, что человеческие судьбы - это ряды цифр, определенный статистический материал, не больше. Когда разразилась война, для укоренившейся в нас негуманности открылось широкое поле проявления...

В наиболее общих чертах культура - это прогресс, материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных сообществ. В чем он состоит? Прежде всего в смягчении как для тех, так и для других борьбы за существование. Создание максимально благоприятных условий жизни - таково требование, необходимое и само по себе, и для духовного и нравственного совершенства индивида, которое является конечной целью культуры. Борьба за существование ведется на два фронта. Человеку приходится утверждать себя в природе - перед ее стихийными силами и в обществе - перед себе подобными. Ослабление борьбы за существование достигается максимально возможным и наиболее целесообразным расширением господства разума над природой и над человеческой натурой.

Следовательно, и сущность культуры двояка. Культура складывается из господства разума над силами природы и из господства разума над человеческими убеждениями и помыслами...

В чем состоит господство разума над человеческими убеждениями и помыслами? В том, что индивиды и всевозможные человеческие сообщества соразмеряют свои желания с материальным и духовным благом целого и многих, то есть в том, что они этичны. Следовательно, этический прогресс - это существенное и несомненное, а материальный - менее существенное и менее несомненное в развитии культуры...

В культурном движении, начиная с эпохи Ренессанса и вплоть до начала XIX столетия, силы материального и духовно-этического прогресса действовали параллельно, как бы соревнуясь между собой. Затем, однако, произошло нечто никогда ранее не виданное: силы этического прогресса иссякли, в то время как достижения духа в материальной сфере неуклонно нарастали, являя блестящую картину научно-технического прогресса...

Великая задача духа - создание мировоззрения. В мировоззрении эпохи находят обоснование ее идеи, убеждения и дела. Лишь придя к культуротворческому мировоззрению, мы окажемся способными к идеям, убеждениям и делам, необходимым для расцвета культуры. Что такое мировоззрение? Совокупность волнующих общество и человека мыслей о сущности окружающего мира, о положении и назначении человечества и человека в нем. Что означает общество, в котором я живу, и я сам, живущий в мире? Что мы хотим видеть в нем? Чего ждем от него? В зависимости от того, к какому ответу на эти коренные вопросы бытия приходят составляющие общество индивиды, можно судить о духе соответствующей эпохи.

Не переоценивается ли тем самым значение мировоззрения? Конечно, в настоящее время многие обычно не поднимаются в своих взглядах на жизнь до осознанного мировоззрения. В массе своей они также не осознают необходимости и не испытывают потребности выводить свои идеи и убеждения из такого мировоззрения и обычно в большей или меньшей степени ориентируются на тон, задаваемый их временем, прислушиваются к ведущим голосам своей эпохи. Но кому принадлежат эти голоса? Личностям, которые участвовали в формировании мировоззрения общества и затем вывели из него более или менее ценные идеи, пользующиеся авторитетом нашего поколения. В итоге все мысли и идеи как индивидов, так и общества как-то причастны к господствующему мировоззрению. Каждая эпоха - сознательно или подсознательно - живет тем, что родилось в головах мыслителей, влияние которых она на себе испытывает...

Волею обстоятельств мы оказались вынужденными обходиться без полноценного мировоззрения. Крах философии и зарождение естественнонаучной теории сделали недостижимым для нас идеалистическое мировоззрение, удовлетворяющее мышлению. Такое положение сохраняется по сей день. Кроме того, наше время было так бедно подлинно глубокими мыслителями, как, пожалуй, никакое другое. Некоторое число старательных умов, которые, обладая большими познаниями и руководствуясь самыми благими намерениями, пытались соединить в одно целое разрозненные обрывки, и несколько ослепительных комет - вот и все, чем одарила нас судьба. То, что эти умы привнесли мировоззренческого, могло заинтересовать какой-нибудь академический кружок и воодушевить нескольких последователей и учеников. Народ же не извлек из их теоретического вклада ничего.

В итоге мы начали внушать себе, что можно обойтись и без мировоззрения. Потребность выдвигать вопросы о сущности мира и жизни и давать на них ответы заглохла в нас. Постигшее нас бездумье привело к тому, что мы приняли для своей собственной жизни и жизни общества случайные идеи, подсказанные нашим чувством реальности. На протяжении жизни более чем полутора поколений мы достаточно хорошо узнали, что мировоззрение, заключающееся в отсутствии всякого мировоззрения, наихудшее из возможных и что такое мировоззрение подрывает не только духовную жизнь, но и устои жизни человеческого общества вообще. Когда офицеры генерального штаба не разрабатывают для своего поколения планов его борьбы, нижестоящие офицеры ведут нас - как в идеях, так и в практических делах - от авантюры к авантюре.

Таким образом, возрождение нашей эпохи должно начинаться с возрождения мировоззрения. Кажущееся далеким и абстрактным так насущно необходимо, как, вероятно, ничто другое. Только когда мы вновь овладеем сокровищницей культуротворческого мировоззрения и все вместе станем черпать оттуда основополагающие идеи для жизни и действия, опять возникнет общество, которое будет руководствоваться благородными, не страдающими узостью идеалами и разумно противопоставлять их действительности. На фундаменте новых идей нам предстоит заново возвести здание истории...

Каким, однако, должно быть мыслящее мировоззрение, чтобы идеи культуры и зиждущие на них убеждения могли найти в нем свое обоснование? Оптимистическим и этичным. Оптимистично то мировоззрение, которое бытие ставит выше небытия и тем самым утверждает мир и жизнь как нечто ценное само по себе. Такое отношение к миру и жизни порождает стремление относиться к бытию с максимальной бережностью, на какую мы только способны. Упомянутое стремление в свою очередь стимулирует деятельность, направленную на улучшение условий жизни индивида, общества, народов и человечества, такую деятельность, результатом которой являются: внешние достижения культуры: господство духа над силами, природы и более высокая социальная организация общества. Этика - область деятельности человека, направленная на внутреннее совершенствование его личности...

Итак, культура есть результат взаимодействия оптимистического мировоззрения и этики. По отдельности ни оптимистическое мировоззрение, ни этика не способны породить ее. Оптимизм дает уверенность, что течение событий в мире так или иначе имеет разумную цель, а улучшение условий существования в мире вообще и в обществе в частности содействует духовно-нравственному совершенствованию индивида. Из этического вытекает возможность сформулировать необходимые для воздействия на мир и общество целесообразные принципы и сосредоточить все достижения на духовном и нравственном совершенствовании индивида, являющемся последней целью культуры...

Проанализировав процесс зарождения идей культуры и зиждущихся на них убеждений, мы обнаружим, что сущность его в том, что оптимистическое или этическое начало в мировоззрении или то и другое вместе каким-то образом обретали большую силу убеждения и стимулировали прогресс культурно-творческих идей. При закате культуры имеет место та же причинно-следственная связь, но действие ее носит отрицательный характер. Здание оседает или вообще рушится, так как оптимистический или этический фундамент его становится непрочным. Другой причины упадка при всем желании невозможно отыскать. Все мыслимые идеи культуры и зиждущиеся на них убеждения вырастают из оптимизма и этики. Пока обе эти опоры сохраняют необходимую прочность и устойчивость, зданию ничто не грозит.

Итак, будущее культуры зависит от того, под силу ли окажется мышлению прийти к мировоззрению, способному обосновать оптимизм, то есть миро- и жизнеутверждение, и этику более надежно и в более элементарной форме, чем мировоззрения предыдущих эпох.

№6 Какие особенности отмечает П. Я. Чаадаев в развитии России? Верно ли он мыслит? Насколько основательны возражения А. С. Пушкина?

Петр Яковлевич Чаадаев «Первое философическое письмо». Одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы *стоим* как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его теперешнему состоянию, на нас не оказали никакого действия. То, что у других составляет издавна самую суть общества и *жизни*, для нас еще только теория и умозрение...

Оглянитесь кругом себя. Разве что-нибудь стоит прочно на месте? Все - словно на перепутьи. Ни у кого нет определенного круга действия, нет ни на что добрых навыков, ни для чего нет твердых правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что бы привязывало, что пробуждало бы ваши симпатии, вашу любовь, ничего устойчивого, ничего постоянного; все исчезает, все течет, не оставляя следов ни вовне, ни в вас. В домах наших мы как будто в лагере; в семьях мы имеем вид пришельцев; в городах мы похожи на кочевников, хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы - к своим городам. И никак не думайте, что это не имеющий значения пустяк. Несчастные, не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще одной лишней - созданием ложного представления о себе самих, не будем воображать себя живущими жизнью чисто духовных существ, научимся благоразумно устраиваться в данной действительности... Но поговорим сначала еще о нашей стране, мы при этом не выйдем из своей темы. Без такого предварительного объяснения вы не сможете понять, что я хочу вам сказать.

У всех народов есть период бурных волнений, страстного беспокойства, деятельности без обдуманного намерения. Люди в такое время блуждают по свету и телесно, и духовно. Это пора великих побуждений, обширных предприятий, сильных страстей у народов. Они тогда мечутся с неистовством, без ясной цели, но не без пользы для будущих поколений. Все общества прошли через такие периоды. В них народы наживают свои самые яркие воспоминания, свое чудесное, свою поэзию, свои самые сильные и плодотворные идеи, в этом и состоят необходимые устои обществ. Без этого они бы не сохранили в своей памяти ничего, к чему бы можно было пристраститься, что можно было бы полюбить, они были бы привязаны лишь к праху своей земли. Эта увлекательная пора в истории народов есть их юность, когда всего сильнее развиваются их дарования, и память о ней составляет отраду и поучение в их зрелом возрасте. Мы, напротив, не имели ничего подобного. Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее - иноземное владычество, жестокое, унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, - вот печальная история нашей юности. Пора быющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа - ничего такого у нас. Пора нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена бесцветным и мрачным существованием без мощности, без напряжения, его ничто не одушевляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Никаких чарующих воспоминаний, никаких прекрасных картин в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые нами века, все занятые пространства - вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы говорил о прошедшем с силою и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Настоящее развитие человеческого существа в обществе еще не началось для народа, пока жизнь не стала в нем более упорядоченной, более легкой, более спокойной, чем в неопределенности первой поры. Пока общества еще колеблются без убеждений и без правил даже и в повседневных мелочах, как можно ожидать в них созревания зачатков

добра? Пока - это все еще хаотическое брожение предметов нравственного мира, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали образованию нашей планеты в ее теперешнем виде. Мы пока еще в таком положении.

Первые наши годы, протекавшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем сознании, и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и *традиционных* идей человеческого рода. А между тем на них основана жизнь народов, из этих идей вытекает их будущее и происходит их нравственное развитие. Если мы хотим, подобно другим народам, иметь свое лицо, мы должны сначала как-то переначать у себя все воспитание человеческого рода. К нашим услугам - история народов и перед нашими глазами - итоги движения веков. Задача бесспорно трудная, и одному человеку, пожалуй, не исчерпать столь обширного предмета... Прежде всего, однако, надо понять, в чем дело, в чем заключается это воспитание человеческого рода и каково занимаемое нами в общем строе место.

Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от протекавших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон, если память о протекавших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет, как незаконнорожденные дети, лишенные наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из наставлений, вынесенных до нашего существования. Каждому из нас приходится самому искать путей для возобновления связи с нитью, оборванной в родной семье. То, что у других народов просто привычка, инстинкт, то нам приходится вбивать в свои головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи вымываются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне. Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т. е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего, все их знание на поверхности, вся их душа - вне их. Таковы же и мы.

Народы - существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей - годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. И, конечно, не пройдет без следа то наставление, которое суждено нам дать, но кто знает день, когда мы найдем себя среди человечества, и кто исчислит те бедствия, которые мы испытываем до свершения наших судеб?

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство; несмотря на их разделение на отрасли латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует связывающая их в одно целое черта, явная для всякого, кто углубится в общие их судьбы. Вы знаете, еще не так давно вся Европа носила название христианского мира, и слово это значилось в публичном праве. Помимо общего всем обличья, каждый из народов этих имеет свои особые черты, но все это коренится в истории и в традициях и составляет наследственное достояние этих народов. А в их недрах каждый отдельный человек обладает своей долей общего наследства, без труда, без напряжения подбирает в жизни рассеянные в обществе знания и пользуется ими. Сравните то, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи можем почерпнуть в повседневном обиходе мы, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни. Заметьте при этом, что дело идет здесь не об учености, не о чтении, не о чем-то литературном или научном, а просто о соприкосновении сознаний, о мыслях, охватывающих ребенка в колыбели, нашептываемых ему в ласках матери, окружающих его среди игр, о тех, которые в форме различных чувств проникают в мозг его вместе с воздухом и которые образуют его нравственную природу ранее выхода в свет и появления в обществе. Вам надо назвать их? Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Они имеют своим источником те самые события, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейца. А что вы взамен этого поставите у нас?...

Не знаю, можно ли вывести из сказанного сейчас что-либо вполне бесспорное и построить на этом непреложное положение; но ясно, что на душу каждой отдельной личности из народа должно сильно влиять столь странное положение, когда народ этот не в силах сосредоточить своей мысли ни на каком ряде идей, которые постепенно развертывались в обществе и понемногу вытекали одна из другой, когда все его участие в общем движении человеческого разума сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам. Вот почему, как вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам чужд. В лучших умах наших есть что-то еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные вспышки, парализуются в нашем мозгу. В природе человека - теряться, когда он не в состоянии связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность. Раз он не руководим ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас - то общее свойство. Тут вовсе не то легкомыслие, которое когда-то ставили в упрек французам и которое в конце концов было не чем иным, как легким способом воспринимать окружающее, что не исключало ни глубины ума, ни широты кругозора и вносило столько прелести и обаяния в обращение; тут - бессмысленность жизни без опыта и предвидения, не имеющей отношения ни к чему, кроме призрачного бытия особи, оторванной от своего видового целого, не считающейся ни с требованиями чести, ни с успехами какой-либо совокупности идей и интересов, ни даже с наследственными стремлениями данной семьи и со всем сводом предписаний и точек зрения, которые определяют и общественную, и частную жизнь в строе, основанном на памяти прошлого и на заботе о будущем. В наших головах нет решительно ничего общего, все там

обособленно и все там шатко и неполно. Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее обличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. В чужих краях, особенно на юге, где лица так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица моих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших выражений.

Иностранцы ставили нам в заслугу своего рода безаветную отвагу, особенно замечаемую в низших классах народа; но имея возможность наблюдать лишь отдельные черты народного характера, они не могли судить о нем в целом. Они не заметили, что та самая причина, которая делает нас подчас столь смелыми, постоянно лишает нас глубины и настойчивости; они не заметили, что свойство, делающее нас столь безразличными к случайностям жизни, вызывает в нас также равнодушие к добру и злу, ко всякой истине, ко всякой лжи и что именно это и лишает нас тех сильных побуждений, которые направляют людей на путях к совершенствованию; они не заметили, что именно вследствие такой ленивой отваги даже и высшие классы - как ни тяжело, а приходится признать это - не свободны от пороков, которые у других свойственны только классам самым низшим; они, наконец, не заметили, что если мы обладаем некоторыми достоинствами народов молодых и здоровых, то мы не имеем ни одного, отличающего народы зрелые и высококультурные.

Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, отнюдь нет. Но я говорю, что, судя о народах, надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Массы находятся под воздействием известных сил, стоящих у вершин общества. Массы непосредственно не размышляют. Среди них имеется известное число мыслителей, которые за них думают, которые дают толчок собирательному сознанию нации и приводят ее в движение. Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это так у всех народов на земле; исключения составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик. Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов, своих скальдов, своих бардов, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните на племена Северной Америки, которые искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто за нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим - на Германию, мы бы должны были сочетать в себе две великие основы духовной природы - воображение и разум и объединить в своем просвещении исторические судьбы всего земного шара. Не эту роль предоставило нам Провидение. Напротив, оно как будто совсем не занималось нашей судьбой. Отказывая нам в своем обычном благодетельном влиянии на человеческий разум, оно предоставило нас всецело самим себе, не захотело ни в чем вмешиваться в наши дела, не захотело ничему нас научить. Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Наблюдая нас, можно бы сказать, что здесь сведен на нет всеобщий закон человечества. Одинокое в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения, и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Удивительное дело. Даже в области той науки, которая все охватывает, наша история ни с чем не связана, ничего не объясняет, ничего не доказывает. Если бы полчища варваров, потрясших мир, не прошли по занятой нами стране прежде нашествия на Запад, мы бы едва ли дали главу для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх, приобщая нас к своей славной судьбе, провел нас победителями от края до края Европы; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные понятия и гибельные заблуждения, последствием которых была катастрофа, откинувшая нас назад на полвека. В крови у нас есть что-то такое, что отвергает всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас еще живем лишь для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумного существования. Я не могу довольно надивиться на эту пустоту, на эту поразительную оторванность нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба. Но есть здесь еще, без сомнения, и доля человеческого участия, как во всем, что происходит в нравственном мире. Обратимся за объяснением снова к истории: она нам дает ключ к пониманию народов.

В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов. Только что перед тем эту семью вырвал из вселенского братства один честолюбивый ум, вследствие этого мы и восприняли идею в искаженном людской страстью виде. В Европе все тогда было одушевлено животворным началом единства. Все там из него истекало, все там сосредоточивалось. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и всякий импульс истекал из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времен. Чуждые этому чудотворному принципу, мы стали жерт-

вой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, если бы только не были отторгнуты от общей семьи, мы подпали рабству, еще более тяжелому, и притом освященному самым фактом избавления нас от ига.

Александр Сергеевич Пушкин «Письмо П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.»

Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнений, что Схизма (разделение церквей) отделила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы - разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие - печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, - как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора - меня раздражают, как человек с предрассудками - я оскорблен, - но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь - грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству - поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко.

№7. Какие черты присущи русской культуре и русскому человеку, согласно В. Шубарту? Подтверждает или отрицает анализ русской архитектуры и иконописи, данный Е. Н. Трубецким идеи В. Шубарта?

Вальтер Шубарт «Европа и душа Востока». Действительно, имеются четыре сменяющие один другого *прототипа*. Они создают во времена своего господства; гармонического, героического, аскетического и мессианского человека, которые отличаются друг от друга своим основным поведением в противопоставлении себя Вселенной. *Гармонический* человек переживает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией, не подлежащий ни человеческому водительству, ни оформлению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет мысли об эволюции, а есть лишь мысль о статическом покое. Мир - у цели. Так чувствовали гомеровские греки, китайцы эпохи Конфуция, христиане готики. *Героический* человек видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой. Здесь все в движении. Миру ставятся цели, определяемые человеком. Так чувствовал античный Рим, романские и германские народы современности. *Аскетический* человек ощущает бытие, как заблуждение, от которого он бежит в мистическую суть вещей. Он покидает мир без желания и надежды его улучшить. Так чувствовали индусы или греки неоплатоники. Наконец, *мессианский* человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Так ощущали первые христиане и большинство славян. Эти четыре прототипа можно определить выражениями: созвучие с миром, господство над миром, бегство от мира и освящение мира.

Гармонический человек живет во всем мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое. Аскетический человек отвращается от мира. Героический же и мессианский выступают против него; первый - из желания полноты своей власти, второй - во имя задания, полученного от своего Бога. Гармонический и аскетический человек - статичны, два другие - динамичны. Гармонический считает смысл истории выполненным, аскетический - считает невозможным, чтобы он когда-либо был выполнен. Оба не ставят своему времени никаких требований. Героический же и мессианский человек хотят сотворить мир иным, чем тот, который им представляется в действительности. Это волнует и приводит к напряжению всех сил. Поэтому их эпохи более подвижны и активны, чем все остальные.

Картины мира гармонического и мессианского человека родственны между собой. Но то, что первый считает уже имеющимся вокруг себя, то второй видит лишь как дальнюю цель. В обоих случаях мир есть возлюбленная, которой себя отдают для того, чтобы с ней соединиться. Героический человек рассматривает мир как раба, которому ставят ногу на шею; аскетический - как искусителя, которого следует избегать. Героический человек не смотрит покорно на небо, он полон жажды власти и злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему

он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация - его судьба, героизм - его жизненное чувство, трагика - его конец.

Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он не разделяет, чтоб властвовать, но ищет разобщенное, чтобы его воссоединить. Им не движут чувства подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в люди не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую надо осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем. Его не оставляют в покое стремление к всеобъемлющему и желание сделать его видимым и осязаемым...

Но брезжит на горизонте розовая утренняя заря нового мира: *возвещается иоанническая эпоха*, несущая человеку мессианский прототип... Я называю новый эон иоанническим, по Евангелию от Иоанна, ибо ему как раз в необычайной степени свойственны дух солидарности, примирения и любви. И особенно думаю я о стихе 17, 21, где горячее желание переходит в молитву: «Да будут они все воедино». Эта борьба за вселенскость станет основной чертой иоаннического человека...

В иоанническую эпоху центр тяжести еще раз переместится, ибо эон мессианского человека с его религиозной душой не может согласиться с духовным водительством прижатых к земле северных народов. Он передаст его в руки тех, кто обладает стремлением к сверхземному, в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, в особенности русские...

Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям. Россия обладает как раз теми *силами*, которые Европа потеряла или уничтожила. Россия является частью Азии и в то же время составной частью христианского сообщества народов. Она - христианская часть Азии. В этом особенность и единственность ее исторической миссии. Индия и Китай оторваны от европейского человека, к России же ведут пути, прокладываемые, прежде всего, общностью религии. А потому, только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вешности и испорченный жаждой власти, и это несмотря на то, что в настоящий момент, сама она мучится в судорогах большевизма. Ужасы советского времени пройдут, как минута и ночь татарского ига, и оправдается старое изречение: «Востока свет!» Я не хочу этим, сказать, что европейские нации теряют свое значение, они теряют лишь духовное водительство. Они не будут больше представлять господствующий человеческий тип - и это будет благословением для человечества. Сколь многие жаждут сейчас конца прометеевской культуры! И наиболее тонкие умы, как раз, в наибольшей степени. Они чувствуют духовное убожество окружающих их людей и ищут вокруг себя новых возможностей. Как бы это не показалось смелым, но с полной определенностью следует сказать: Россия - единственная страна, которая может освободить Европу и ее освободит, так как по отношению ко всем жизненным проблемам она занимает позицию, противоположную той, которую заняли все европейские народы. Именно, из глубины своего беспримерного страдания будет она черпать столь же глубокое знание людей и смысл их жизни для того, чтобы возвестить это знание всем народам земли.

Русский обладает для этого душевными предпосылками, отсутствующими сегодня у любого европейского народа. В нынешней своей форме западно-восточная проблема представляется как проблема обновления человечества, как возможность одухотворения Запада Востоком, как указание раздробленному человечеству вновь воссоединиться в его праначальном единстве, как задание создать совершенного человека...

Русская душа не чужда аскетическим наклонностям, но они не являются типичными для современных русских. *Типичная позиция*, с которой они реагируют на прометеевские идеалы, есть позиция *мессианская*.

При этом, для русских характерно, что они делают ударение на потустороннем даже тогда, когда они в своем сознании его отрицают, или думают, что отрицают. В этом неразрывном соприкосновении с вечным отражается полнотой азиат. Его недовольство миром является лишь отрицательным явлением того факта, что он, по выражению Достоевского, несет в своей душе более чистый образ, нежели другие народы, а именно образ Освободителя. Недовольство и удивление, с которыми он смотрит на мир, показывает лишь степень одержимости и взволнованности его божественным. В нем издревле живет и действует немеркнущий образ божественной гармонии и, чем больше он вокруг себя ее теряет, тем настойчивее он пытается восстановить потерянное в окружающем мире. Он хочет оформить внешний мир, согласно небесному внутреннему образу, - в этом и заключается основная черта мессианского человека. Его последние слова - не чистая посюсторонность, как у прометеевского человека, а Царство Божие.

Он любит мир не ради его самого, а для того, чтобы в нем создать божественное. Для него мир хорош только тем, что является сырым материалом для осуществления его миссии. Мессианизм его есть сознание посланничества. Мессианский человек стремится осуществить то, что гармонический человек видит вокруг себя уже осуществленным. Поэтому, он более активен, нежели гармонический человек и еще более активен, нежели человек аскетический...

Мессианское жизнеощущение русских не дает им возможность удовлетворяться простым познанием истины. Он стремится эту истину пережить и в низшем порядке создать высший. Он ищет не знания, а жизни в форме познания. «Мы не можем склониться перед христианской истиной и вместе с тем примириться с анти-христианской действительностью, как с чем-то вечно неизменным и неизбежным» (Соловьев). Трусливое отрицание духа для русского чуждо, а там, где он с ним встречается - нестерпимо. Сколь многие из русских поэтов заплатили тюрьмой за свои умонастроения! Каждый сам должен давать пример тому, чему он учит. В русской культуре нет ничего подобного Шопенгауэру, который, как человек, был лакомкой и франтом, а, как мыслитель, рекомендовал уклонение от пользования земными благами. Русский послушен голосу совести, он раскаивается и жертвует собой. Когда в 1881 году Александр II пал жертвой покушения, - Толстой и Соловьев независимо друг от друга выступили за помилование убийцы...

Прометеевский человек не хочет видеть существо мира иным, чем оно есть, он лишь хочет его упорядочить, использовать и оформить. Русский же хочет преобразовать мир до основания. Поэтому европеец стремится к успокоительной и консолидирующей середине, а русский - к всеосвобождающему концу. Конечной, целью западной культуры является не борьба с силами земли, а состояние всеобщей обеспеченности, порядка и благосостояния по окончании победной борьбы с ними. Ее цель - мещанство...

Свобода нераздельна со смирением. Русский свободен ибо он полон смирения. В то время, как европеец стремится оправдаться и казаться большим, чем он есть на самом деле русский не только открыто признается в своих ошибках и слабостях, но даже их преувеличивает. По отношению к своей личности, он честнее европейца (по отношению же к вещам - наоборот). Из чувства виновности мысль о жертве вырастает в центральную идею русской этики. Без смерти нет воскресения, без жертвы нет возрождения. Пасха, а не Рождество является величайшим русским церковным праздником...

Русский больше склонен к внутреннему совершенствованию, чем к внешнему успеху. И в этом он ближе опять таки к индусам и китайцам. Он стремится к добродетели, а прометеевский человек к деловитости. Деловитость ведет к успеху в мире фактов, но она разъедает душу и разрушает внутреннюю свободу. Тот, кто обращается к добродетели, тот рвет с реальностью. Он становится *на сторону* духовного порядка, чья защита связана с тяжелыми потерями в мире полезности, но этим спасается внутренний человек. Так сталкиваются эти два противоположных идеала внутренней свободы и внешнего могущества. Культуре середины свойственен идеал могущества, а культуре крайности - идеал свободы...

Русский доверяет сверхчувственным силам, изнутри пронизывающим все приходящее. Его основное переживание - изначальное доверие, пра-доверие. Прометеевский человек занимает противоположную позицию. С его точечным чувством связан в качестве преобладающего душевного настроения изначальный страх, пра-страх. Для него надежно существует только свое собственное Я. Он - метафизический пессимист, озабоченный лишь тем, чтобы справиться с окружающей его эмпирической действительностью. Он не доверяет основе вещей. Он не верит твердо в сверхземные силы, осмысленно организующие бытие. Он переживает мир, как хаос, только через человека получающего смысл и оправдание. Его всегда мучает боязнь, что мир порвет удила, как только с него будет снята без отдыха творящая рука. Это несчастный человек. Гораздо более несчастный, чем русский. Прометеевский человек противостоит судьбе как врагу, с которым он борется не на жизнь, а на смерть. Для него трагична не судьба сама по себе, а поражение в борьбе с ней. Русский же един со своей судьбой. Он ей не противостоит.

Исходя из своего точечного чувства прометеевский человек обладает лишь *специализирующим* видением, русский же, исходя из своего чувства всеобщности, обладает *видением универсальным*. Первый, свое основное переживание противоположности «Я» и мира, переносит и на всю картину мира. Он не видит органической всеобщности жизни (Киреевский), а только лишь единицы, пункты, в лучшем случае - сумму пунктов. Перед властным взором боязливо планирующего человека вселенная распадается на бездушные, друг другу враждебные части; перед любящими взорами самоотверженного человека та же вселенная сливается в одно гармоническое целое. К власти можно прийти только через разделение, к целому только через самоотвержение. Духовная сущность европейца - анализ, этическая - компромисс и примирение. Человек точечного чувства видит лишь осколки, несовершенное, и ищущее своего оформителя. Человек всеобщего чувства ощущает совершенное, перед которым он смиренно преклоняется...

Во взаимоотношениях людей друг с другом точечное чувство соответствует себялюбию, а чувство всеобщности - увству братства. Когда европеец смотрит на себе подобного, им тотчас же и невольно овладевает ощущение: это мой враг. Человек человеку – волк. Каждый за себя и каждый сам по себе бог, а потому каждый друг против друга и все против Бога – такова сущность и характер европейского общежития. В науке это воззрение на жизнь, как на войну всех против все отразилось в дарвинском учении борьбы за существование. Отсюда не случайно, что именно русский, князь Кропоткин выступил с обратным учением в своей книге. «Взаимная помощь как фактор эволюции» (Лондон, 1902). В ней он защищает тезис о взаимопомощи в мире людей и зверей...

Русский переживает мир, исходя не из «Я» и не из «Ты», а из «Мы». Противоположение личности не является для него чем-то основным. Со стихийной живостью он ощущает прежде всего неразделимое целое, в котором находятся все люди. Поэтому, «он один из всех европейцев обладает непосредственным отношением к душе своего ближнего». Если он смотрит на ближнего, он видит в нем не врага, а брата. Его первое движение, есть движение симпатии и доверия. Он верит в естественную доброту ближнего, вплоть до доказательства противного. В России люди, которые только что друг с другом познакомились, быстро становятся задушевными друзьями: через час кажется, что они были знакомы друг с другом чуть ли не целую жизнь. В Европе, особенно в Германских странах, наоборот: там можно знать друг друга всю жизнь, но даже другу душа не открывается для своих сокровенных глубин...

Чувство братства делает русскому жизнь много легче и выносимое, чем европейцу с его инстинктами борьбы, грабительства и конкуренции. Попадающий в нужду среди русских не окончательно погиб, он всегда найдет помощь. В то время, как европеец «из принципа» не одалживает денег, русский одалживает всегда, даже если знает что (обычно) свои деньги он обратно не получит. Быть равнодушным к чужой нужде противоречит идее любви, господствующей среди русских. Тактичная нежность, с которой русский оказывает помощь, отнимает от нее то унижительно-безжалостное, что отравляет большинство пожертвований...

Сущность русского чувства братства исходит не из того, что люди в одинаковой степени чем-то владеют, и не из того, что они равны, а из одинакового уважения к ним ...

Русские против римлян, чувство братства против воли власти, смирение против высокомерия, простота против помпы, вдохновение божественной любви против пафоса насилия - таковы альтернативы грядущих поколений...

Русское чувство братства настолько сильно, что распространяется и на *грешников*. Вид чужой вины напоминает русскому о его собственной вине, а не как некогда еврейским фарисеям - о собственном превосходстве. Русский глу-

боко ощущает: все мы в какой-то степени грешники. Европейец же разделяет: ты виновен, а я нет. В России преступника больше сожалеют, нежели проклинают. Русский не впадает столь легко в обычную для Запада отвратительную привычку думать лишь о своем самооправдании, отклоняя от себя вину и отвергая упреки. Русский часто даже чувствует потребность в признании своей вины.

Братское чувство русских, открывая пути к вершинам человечества, одновременно ставит их и перед пропастью опасности. То, что на высшей ступени граничит с нравственным совершенством, то на низшей ступени опускается ниже среднего уровня. В одном случае чувство личной ответственности обострено до крайности, в другом - заглушено. В одном случае говорится: каждый ответственен за всех и за все, а в другом: никто не ответственен ни за кого и ни за что. Тут царство всеобщего соучастия в вине, там - всеобщей безответственности. Так случается, что в моральном отношении русские вершины далеко превосходят европейские высоты, а средний русский во многих отношениях не может удержаться на среднем европейском уровне...

Социальная жизнь Европы подчиняется другим законам, чем русская. Западный человек также не может обойтись без себе подобных, - ему нужны сотрудники, партнеры, слушатели, почитатели. Но не в ближних ищет он роста своего «Я», а в вещах, идеях, понятиях. Европейец, не будучи способен жить в ближних, живет, тем не менее, в общих целях. Он *предметный* человек, в то время как русский - *душевный* человек. Европейцев объединяет общий предмет, русских объединяет человечность, предметность придает надежность и сознание долга. Западный человек служит предмету, он исполняет долг. Русский служит непосредственно людям, но не из сознания долга, а из чувства братства. *Европа есть царство предметности. Россия есть Родина души...*

К русскому чувствуешь симпатию, как только с ним лично познакомиться. Европейец импонирует постольку, поскольку ты с ним знаком лишь по его творениям.

Новый человек по сути своей человек не христианский. Как человек культуры середины, его тянет от неба на землю. Как человек изначального страха, он противится христианскому доверию к Богу. Как предметный человек, он умаляет значение заботы о спасении своей души. Как человек точечного чувства, он не способен на любовь к ближнему. В противоположность прометеевскому человеку, *русский дает христианскими добродетелями* в качестве постоянных национальных свойств. Русские были христианами еще до обращения в христианство...

И вновь следует отметить особенность России, как христианской части Азии. Из встречи инстинктивных азиатских наклонностей и женственной сущности с сознательно-христианским отношением к ценностям следует ожидать замечательных последствий. Результатом этого совпадения, ни разу не имевшего места на земном шаре, является *русская женщина*. Она - одна из немногих счастливых случайностей нашей планеты. С англичанкой делит она наклонности к женской свободе и самостоятельности без того, чтобы когда-либо превратиться в «синий чулок». С французской ее роднит духовная подвижность без претензий на глубокомыслие; она обладает хорошим вкусом француженки, тем же пониманием красоты и элегантности, однако, без того, чтобы становиться жертвой тщеславной пристрастности к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домашней хозяйки, без того, чтобы вечно коптеть над кухонной посудой; она имеет материнские качества итальянки, не огрубляя их до обезьяньего любвеобилия...

Евгений Николаевич Трубецкой «Умозрение в красках». Сущность той жизненной правды, которая противопоставляется древнерусским религиозным искусством образу звериному, находит себе исчерпывающее выражение не в том или ином иконописном изображении, а в древнерусском храме в его целом. Здесь именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире. Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, ангелы и вся низшая тварь. И именно в этой идее мирообъемлющего храма заключается та религиозная надежда на грядущее умиротворение всей твари, которая противопоставляется факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты... Здесь мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал, не осуществленную еще надежду всей твари. В мире, в котором мы живем, низшая тварь и большая часть человечества пребывает пока вне храма. И постольку храм олицетворяет собою иную действительность, то небесное будущее, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество еще не достигло. Мысль эта с неподражаемым совершенством выражается архитектурой наших древних храмов, в особенности новгородских...

Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиль выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма - как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся... Нужно ли доказывать, что между наружным и внутренним существует полное соответствие; именно через это видимое снаружи горение небо сходит на землю, проводится внутрь храма и становится здесь тем его завершением, где все земное покрывается рукою Всевышнего, благословляющей из темно-синего свода. И эта рука, побеждающая мирскую рознь, все приводящая к единству соборного целого, держит в себе судьбы людские...

Так утверждается во храме то внутреннее соборное объединение, которое должно победить хаотическое разделение и вражду мира и человечества. Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и ангелов, и человеков, и всякое дыхание земное, - такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства, господствовавшая и в древней нашей архитектуре, и в живописи...

Ее господствующая тенденция односторонне характеризовалась неопределенным выражением «аскетизм» и в качестве «аскетической» отбрасывалась, как отжившая ветошь... Как совместить этот аскетизм с этими необычайно живыми красками? В чем заключается тайна этого сочетания высшей скорби и высшей радости?... Безо всякого сомнения, мы имеем здесь две тесно между собой связанные стороны одной и той же религиозной идеи: ведь нет Пасхи без Страстной седмицы и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо животворящего креста Господня. Поэтому в нашей иконописи мотивы радостные и скорбные, аскетические, совершенно одинаково необходимы...

Важнейшее в ней, конечно, - радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком, введение во храм всего человечества и всей твари; но к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом: он не может войти в состав Божьего храма таким, каков он есть, потому что для необрезанного сердца и для разжиревшей, самодовлеющей плоти в этом храме нет места: и вот почему иконы нельзя писать с живых людей.

Икона - не портрет, а прообраз грядущего храмового человечества. И, так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем, икона может служить лишь символическим его изображением. Что означает в этом изображении истонченная телесность? Это - резко выраженное отрицание того самого биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь. Ведь именно этой заповедью оправдывается не только грубо-утилитарное и жестокое отношение человека к низшей твари, но и право каждого данного народа на кровавую расправу с другими народами, препятствующими его насыщению. Изможденные лики святых на иконах противопоставляют этому кровавому царству самодовлеющей и сытой плоти не только «истонченные чувства», но прежде всего - новую норму жизненных отношений. Это - то царство, которого плоть и кровь не наследуют...

Мысль эта развивается во множестве архитектурных и иконописных изображений, которые не оставляют сомнения в том, что древнерусский храм в идее являет собою не только собор святых и ангелов, но собор всей твари. Особенно замечателен в этом отношении древний Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме (XII в.). Там наружные стены покрыты лепными изображениями зверей и птиц среди роскошной растительности. Это - не реальные изображения твари, как она существует в нашей земной действительности, а прекрасные идеализированные образы. Тот факт, что в центре этот радостный мотив нашей иконописи связан с ее аскетическим мотивом, это ясно для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с нашими и греческими «житиями святых». И тут и там мы одинаково часто встречаем образ святого, вокруг которого собираются звери лесные и доверчиво лижут ему руки. По объяснению св. Исаака Сирина здесь восстанавливается то первоначальное райское отношение, которое существовало когда-то между человеком и тварью...

Сущность этого нового мироощущения как нельзя лучше передается словами св. Исаака Сирина. По его объяснению, признак сердца милующего есть «возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого страдания сжимается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных и о врагах истины и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились они и были помилованы; а также о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу». В этих словах мы имеем конкретное изображение того нового плана бытия, где закон взаимного пожирания существ побеждается в самом своем корне, в человеческом сердце, через любовь и жалость. Заключаясь в человеке, новый порядок отношений распространяется и на низшую тварь. Совершается целый космический переворот: любовь и жалость открывают в человеке начало новой твари.

№8. Какие позиции по национальному вопросу выделяет В. Соловьев? Какова его собственная точка зрения? Насколько она, по Вашему мнению, состоятельна и почему?

Владимир Соловьев «Оправдание добра». Отношение человека к народности определяется в наши дни в общественном сознании двумя взглядами: *националистическим и космополитическим*. В области чувств и вкусов могут быть переходы и оттенки, но ясных и определенных точек зрения перед нами только две. Первая может быть сведена к формуле: *мы должны любить свой народ и служить его благу всеми средствами, а к прочим народам имеем право быть равнодушными; в случае же столкновения их национальных интересов с нашими мы обязаны относиться к этим чужим народам враждебно*. Сущность другой, космополитической точки зрения выражается так: *народность есть только натуральный факт, не имеющий никакого нравственного значения; у нас нет обязанностей к народу как такому (ни к своему, ни к чужим), и только к отдельным людям без всякого различия народностей*.

Легко сразу усмотреть, что ни тот, ни другой из этих взглядов не выражает должного отношения к факту народных делений: первый взгляд дает этому факту безусловное значение, которое не может ему принадлежать, а второй отнимает у него всякую значительность. Легко заметить также, что каждый из двух взглядов находит себе оправдание единственно только в *отрицательной* стороне взгляда противоположного.

Всякий здравомыслящий космополит упрекает приверженцев национализма не за то, конечно, что они любят свой народ, а только за то, что они считают позволительным, а в иных случаях и обязательным, ненавидеть и презирать инородцев и чужеземцев. Точно так же самый яркий националист, если только он не лишен рассудка, нападает на космополитов не за то, что они требуют справедливости к чужим, а лишь за то, что они равнодушны к своему народу. Значит, в каждом из этих взглядов невольно различается даже его прямыми противниками хорошая сторона от дурной, и естественно возникает вопрос: связаны ли эти две стороны необходимо связью, т.е. 1) следует ли из любви к своему народу позволительность всяких средств ради его интересов и законность равнодушного и враждебного отношения к чужим? и 2) следует ли из одинакового *нравственного* отношения ко всем людям равнодушие к народности вообще и к своей в особенности?

Первый вопрос легко решить, если только разобрать то, что содержится в понятии истинного патриотизма, или любви к народу. Необходимость такого элементарного разбора должна быть признана всяким, ибо всякий согласится, что бывает патриотизм *неразумный*, вместо желаемой пользы приносящий вред и ведущий народы к гибели, бывает патриотизм *пустой*, выражающий только голословную претензию, и бывает, наконец, патриотизм *прямо лживый*, служащий только личиною для низких, своекорыстных побуждений. В чем же состоит настоящий, или истинный, патриотизм?

Настоящая любовь к кому-нибудь выражается в том, что мы желаем и стараемся доставить любимому существу все блага, не только нравственные, но и материальные, однако последние непременно под условием первых. Всякому, кого я люблю, я желаю, между прочим, и материального благосостояния, но, разумеется, лишь с тем, чтобы он достиг его честными средствами и хорошо им пользовался. Если мой друг нуждается, а я ради этого буду способствовать ему в мошенническом приобретении состояния, хотя бы даже при ручательствах в безнаказанности его преступления, или если он писатель, а я буду советовать ему увеличить свою литературную известность посредством удачного плагиата, то всякий по справедливости сочтет меня или сумасшедшим, или негодяем, а никак не хорошим другом своего друга.

Ясно, таким образом, что блага, которые любовь заставляет нас желать для ближнего, различаются не только по своим внешним свойствам, но и по своему внутреннему значению для воли: блага духовные, которые по самому понятию своему исключают возможность дурных средств для их приобретения, так как нельзя украсть нравственное достоинство, или нагабить справедливость, или оттягать человеколюбие, - эти блага желательны *безусловно*, напротив, блага материальные, которые по природе допускают дурные средства, желательны *под условием* неупотребления таких средств, т.е. под условием подчинения материальных целей цели нравственной...

До известного предела все согласны с этою элементарною истиной; все согласны, что непозволительно обогащать посредством преступления ни себя, ни своего друга, ни свою, ни его семью, ни даже свой город или целую область, в которой живешь. Но эта ясная как день нравственная истина вдруг тускнеет и совсем затемняется, как только дело доходит до *своего народа*. Для его предполагаемого блага, для служения его предполагаемым интересам вдруг все оказывается дозволенным, цель оправдывает средства, черное становится белым, ложь предпочитается истине и насилие превозносится как доблесть. Народность становится здесь безусловною и окончательною целью, высшим благом и мерилем добра для человеческой деятельности. Но такое недолжное возвышение есть только призрачное и на деле сводится к унижению народности. Так как высшие человеческие блага исключают безнравственные средства для своего достижения, то, допуская в свое служение народу и *узаконяя* именно эти дурные способы, мы тем самым ограничиваем народный интерес только теми низшими материальными благами, которые могут быть добыты и сохраняемы злым и кривым путем. Это есть прежде всего *обида* для той самой народности, которой мы хотим служить. Это есть перенесение центра тяжести народной жизни из высшей сферы в низшую, - под видом служения народу это есть только служение народному *эгоизму*. Нравственная несостоятельность *такого* национализма обличается и историей, которая достаточно громко свидетельствует, что народы преуспевали и возвеличивались только тогда, когда служили не себе как самоцели, а высшим и *всеобщим* идеальным благам. А кроме того, история же свидетельствует и о фактической неосновательности самого представления о нации или народностях как о коренных и окончательных носителях собирательной жизни человечества...

История всех народов - древних и новых, - имевших прямое влияние на судьбы человечества, говорит нам одно и то же. Все они в эпохи своего расцвета и величия полагали свое значение, утверждали свою народность не в ней самой, отвлеченно взятой, а в чем-то всеобщем, *сверхнародном*, во что они верили, чему служили и что осуществляли в своем творчестве - национальном по источнику и способам выражения, но вполне универсальном по содержанию или предметным результатам. Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т.е. того, что для них всего важнее и что *нужно всему миру, чем они могут послужить ему*, - они живут не для себя только, а для всех. То, во что народ верит и что с верою делает, он непременно признает хорошим *безусловно*, хорошим не как свое, а само по себе, следовательно, для всех, и таковым оно обыкновенно оказывается.

Исторические представители народа могут иногда ложно понимать ту и другую сторону национально-универсальной идеи, которой они служат, и тогда их служение выходит дурное и безуспешное. Филипп II и герцог Альба очень плохо понимали идею церковного единства, парижский Конвент не лучше понимал идею человеческих прав; но дурное понимание проходит, а идея остается и просветляется в новых, лучших своих проявлениях, если только она действительно коренится в душе народа.

Поскольку универсально народное творчество, т.е. то, что народ осуществляет в действительности, постольку же универсально в своем предмете истинное самосознание народное. Народ не сознает себя отвлеченно, как какого-то пустого субъекта, отдельно от содержания и смысла своей жизни, он сознает себя именно в том или по отношению к тому, что он делает и что хочет делать, во что верит и чему служит.

Но если сам народ, как ясно из истории, не ставит целью своей жизни себя самого, отвлеченно взятого, или материальный интерес своего существования отдельно от его высшего, идеального условия, то и каждый из нас не имеет права в любви к своему народу отделять его от смысла его жизни и служение его материальным выгодам ставить выше нравственных требований. И если сам народ своим истинным творчеством и самосознанием утверждает себя во всемирном - в том, что имеет значение для всех или в чем он солидарен со всеми, то каким же образом истинный патриот может ради предполагаемой «пользы» своего народа разрывать солидарность с другими, ненавидеть или презирать чужеземцев? Если сам народ видит свое настоящее благо в благе всеобщем, то как же патриотизм может ставить благо своего народа как что-то отдельное и противоположное всему другому? Очевидно, это не будет то нравственное идеальное благо, которое желает сам народ, и мнимый патриотизм окажется в противоречии не с чужими, а со своим собственным народом в его лучших стремлениях.

Но существует же, однако, национальная вражда и противоборство? Существует, конечно, как некогда существовало повсюду людоедство, - существует как зоологический факт, осужденный лучшим человеческим сознанием самих народов. Возведенный в отвлеченное начало, этот зоологический факт тяготеет над жизнью народов, затемняя ее смысл и подавляя ее вдохновение, ибо смысл и вдохновение частного - только в связи и согласии его со всеобщим.

Против ложного патриотизма или национализма, поддерживающего преобладание звериных инстинктов в народе над высшим национальным самосознанием, прав будет космополитизм, требующий безусловного применения нравственного закона без всякого отношения к национальным различиям. Но именно нравственный принцип, если

проводить его последовательно до конца, не позволяет нам удовлетворяться этим отрицательным требованием космополитизма.

Пусть непосредственным предметом нравственного отношения будет отдельное лицо. Но ведь в самом этом лице одна из существенных его особенностей - прямое продолжение и расширение его индивидуальности - есть его народность (в положительном смысле характера, типа и творческой силы)...

Если мы должны признавать собственное достоинство этого человека, то эта обязанность простирается и на все то положительное, с чем он связывает свое достоинство; и если мы любим человека, то должны любить его народность, которую он любит и от которой себя не отделяет. Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей (как и народность не существует вне отдельных людей) и эта связь сделалась уже нравственною, внутреннею, а не физическою только, то прямой логический вывод отсюда есть тот, что мы должны любить все народности, как свою собственную. Этою заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма, или национализма, становясь основой и мерилom для положительного отношения ко всем другим народностям сообразно безусловному и всеобъемлющему нравственному началу. Значение этого требования любви к другим народностям несколько не зависит от метафизического вопроса о народах как о самостоятельных собирательных существах. Если бы даже народность существовала только в своих видимых единичных носителях, то в них она во всяком случае составляет положительную особенность, которую можно ценить и любить у чужестранцев так же, как и у своих единоплеменников. Если такое отношение станет действительно правилом, то национальные различия сохранятся и даже усилятся, сделаются более яркими, а исчезнут только враждебные разделения и обиды, составляющие коренное препятствие для нравственной организации человечества.

Требование любить другие народности, как свою собственную, вовсе не означает психологической одинаковости чувства, а только этическое равенство волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как и своему собственному; эта «любовь благоволения» одинакова уже потому, что истинное благо едино и нераздельно. Разумеется, такая этическая любовь связана и с психологическим пониманием и одобрением положительных особенностей всех чужих наций, - преодолев нравственною волею бессмысленную и невежественную национальную вражду, мы начинаем знать и ценить чужие народности, они начинают нам нравиться. Но эта «любовь одобрения» не может быть тождественна с тою, которую мы чувствуем к своему народу, как и самая искренняя любовь к ближним (по евангельской заповеди), этически равная любви к самому себе, никогда не может быть с нею психологически одинаковою. За собою, как и за своим народом, остается неизменное первенство исходной точки. А с устранением этого недоразумения устраняется и всякое серьезное возражение против нашего принципа: люби все другие народы, как свой собственный.

1. 80